Н. Г. Чернышевский

История
Философия
Литература

Н. Г. Чернышевский

История
Философия
Литература

*Издательство
Саратовского университета
1982*

10(09)1+882·09+9(47+57)16

В статьях сборника рассматривается творчество Н. Г. Чернышевского как историка, философа, литературного критика и художника слова, показывается значение его наследия для нашей современности, дается отпор попыткам буржуазных историографов выхолостить революционную сущность его идей.

В первом разделе освещаются различные аспекты участия Чернышевского в истории русского освободительного движения. Особое внимание уделяется изучению взаимоотношений с либералами. Материалы второго раздела выясняют особенности философского материализма Чернышевского, содержание его социалистических идеалов, его эстетические взгляды. Третий раздел включает статьи, в которых рассмотрены литературно-критическая концепция Чернышевского, его художественная деятельность.

Основу сборника составили материалы научно-теоретической конференции, проходившей в Саратовском университете 12—14 октября 1978 г.

Для специалистов, преподавателей вузов, студентов и для всех, кто интересуется творчеством Чернышевского.

$Н\frac{72-4}{176(02)82}$174—82. 4603010100

В. А. Родионов

Н. Г. Чернышевский и Саратовский край

Наша Родина богата великими людьми. В памяти народной хранится много прекрасных имен, составляющих гордость и славу прогрессивного человечества. Среди них по праву занимает почетное место Николай Гаврилович Чернышевский — мужественный революционер, великий ученый, философ, экономист, критик, писатель.

Деятельность Чернышевского составила целую эпоху в истории российского освободительного движения, в истории науки и культуры. Во второй половине XIX столетия он был признанным вождем передовых, демократических сил России. Он посвятил всю свою жизнь борьбе против эксплуатации и нищеты, отдал делу революции и борьбы с царизмом весь свой огромный талант гениального мыслителя-материалиста, писателя и критика, убежденного революционера-демократа и социалиста. В. И. Ленин в знаменитой статье «Памяти Герцена», давая классическую периодизацию революционно-освободительного движения в России, связывал с именем Чернышевского новый, революционно-разночинский этап борьбы народа за освобождение. Владимир Ильич назвал его имя в первых рядах деятелей освободительного движения нашей страны, сыгравших «великую роль в подготовке русской революции» [1].

От сочинений Чернышевского, подчеркивал В. И. Ленин, «веет духом классовой борьбы» [2]. С необычной яркостью и ма-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 255.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

стерством это отразилось в революционном романе «Что делать?». Роман — явление исключительное. В нем глубоко раскрыто мироощущение русской революционной демократии. Ни в русской, ни во всей мировой литературе не найти другого подобного произведения, которое оказало бы такое неотразимое практическое воздействие на передовые умы, на людей, жаждущих социального обновления мира. Хорошо об этом в свое время сказал Г. В. Плеханов. Он писал: «Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?». Никто не укажет такого произведения...»[3]. И далее: «Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее»[4].

Историческое значение романа заключалось как раз в том, что он давал ответ на основной вопрос: что делать людям, ненавидящим старое, не желающим жить по-старому, стремящимся приблизить прекрасное «завтра» своей Родины и всего человечества.

В. И. Ленин, имея в виду всю подвижническую деятельность русского Прометея, отмечал, что Чернышевский «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[5]. О самом же романе «Что делать?» В. И. Ленин отзывался так: «Под его влиянием сотни людей делались революционерами... *Он меня всего глубоко перепахал...* Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь»[6].

Герой романа «Что делать?» «особенный человек» Рахметов шагнул в литературу, конечно, из самой жизни. Этот профессиональный революционер был рожден исторической необходимостью, а говоря конкретнее, обстановкой тогдашней революционной действительности. Но чтобы такой герой появился в литературе, нужна была смелая провидческая кисть Чернышевского.

Революционная ситуация в 50—60-е г. XIX в. в России созревала быстро и неудержимо. Крестьянские бунты и яркие вспышки неповиновения мужика помещику, непокорство воз-

---

[3] Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. в 5-ти т. М., 1956—1958, т. 5, с. 114-115.

[4] Там же.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

[6] В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969, с. 653.

бужденного студенчества, набатный звон герценовского «Колокола» из туманной дали Лондона, тяжелое поражение царизма в Крымской войне — все это усиливало в обществе жажду великих перемен. Как выразителей своих сокровенных дум и чаяний революционная Россия выдвинула сначала Белинского и Герцена, а затем породила из недр своих гигантскую фигуру Чернышевского.

Через несколько лет после смерти «неистового Виссариона» Чернышевский, оценивая великое значение его деятельности для русской критики и истории, писал в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Кто вникнет в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, ясно поймет, что характер ее совершенно зависел от исторического нашего положения; и если представителем критики в это время был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь он не таков, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себе другого служителя, с другой фамилией, с другими чертами лица, но не с другим характером: историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду»[7].

Время настоятельно требовало появления Чернышевского, и он пришел в мир, чтобы совершить свой удивительный гражданский и человеческий подвиг, без которого теперь невозможно представить историю нашей страны, историю революционной борьбы против самодержавия, историю отечественной и мировой культуры.

* * *

Великая русская река Волга, старинный волжский город Саратов были колыбелью Чернышевского. Здесь он родился, здесь получил первый жизненный опыт, здесь на практике воплощал в жизнь свои убеждения. Здесь в его плоть и кровь вошло ощущение сопричастности с жизнью народной, родилось и окрепло желание быть борцом за лучшее будущее, «быть гражданином... жить благородно и деятельно, содействуя материальному и нравственному благосостоянию своих сограждан».

---

[7] Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М., 1974, с. 444-445.

Деревянный дом с мезонином — свидетель детских и отроческих забав Чернышевского — и поныне стоит в Саратове на берегу Волги. С особым благоговением смотрим мы на этот дом, на это «родное гнездо орла», по выражению Константина Александровича Федина.

Семья Чернышевских преклонялась перед книгой. Отец Гаврила Иванович — священник Сергиевского прихода, человек высококультурный и для своего сословия настроенный весьма демократически — привил сыну горячую любовь к знаниям и пробудил его необыкновенные лингвистические способности.

В 12 лет Н. Г. Чернышевский читал в подлиннике Цицерона. Отправляясь в 1846 г. для поступления в Петербургский университет, он, помимо обширных знаний в области литературы, истории, естествознания, хорошо знал французский, немецкий, английский, греческий, латинский, арабский, персидский, древнееврейский, татарский и польский языки. Большинством из них он владел отлично. На латыни, например, вел переписку со своим отцом.

Только что поступивший в университет студент Чернышевский уже хорошо представлял себе, чего хочет достичь, к чему стремится, что считает главным в жизни. Об этом можно судить по его письму из Петербурга двоюродному брату А. Н. Пыпину в родной Саратов: «Решился твердо, всею силою души содействовать тому, чтобы прекратилась эта эпоха, в которую наука была чуждою жизни духовной нашей, чтобы она перестала быть чужим кафтаном, печальным безличием обезьянства для нас. Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира... выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества... И да свершится чрез нас хоть частию это великое событие!..

Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?»

Своеобразным университетом для Чернышевского была Волга со сложным бытом ее берегов, с народной песней и бурлацким стоном, с многоязыким людским говором, с лихим кулачным боем и удалой работой. Позднее, уже находясь в Петропавловской крепости, Чернышевский напишет в «Автобиографии»: «...Берег играл важную роль в жизни ребенка, это разумеется... Окна дома, в котором жили мы, выходили на Волгу. Все она и она перед глазами, — и не любуешься, а полюбишь. Славная река, что говорить». Легенды о Стеньке Ра-

зине, рассказы тех, кто помнил грозную пугачевщину, Соколовая гора над Саратовом, где народная молва поместила стан Пугачева, — все это не просто возбуждало фантазию, а делало Волгу олицетворением могучих, но скованных цепями рабства народных сил.

Саратовские годы сформировали такой характер Чернышевского, который привел его к новой революционной морали, к новым убеждениям. В той же «Автобиографии» Чернышевский признавался: «А ведь, однако же, то, что было в детстве, еще сильнее стало во мне в молодости, и с той поры не ослабело, остается до сих пор. Авось и в старике во мне сохранится все то хорошее, что было в юноше».

Царизм предпринимал жестокие меры, чтобы изолировать пламенного революционера, лишить его возможности вести научную, исследовательскую, литературную работу, осудил его на ссылку в Сибирь. Но идеи Чернышевского продолжали воздействовать на умы передовых людей России, возбуждали революционную энергию, указывали путь к борьбе с самодержавием.

В деревеньке Кокушкино молодой ссыльный Владимир Ульянов снова и снова обращался к страницам журнала «Современник»: «...Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу... Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же и Чернышевский» [8].

Двум великим сынам Волги, двум великим революционе-

---

[8] В. И. Ленин о литературе и искусстве, с. 654—655.

рам не довелось встретиться, но образ Чернышевского — неустрашимого борца за народное дело — всю жизнь сопровождал В. И. Ленина.

В. И. Ленин интересовался не только сочинениями великого революционера-демократа, но и его биографией. Он никогда не переставал восхищаться непреклонной верностью Чернышевского своим убеждениям, его выдержанностью, мужеством. Н. К. Крупская говорила А. В. Луначарскому: «Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость и уважал его в чрезвычайно высокой мере. Я думаю, что между Чернышевским и Владимиром Ильичом было очень много общего». Следуя заветам В. И. Ленина, Коммунистическая партии всегда придавала огромное значение идейному наследию великого демократа.

Еще до ареста Чернышевский собирался подытожить свою работу в журналистике, начал готовить к изданию собрание своих сочинений. Однако при жизни ему не удалось осуществить такое издание. Впервые, благодаря огромным усилиям его сына Михаила Николаевича, оно вышло в годы первой русской революции. Но только Великий Октябрь открыл неограниченные возможности для собирания, издания и распространения трудов Чернышевского.

За годы Советской власти его работы издавались в СССР 210 раз на 24 языках. Роман «Что делать?» выходил свыше 90 раз тиражом более 6 миллионов экземпляров. 7 раз издавались собрания сочинений Чернышевского, в том числе в 1939—1953 гг. — Полное собрание сочинений в 16-ти томах.

Нет дома, нет семьи, нет человека в нашей стране, который бы не думал о Чернышевском со светлым чувством.

* * *

Великий сын русской земли Николай Гаврилович Чернышевский страстно желал своему отечеству свободы и процветания и своей титанической деятельностью вождя русской революционной демократии приближал будущее, которое безошибочно называл светлым и прекрасным. Как истинный патриот, он любил Россию страстной, горячей любовью и при этом особые чувства испытывал к своей колыбели — саратовской земле. Любовь к Волге, к Саратову он пронес через всю

свою жизнь. В мрачном каземате Петропавловской крепости, в далекой якутской ссылке он вспоминал раздольную ширь Волги, буйное цветение садов, могучие бурлацкие песни. И это обращение к родной земле питало гражданское мужество революционера, помогало выстоять в изнурительной борьбе с самодержавием.

То, о чем мечтали лучшие умы России, то, что героям романа Чернышевского являлось в сновидениях, давно волею партии коммунистов, самоотверженным трудом советского народа превращено в реальную действительность. Раскрепощенный труд за годы Советской власти дал удивительные плоды. Могучий промышленный потенциал, сделавший нашу страну великой мировой державой, мощная, невиданная доселе техника в руках современного земледельца, передовая советская наука, новый советский характер, выкованный партией Ленина, — все это по существу предвидели лучшие умы России, и, может быть, в первую очередь Чернышевский.

Подчинив всю свою деятельность одной задаче — революционной борьбе против крепостничества и царизма, великий демократ огромную роль в борьбе за светлое будущее отводил знаниям. Но только Советская власть оказалась способной открыть народным массам путь к знаниям, к высотам культуры. Об этом ярко свидетельствуют примеры из жизни Саратовского края.

До Великого Октября Саратовская губерния являлась одним из самых отсталых районов России. Девять десятых ее населения было занято в сельском хозяйстве, которое велось примитивно, на очень низком агротехническом уровне. Из-за частых неурожаев крестьянские семьи едва сводили концы с концами, постоянно голодали. Удельный вес промышленной продукции Саратова был каплей в общем объеме промышленного производства России. Недаром Саратовский край вошел тогда в художественную литературу как классический образец угрюмого захолустья.

Только Октябрьская революция смогла вывести нашу область, как и всю страну, на дорогу бурного социалистического развития, коренным образом изменила ее экономику и культуру. Наряду с созданием электроэнергетики — этой основы хозяйственного и культурного развития — в области возникли машиностроение, электронная, химическая, нефтехимическая, газовая отрасли промышленности, строительная индустрия. Уже давно саратовцы поставляют народному хозяйству страны и за ее пределы уникальные станки высокого класса точно-

сти, современные приборы, дорожные машины, троллейбусы, холодильники и другую промышленную продукцию. В настоящее время область поставляет изделия промышленности более чем в 60 стран мира.

В романе «Что делать?» Чернышевский смело рисовал картины жизни и труда людей будущего: заводы, похожие на дворцы, машины на полях, делающие труд удовольствием, народные праздники. Он верил в неиссякаемые творческие возможности народа и справедливо считал, что «главный элемент реальности — труд, и самый верный признак реальности — деятельность».

В панораму области органически вписались мощные современные корпуса авиационного завода, завода технического стекла, химических комбинатов и других производств. Широко известна саратовская система бездефектного труда.

В 1846 г. юный Чернышевский 25 дней на перекладных добирался до Москвы. Сейчас пассажиры на стремительном реактивном самолете ЯК-40, который выпускают саратовские авиастроители, преодолевают это расстояние за два часа. Этот самолет завоевал широкую популярность в мире.

В высокомеханизированную отрасль экономики превратилось сельское хозяйство области. На полях колхозов и совхозов работают 38,5 тыс. тракторов, в том числе более 5 тыс. степных богатырей К-700 и К-701, созданных ленинградскими тракторостроителями, 20 тысяч комбайнов, 14,4 тысячи грузовых автомобилей и много другой современной техники.

Бичом края были засухи. Проблема преобразования саратовской земли волновала лучшие умы России, волновала она и Чернышевского. В последний год жизни он работал над статьей «Мысли о будущности Саратова», в которой хотел показать влияние водных ресурсов Волги на экономику края. Статья, к сожалению, осталась незаконченной.

Буржуазные экономисты считали Заволжье краем без будущего, но Великий Октябрь опроверг это утверждение. В степи выросли новые поселки, распахана целина. На карту нашей области с каждым годом наносится все больше голубых жилок — это по новым рукотворным руслам-каналам идет в степь волжская вода. Строительство саратовского оросительно-обводнительного канала, новых систем орошения — яркая страница в истории нашего края. Орошено 360 тыс. гектаров.

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии, осуществлению широкой программы комплексной механиза-

ции, химизации и мелиорации сельского хозяйства область стала крупным поставщиком зерна и животноводческой продукции. Достаточно сказать, что за 1966—1978 гг. (за последние 12 лет) колхозы и совхозы области продали государству 33 млн. т хлеба, в том числе более 5 млн. т в 1978 г. За успехи в развитии экономики, особенно сельского хозяйства, область дважды удостоена высокой награды Родины — ордена Ленина.

Разительные перемены произошли в культуре края. До Октябрьской социалистической революции жители Саратовской губернии не умели, как правило, читать и писать. Образование было привилегией власть имущих. Царизм искусственно тормозил создание даже таких необходимых для края учебных заведений, как сельскохозяйственные. Несколько десятилетий отстаивали передовые люди идею открытия в Саратове университета, идею, которая была высказана в окружении Чернышевского. Когда же университет открыли, в нем разрешено было иметь лишь один факультет — медицинский.

Ныне в области 12 вузов, 48 средних специальных учебных заведений, 74 профессионально-технических училища. Завершен переход ко всеобщему среднему образованию. Удовлетворению духовных потребностей саратовцев служат 1210 массовых библиотек, 41 газета, 1838 киноустановок, семь театров, филармония, цирк, более 1700 клубов и множество других культурно-просветительных учреждений.

* * *

Николай Гаврилович Чернышевский близок нам еще и тем, что он страстно мечтал о людях, для которых понятие счастья, прекрасной жизни неразрывно связано с неутомимой деятельностью на благо народа, а личные интересы органически сливаются с общественными. Он, по сути, предвидел появление советского характера, когда создавал образы новых людей, видевших смысл своей жизни в служении общему делу.

Мечта Чернышевского о новых людях стала реальностью. Это о них говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде КПСС: «Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который,

пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом» [9].

Советский человек — порождение нового, социалистического общества. И это не абстрактное понятие. Можно назвать десятки, сотни, тысячи конкретных носителей черт нового хахарактера, соединившего в себе идейную убежденность, трудолюбие и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение применять их на практике. Можно назвать, например, Героев Социалистического Труда токаря Саратовского авиационного завода, члена бюро обкома КПСС М. Ф. Храмова, бригадира колхоза имени XIX партсъезда Энгельсского района К. П. Овсянникова, машиниста Ртищевского локомотивного депо А. Н. Сапрыкина и других передовиков производства. 117 человек в области носят звание Героя Социалистического Труда и 287 — звание Героя Советского Союза, и это еще одна яркая иллюстрация того отрадного изменения человеческой природы, о которой мечтал наш великий земляк.

В романе «Что делать?» Чернышевский писал о людях будущего, для которых труд — радость, которые за работой поют. Они поют оттого, что чувствуют себя свободными, родная земля принадлежит им и ее можно сделать прекрасной. Это время наступило, это — наша советская действительность. Являясь единственным полновластным хозяином страны, советский народ решает важнейшие вопросы ее политической, экономической, социальной и культурной жизни. Он сам устанавливает самые справедливые на земле законы. Доказательство тому — всенародное обсуждение и единодушное принятие новой Конституции СССР, исторического документа, вобравшего в себя коллективный опыт, знания, государственную мудрость миллионов.

Горячий патриот России Чернышевский без колебаний и сомнений прошел нелегкий путь революционера. Он никогда не жалел, что избрал такую судьбу. Вера в правоту своего дела, сознание того, что знамя борьбы, поднятое им, будет подхвачено другими, помогали ему сохранить бодрость духа, работать до последнего дыхания. «Я хорошо служил своей Родине и имею право на признательность ее...», — говорил Чернышевский. Он был уверен, что потомки по достоинству оценят

---

[9] Материалы XXV сезда КПСС. М., 1976, с. 87.

его жизнь и не забудут его. И он не ошибся. Саратовцы бережно хранят память о своем великом земляке. Его имя носят совхоз, два колхоза, университет, две школы, театр оперы и балета.

И дело не только в названии. Дело в том ,что каждый из этих коллективов самим своим существованием в современном мире выражает те нравственные и социальные идеалы, к которым всю жизнь стремился Чернышевский. Великий демократ страстно мечтал о торжестве свободного труда, и как бы в осуществление его мечты совхоз и колхозы его имени, объединившие трудовые усилия современных земледельцев, являют собою воплощение свободного творческого труда.

Н. Г. Чернышевский мечтал о расцвете науки, которая служила бы интересам нового общества. Воплощением заветной мечты великого просветителя стал Саратовский государственный университет, носящий с 1921 г. имя великого революционера-демократа. На 8-ми факультетах университета обучаются 10 тыс. студентов. Среди преподавателей более 50 докторов наук и профессоров, более 300 кандидатов наук и доцентов. В составе университета — три научно-исследовательских института: механики и физики, химии, геологии, а также вычислительный центр, ботанический сад, издательство, научная библиотека, которые помогают не только готовить кадры специалистов высшей квалификации, но и успешно решать важнейшие научные проблемы, имеющие большое народнохозяйственное значение.

Заметный вклад в исследование трудов великого мыслителя внесли саратовские филологи: профессор А. П. Скафтымов, профессор Е. И. Покусаев, кандидат филологических наук Н. М. Чернышевская и другие. На протяжении многих лет университет выпускает сборники «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы».

Образ дорогого нам человека воссоздан в ряде книг, спектаклей, кинофильмов, произведениях скульпторов, живописцев, графиков. В их числе «Саратовский мальчик» и «Повесть о Чернышевском» Н. М. Чернышевской, драма В. А. Смирнова-Ульяновского «Великий демократ», фильм областного комитета по телевидению и радиовещанию «Родное гнездо орла», памятник Чернышевскому работы скульптора А. П. Кибальникова, установленный на одной из центральных площадей Саратова.

Достойным памятником Чернышевскому в Саратове является Дом-музей его имени. Постановлением Совета Народных

Комиссаров от 17 сентября 1920 г. за подписью В. И. Ленина музей был объявлен национальным достоянием. Основу его составила ценнейшая коллекция рукописей, документов, книг, которую собрал сын великого демократа М. Н. Чернышевский. Почти 35 лет директором Дома - музея была внучка Н. Г. Чернышевского Нина Михайловна Чернышевская, кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР, неутомимый исследователь и пропагандист обширного научного и литературного наследия своего деда.

Ежегодно Дом - музей принимает десятки тысяч экскурсантов, среди которых много туристов из социалистических стран. Они выходят из музея взволнованные подвигом жизни Чернышевского, воодушевленные примером самоотверженного служения народу. В книге отзывов содержатся волнующие записи посетителей Дома-музея, отдельные из которых просто нельзя не привести. Группа офицеров, отправляясь на фронт в апреле 1942 г., писала: «В музее Н. Г. Чернышевского перед нами вновь прошли страницы мужественной, героической жизни великого мыслителя и революционера, отдавшего свою жизнь борьбе за освобождение и счастье своего народа. Пламенный патриотизм Чернышевского, его несгибаемая воля и бесстрашие в борьбе с врагами, светлая вера в победу своего дела будут вдохновлять нас в эти грозные дни войны на мужество, стойкость и бесстрашие в борьбе с гитлеровскими захватчиками, вселять в нас веру в победу советского народа, в счастливое будущее нашей любимой Родины».

А вот запись Л. Т. Космодемьянской — матери двух Героев Советского Союза: «С чувством глубокого волнения я переступила порог Дома - музея, где родился и провел свои детские годы великий русский мыслитель, революционер - демократ, страдалец за счастье народное, за справедливость на земле — Н. Г. Чернышевский. Для меня особенно дорог светлый образ Чернышевского, который служил как бы путеводной звездой жизни моих детей Зои и Шуры Космодемьянских, отдавших свои юные жизни за свободу в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Светлый образ Н. Г. Чернышевского воспитал не одно поколение молодежи и всегда будет служить примером для грядущих поколений молодежи, прививая лучшие черты: стойкость, упорство в достижении цели, справедливость, любовь к Родине и народу. Вечная слава верному сыну русского народа Н. Г. Чернышевскому».

«Мы, студенты Саратовского государственного университе-

та имени Н. Г. Чернышевского, с глубоким волнением переступили порог дома, в котором родился и провел свои юношеские годы великий революционный демократ. «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него»,—писал Николай Гаврилович. Мы живем, работаем, учимся в это прекрасное время и глубоко счастливы, что являемся студентами университета, носящего имя нашего великого земляка, чья жизнь была, есть и будет светлым, вдохновляющим примером беззаветного служения Родине».

Константин Александрович Федин в книге посетителей записал: «Счастлив, что еще раз довелось мне посетить эту памятную святыню русской культуры и величайшее достояние нашего советского народа — Дом Николая Гавриловича Чернышевского, родное гнездо орла».

Болгарские туристы оставили следующие признания: «Мы счастливы, что познакомились с жизнью и творчеством Чернышевского, великого демократа и публициста. Наш поэт-революционер Христо Ботев был воспитан на идеях Чернышевского, и вождь нашего народа Георгий Димитров читал его произведения, содействовавшие формированию его как революционера».

Воздействие революционной мысли русского Прометея испытали деятели культуры братских народов, а также деятели международного коммунистического и рабочего движения. Философская, литературная, критическая и просветительская мысль Чернышевского имеет мировое значение.

Отдавая дань глубокого уважения подвигу своего земляка, саратовцы многое сделали к 150-й годовщине со дня его рождения. Осуществлен план юбилейных мероприятий, который охватил широкий круг вопросов.

В области ведется большая работа по пропаганде жизни и деятельности Чернышевского, его связей с Саратовским краем, по претворению в жизнь его идей.

В учебных заведениях и учреждениях организованы стационарные и передвижные книжно-иллюстративные выставки о Чернышевском, позволяющие наиболее полно познакомиться с трудами ученого и писателя. Повсеместно проводятся научные и читательские конференции. В этой работе самое активное участие принимают ученые, учителя, сотрудники Дома-музея Чернышевского, писатели, журналисты.

К юбилейной дате приурочен выход в свет новых исследований о Чернышевском, которые подготовили саратовские ученые. Среди них можно назвать книгу кандидата филологи-

ческих наук А. Демченко «Научная биография Н. Г. Чернышевского» и другие. Чернышевскому посвящена седьмая книжка журнала «Волга» за 1978 г.

С большим интересом встречены саратовцами постановки драмтеатра имени К. Маркса «Человек, который знал, что делать» и театра юного зрителя «Что делать?». Нижне-Волжская студия кинохроники выпустила фильм о Чернышевском. Наши художники подготовили областную выставку работ, посвященных 150-летию со дня рождения великого земляка.

В Саратове состоялись торжественный вечер общественности, посвященный 150-летию со дня рождения Чернышевского и научно-теоретическая конференция.

* * *

Имя Николая Гавриловича Чернышевского по праву занимает одно из первых мест в истории революционной борьбы против самодержавия и крепостничества, за светлое будущее народа. Подвиг Чернышевского, его идейно-теоретическое и литературное наследие будут и впредь служить путеводной звездой многим поколениям людей. Чернышевский — наш современник, наш союзник в борьбе против идеологии империализма, в борьбе за демократию, социализм и коммунизм.

Н. А. Троицкий, Г. Н. Антонова

Н. Г. Чернышевский в трудах саратовских исследователей

1

Саратов давно уже известен не только как родина. Н. Г. Чернышевского, но и как центр изучения его жизни, деятельности, наследия. Чернышевоведение в качестве научного направления стало возможным лишь после Великого Октября. Советская власть увековечила память Чернышевского, создав в 1920 г. на его родине Дом-музей и присвоив в 1922 г. его имя Саратовскому университету. Именно эти два учреждения и стали, в ряду с ведущими научными центрами Москвы и Ленин-

града, средоточием исследовательской работы над комплексной темой «Николай Гаврилович Чернышевский».

С самого начала эта работа развернулась в двух направлениях — публикации наследия Чернышевского и его изучения. И то, и другое направления всегда (и поныне) стимулировались юбилеями и сопровождались выходом в свет специальных изданий по Чернышевскому. Впервые два таких издания вышли в Саратове к 35-летию со дня смерти Чернышевского[1]. Столетний юбилей Николая Гавриловича был отмечен двумя еще более значительными сборниками[2], а по случаю 50-летия со дня его смерти вышли три сборника[3]. Кроме текстов самого Чернышевского в этих изданиях впервые увидели свет различные материалы о его взглядах, жизни и деятельности. Большое значение имел изданный в 1939 г. под редакцией Н. А. Алексеева и с участием А. М. Панкратовой сборник документов «Процесс Н. Г. Чернышевского». Он со всей очевидностью разоблачил закулисную механику скандально подтасованного осуждения Чернышевского.

Саратовские исследователи (М. Н. Чернышевский, Н. М. Чернышевская, С. Н. Чернов, А. П. Скафтымов, В. Я. Каплинский) участвовали в центральных изданиях материалов о Чернышевском[4]. В 1939 г. начало выходить полное собрание сочинений Чернышевского, из 16-ти томов которого 13 изданы с участием саратовцев.

Таким образом, уже в предвоенные годы саратовские ученые создали богатую документальную базу для исследований о Чернышевском. На этой базе, одновременно с продолжающимся по сей день накоплением документов, шло в Саратове изучение Чернышевского. Уже в 20-е гг. сын Чернышевского Михаил Николаевич, историк С. Н. Чернов, филолог А. П. Скафтымов заложили в Саратове особое направление, из ко-

---

[1] См.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи, Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926; Из неизданных текстов Н. Г. Чернышевского. Рассказы. Мысли о будущности Саратова. Саратов, 1926.

[2] См.: К юбилею Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928; Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928.

[3] См.: Н. Г. Чернышевский. Неопубликованные произведения. /Под общей ред. Н. А. Алексеева. Саратов, 1939; Н. Г. Чернышевский. Сб. ст. Саратов, 1939; Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы./ Ред. и прим. Н. А. Алексеева. Ввод. ст. А. М. Панкратовой. Саратов, 1939.

[4] См., напр.: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. М., 1928, т. 1-2; Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Сб. статей, документов, воспоминаний. М., 1928; Лит. наследство. М., 1936, т. 25-26.

торого к 50-м гг. выросла целая школа исследователей, заслужившая общее признание. Она объединила квалифицированных специалистов по истории, литературоведению, языкознанию, философии, политэкономии, правоведению. Поскольку о филологах подготовлен специальный доклад (Г. Н. Антоновой), здесь пойдет речь главным образом о трудах историков, а также философов, экономистов, юристов.

Тема «Н. Г. Чернышевский» всегда разрабатывалась в Саратове комплексно, но в первую очередь саратовские исследователи (преимущественно историки) изучали мировоззрение Чернышевского, смысл и значимость его идей. Многое в этом отношении было сделано уже в 20—30-е гг. А. А. Янсюкевич обобщила высказывания классиков марксизма-ленинизма о Чернышевском[5], а Н. Н. Фиолетов предпринял первый опыт анализа всей совокупности социально-политических взглядов Чернышевского в сопоставлении его с буржуазными мыслителями Запада[6]. Специально о философских и социологических взглядах Чернышевского писали профессора СГУ В. Г. Ильинский и С. З. Каценбоген[7], экономических — П. К. Топилин[8], правовых — Ф. Д. Корнилов[9]. Все эти работы основывались на широком для того времени круге источников и несмотря на отдельные минусы (элементы догматизма в цитировании К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, некоторое преувеличение зрелости идей Чернышевского, недооценка его утопизма) в общем правильно освещали мировоззрение нашего великого земляка.

В 1939 г. А. Л. Шапиро выступил со статьей «Вопросы русской истории в произведениях Н. Г. Чернышевского»[10]. То была первая попытка анализа исторических взглядов Чернышев-

---

[5] См.: Янсюкевич А. А. Маркс, Энгельс, Ленин о Чернышевском.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. ст. Саратов, 1939.

[6] См.: Фиолетов Н. Н. К характеристике социально-политических воззрений Н. Г. Чернышевского. — Учен. зап. Сарат. ун-та., 1925, т. 3, вып. 3.

[7] См.: Ильинский В. Г. Чернышевский как философ.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1926, т. 4; Он же. Чернышевский как мыслитель и революционер.— В кн.: К юбилею Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928; Каценбоген С. З. Философские воззрения Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Саратов, 1928.

[8] См.: Топилин П. К. Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. Канд. дис. на соиск. учен. степ. канд. эконом. наук. Саратов, 1939; Он же. Н. Г. Чернышевский.— Зап. Сарат. план. ин-та, 1940, вып. 6.

[9] См.: Корнилов Ф. Д. Право и государство в воззрениях Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928.

[10] См.: Н. Г. Чернышевский. Сб. статей. Саратов, 1939.

ского. Она удалась и поныне сохраняет научное значение. Сопоставив Чернышевского-историка с корифеями буржуазной исторической науки (С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным), А. Л. Шапиро первым обосновал вывод, являющийся ныне общепризнанным: «Концепция русской истории, которую развивал Чернышевский, была последовательно демократической и революционной и вместе с тем оригинальной концепцией».

Как известно, центральной в мировоззрении Чернышевского была идея освобождения народа. Поэтому наибольшее внимание чернышевоведы уделяли его планам освобождения народных масс. В Саратове плодотворно занимались изучением этих взглядов С. Н. Чернов и А. М. Панкратова.

Видный университетский ученый, один из первых советских исследователей освободительного движения в России Сергей Николаевич Чернов (1887—1942) с 1917 по 1928 гг. работал в СГУ профессором кафедры истории СССР. В 1926—1928 гг. он опубликовал три превосходные работы о Чернышевском [11]. Из них наиболее ценна статья: «К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы». В ней С. Н. Чернов, казалось бы, на частном примере (критических замечаний Чернышевского к проекту «освобождения» крестьян кн. П. В. Долгорукова) одним из первых показал Чернышевского как идеолога крестьянской революции.

Продолжая исследование С. Н. Чернова, выдающийся советский историк (с 1953 г. академик) Анна Михайловна Панкратова (1897—1957), работавшая в СГУ в 1937—1940 гг. профессором и заведующей кафедрой истории СССР, написала статью «Н. Г. Чернышевский и крестьянская реформа 1861 г.» [12]. Здесь на основе анализа всех печатных выступлений Чернышевского по крестьянскому вопросу было доказано, что его программа освобождения крестьян была программой крестьянской революции. В другой статье «Процесс Чернышевского и его значение» [13] А. М. Панкратова развивала тезис (тогда еще гипотетический) о том, что Чернышевский был не только идеологом, но и организатором революционной борьбы.

---

[11] См.: Чернов С. Н. Чернышевский — учитель Саратовской гимназии. — В кн.: Н. Г. Чернвшевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926; Он же, Семья Чернышевских.—Изв. краев. ин-та изучения Ю.-В. обл. при Сарат. ин-те. 1927, т. 2; Он же. К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накнуне «воли». — Каторга и ссылка, 1928, № 7.

[12] См.: Н. Г. Чернышевский. Сб. ст. Саратов, 1939.

[13] См.: ввод. ст. к кн.: Процесс Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939.

К работам С. Н. Чернова и А. М. Панкратовой примыкал ряд других трудов, в которых исследовались революционный демократизм Чернышевского (И. В. Герчиков, Я. М. Майофис[14]), утопическое облачение его взглядов (В. Е. Иллерицкий[15]), круг сподвижников (В. А. Сушицкий, Р. А. Таубин[16]).

После Великой Отечественной войны изучение Чернышевского в Саратове возобновилось с еще большей интенсивностью. Существенно выросла документальная база. Саратовские издания документов становились иногда событиями в чернышевоведении. Так, в 1958—1959 гг. был издан двухтомник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» — наиболее полный и лучший по качеству научного оформления свод мемуарных свидетельств о Чернышевском. «У нас немало сборников мемуаров, посвященных русским писателям, — отмечал известный московский литературовед Б. С. Рюриков. — О Чернышевском данный сборник — первый. И вышел он не в Москве — московские издательства и исследователи до сих пор не удосужились им заняться, — а в Саратове. Саратовские исследователи жизни и творчества Чернышевского сделали, без преувеличения, огромное дело»[17]. В подготовке двухтомника участвовали, наряду с филологами, историки В. Б. Островский, И. В. Порох, К. К. Демиховский, Э. Э. Герштейн. Их комментарии к воспоминаниям о Чернышевском имеют исследовательское значение.

Двухтомник воспоминаний был приурочен к 130-летию со дня рождения Чернышевского. А к 140-летнему юбилею, в 1968 г., вышло под общей редакцией Н. М. Чернышевской еще одно капитальное издание — сборник документов «Дело Чернышевского». Составил его, прокомментировал и снабдил вводной статьей И. В. Порох. Этот сборник, естественно, включил в себя документы, опубликованные Н. А. Алексеевым в издании 1939 г. «Процесс Чернышевского». Но теперь все они были

[14] См.: Герчиков И. В. Чернышевский как критик либерализма.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Майофис Я. М. Франко-итало-австрийская война 1859 г. в оценке Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. ст. Саратов, 1939.

[15] См.: Иллерицкий В. Е. Чернышевский о русской общине.— Там же.

[16] См.: Сушицкий В. А. Чернышевский о Добролюбове.— Лит. наследство. М., 1936, т. 25-26; Таубин Р. А. Чернышевский и Добролюбов — патриоты демократической России.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. ст. Саратов, 1939.

[17] Рюриков Б. Чернышевский как личность и характер.— Новый мир, 1960, № 6, с. 243.

вновь выверены по оригиналам, причем в тексты их внесено больше 300 исправлений. Главное же, материалы Н. А. Алексеева составили лишь несколько больше одной трети нового издания (113 документов из 322). Наряду с ними собраны документы, которые печатались в разное время Н. М. Чернышевской, Б. П. Козьминым, А. А. Шиловым и др., а 51 документ опубликован впервые. В результате судебное дело Чернышевского получило более полное и точное отражение, чем в сборнике 1939 г., хотя еще не исчерпывающее. Рецензенты сборника 1968 г., высоко оценив его в целом [18], отметили в нем упущения и неточности [19].

Сборники «Чернышевский в воспоминаниях современников» и «Дело Чернышевского», а также отдельные публикации в семи сборниках под редакцией Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» (в частности, подготовленные И. В. Порохом [20]) явились ценным подспорьем для новых исследований. В 1950—1970-е гг. саратовские историки, философы, экономисты, юристы (в содружестве с филологами) создали обширный цикл работ, углубивших наши представления обо всех сторонах мировоззрения Чернышевского. Его экономическую «теорию трудящихся» продолжал исследовать П. К. Топилин [21], докторская диссертация которого мотивированно представляла воззрения Чернышевского как вершину экономической мысли домарксова периода. Социологические взгляды Чернышевского (с акцентом на разоблачении буржуазной «демократии») успешно исследовал А. М. Шапиро [22], философские — И. С. Серебров [23], право-

[18] Рецензии о «Деле Чернышевского» опубликовали журналы «Вопросы литературы», «Русская литература», «Иностранная литература», «Новый мир», «Волга» и другие издания, американский журнал Kritika a Review of current Soviet Books on Russian History.

[19] См. рец. А. А. Демченко (Рус. лит., 1970, № 1).

[20] Из дневниковых записей И. Е. Забелина. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962, вып. 3; Из цензурной истории «Воспоминаний» П. Ф. Николаева о Н. Г. Чернышевском. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4.

[21] См.: Топилин П. К. Политическая экономия трудящихся по Н. Г. Чернышевскому. — Тр. Сарат. эконом. ин-та, 1951, т. 3; Он же. Социально-экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра эконом. наук. Саратов, 1953.

[22] См.: Шапиро А. М. Чернышевский — обличитель американской лжедемократии и расизма. — Новая Волга, 1954, кн. 21; Он же. Чернышевский об английском либерализме. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960.

[23] См.: Серебров И. С. Вопросы науки логики в трудах Н. Г. Чер-

вые — Б. В. Виленский[24]. Над проблемой «Чернышевский и его сподвижники» работали В. В. Пугачев и Э. Э Герштейн[25]. Фронт изучения Чернышевского в Саратове расширялся, свидетельствуя, что саратовским ученым по плечу разработка комплексных проблем истории русской революционной демократии и вглубь, и вширь от проблемы «Н. Г. Чернышевский». Примером тому явилась изданная в 1963 г. монография И. В. Пороха «Герцен и Чернышевский».

Эта небольшая по объему, но емкая по содержанию книга представила собой первую в советской историографии попытку проследить эволюцию взаимоотношений двух гигантов русской общественной мысли на всем протяжении их жизненного пути. Столь смелая попытка удалась. Кропотливый анализ разнообразных источников позволил автору четко обрисовать то взаимно обогащавшее влияние, которое оказали друг на друга Герцен и Чернышевский: Герцен помог революционному становлению молодого Чернышевского, а зрелый Чернышевский благотворно влиял на Герцена, помогая ему освободиться от либеральных иллюзий. Вторая, еще более смелая задача — «Определить влияние, которое оказали оба великих писателя-революционера на общественное движение и идейную жизнь России XIX в.» (с. 13) — осталась, как на это указывали рецензенты, нерешенной[26]. Она лишь затронута в книге И. В. Пороха и должна стать темой специального изучения.

Таковы основные публикации и исследования саратовских историков, философов, экономистов, юристов, которые — вместе с трудами литературоведов и лингвистов — объединяются понятием «саратовская школа изучения Чернышевского». Разумеется, это понятие условно. Саратовская школа не только не противостоит в чем бы то ни было советской историографии, но, напротив, жизнеспособна именно потому, что развивается

нышевского.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1957, т. 60. В 1972 г. в Ленинграде И. С. Серебров опубликовал монографию «Проблемы логики в трудах Н. Г. Чернышевского». Рец. Р. Д. Клочковской и Т. К. Никольской на эту книгу см. в кн.: Методологические вопросы науки. Саратов, 1975, вып. 3.

[24] См.: Виленский Б. В. Революционная демократия в борьбе против судебной системы царизма.— В кн: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963.

[25] См.: Герштейн Э. Э. Н. В. Шелгунов — соратник Н. Г. Чернышевского.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1954, т. 39; Пугачев В. В. К вопросу о тактике Н. А. Добролюбова в годы первой революционной ситуации.— Учен. зап. Горьк. ун-та, 1965, вып. 71.

[26] См., напр., рец. Н. М. Пирумовой (Вопр. истории, 1964, № 6).

в общем русле отечественной науки, руководствуясь марксистско-ленинской методологией. Тем не менее ряд черт, характеризующих ее концепцию, методику исследования, принципы подхода к документам, отношение к фактам и гипотезам, выделяет саратовских исследователей Чернышевского в особое научное подразделение.

Саратовскую школу всегда отличала *коллективность научной мысли*, творческое содружество ученых разных специальностей (в первую очередь, историков и филологов). Это качество обеспечило *многоплановость проблематики* и сугубую тщательность ее разработки. Саратовские ученые всесторонне исследуют биографию Чернышевского, его революционную деятельность, социально-политические, философские, исторические, экономические, правовые взгляды, художественное и литературно-критическое творчество, решают комплексные проблемы: «Герцен и Чернышевский», «Чернышевский и Добролюбов», «Чернышевский и Некрасов», «Чернышевский и Салтыков-Щедрин», «Чернышевский и Шелгунов». Газета «Литература и жизнь» 22 октября 1958 г. отмечала, что саратовская школа изучения Чернышевского отличается «органическим сочетанием скрупулезнейшего анализа частного факта биографии с глубоким осмыслением проблематики творчества Чернышевского в целом».

Учитывая, что Саратов — общепризнанный центр публикаций по Чернышевскому, что здесь в разное время были изданы наиболее важные сборники документов о жизни и деятельности Чернышевского, легко понять, почему труды саратовских чернышевоведов выгодно отличает *надежная документальная база,* строго научное и *критическое отношение к источникам.*

Развиваясь в широком фарватере советской науки, саратовская школа поддерживает творческие связи с другими научными центрами, изучающими Чернышевского. Показательной в этом отношении была организованная летом 1958 г. в Саратове по инициативе СГУ совместно с Домом-музеем Н. Г. Чернышевского и Институтом русской литературы АН СССР юбилейная научная конференция в честь 130-летия со дня рождения Чернышевского и 50-летия СГУ. В ней приняли участие специалисты из Москвы, Ленинграда, Казани, Воронежа, Ульяновска, Тулы, Волгограда, Таллина, Петрозаводска, Тарту и других городов[27]. Саратовские исследователи, со своей

[27] См. отчеты о конференции В. Жданова (Вопр. лит., 1959, № 4), Л. Медведевой (Рус. лит., 1958, № 4), П. Бугаенко (Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. 1958, вып. 2), Л. Ивановой (Лит. и жизнь, 1958, 24 окт.).

стороны, являются непременными участниками иногородних научных форумов, связанных с Чернышевским. На Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Чернышевского, которая состоялась весной 1978 г. в Ленинграде, выступали с докладами и сообщениями секретарь Саратовского обкома КПСС кандидат исторических наук В. А. Родионов, философ Я. Ф. Аскин, историк Н. А. Троицкий, литературовед А. А. Демченко, писатель Г. И. Коновалов. Выразительным, многообещающим примером творческого содружества специалистов по Чернышевскому из Саратова и других городов страны является наша сегодняшняя конференция.

Советское чернышевоведение (включая его саратовскую школу) поднялось на высокие научные рубежи, но ему предстоит решить еще много задач. Главные из них формулировались на Всесоюзной конференции по Чернышевскому в Ленинграде и вновь сформулированы здесь, на саратовской конференции, — в докладе М. Т. Иовчука.

Это — подготовка академического издания полного собрания сочинений и писем Чернышевского, создание его научной биографии, капитальная разработка темы «В. И. Ленин и Н. Г. Чернышевский». Задачи не новые, целые коллективы ученых работают над ними давно. Сегодня они гораздо ближе к решению, чем десять и даже пять лет назад, но еще не решены. Важно сосредоточить на них внимание и усилия всех специалистов необходимого профиля. Что же касается саратовских ученых, то они принимали в этом всегда и, можно не сомневаться, примут впредь самое заинтересованное и активное участие.

2

В 20-е гг. коллективом саратовских филологов решалась ответственная задача, важная для всей советской науки: нужно было дать новому читателю представление о подлинном облике Чернышевского, то есть собрать и издать в полном объеме его сочинения, очистить от цензурных искажений прижизненные и дореволюционные публикации революционера-демократа. В 1926—1927 гг. в Дом-музей были переданы все сохранившиеся корректуры его журнальных статей и рукописей, и до 1941 г.[28] музей являлся главным источником всех

[28] В 1941 г. архив Саратовского Дома-музея Н. Г. Чернышевского отошел в Государственный литературный архив при Главном архивном управлении НКВД в Москве (ныне ЦГАЛИ).

новых публикаций литературного наследства великого демократа. В упоминавшихся саратовских сборниках впервые увидели свет произведения, написанные в Петропавловской крепости («Мелкие рассказы», «Заметки для биографии Руссо», черновая рукопись романа «Алферьев» и др.). Многие художественные, литературно-критические, публицистические тексты Чернышевского, его письма, дневник, воспоминания, подготовленные к печати А. П. Скафтымовым, Н. М. Чернышевской, Н. А. Алексеевым, В. Я. Каплинским, В. А. Сушицким, изданы в «Литературном наследии» (т. 1—3, 1928—1930), в «Литературном наследстве» (т. 3, 25/26, 1932, 1936), в сборнике «Звенья» (2, 3—4, 5, 6, 8) [29]. В работе над 16-томным Полным собранием сочинений революционера-демократа (1939—1953) серьезную помощь оказали Н. М. Чернышевская и А. П. Скафтымов, который подготовил тексты и комментарии к XI—XIII томам, включивших все художественные произведения писателя. Это издание, хотя и не свободное от некоторых текстологических и редакционных погрешностей, к тому времени наиболее полно представляло литературное наследство Чернышевского.

В 20—40-е гг. трудами заслуженного деятеля науки РСФСР доктора филологических наук профессора А. П. Скафтымова было положено начало научному изучению Чернышевского в Саратове. В его работах были выдвинуты проблемы, которые впоследствии находились в центре внимания не одного поколения ученых Саратова: своеобразие художественного метода Чернышевского-писателя, его эстетики и литературной критики, вопросы научной биографии революционера-демократа. Со времени появления романа «Что делать?» постоянные споры вызывала природа дарования Чернышевского (художник ли он?), высказывались сомнения в реалистической сущности его творческого метода. Статьи А. П. Скафтымова, исследующие поэтику романа «Что делать?», появились в 1926 и 1928 гг. [30],

[29] Подробнее об издании произведений Чернышевского саратовскими учеными см.: Скафтымов А. П. Изучение жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского за 30 лет (1917—1947). Библиография.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1948, т. 19; Покусаев Е. И., Порох И. В. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961, вып. 2.

[30] См.: Скафтымов А. Роман Чернышевского «Что делать?» (Его идеологический состав и общественное воздействие) — В кн.: Н. Г. Черны-

когда не было еще раскрыто и конкретизировано определение Луначарского, назвавшего «Что делать?» «интеллектуальным романом»[31]. Плодотворный методологический принцип — единство эстетического и конкретно-исторического аспектов — позволил ученому охарактеризовать роман как «учебник жизни», найти связь его призывного революционного пафоса с чертами просветительской рационалистической поэтики. А. Скафтымов справедливо увидел в произведении Чернышевского изображение русской жизни в ее социальной, бытовой и психологической конкретности, но подчиненное главной цели — философскому доказательству неотвратимости социалистического идеала. Таким образом, в реализме писателя ученый проницательно выделил элементы романтизации действительности как отражение революционной тенденции истории и как проявление предвидения, свойственного Чернышевскому, социологу и философу. И в других произведениях писателя, созданных в крепости, на каторге и в ссылке, А. Скафтымов открыл те же художественные закономерности в их внутреннем движении[32]. Еще в 30-е гг. он выдвинул актуальную и важную для понимания Чернышевского-художника проблему соотношения автора и героя, что привело ученого к выводам большой теоретической значимости об эволюции политических воззрений Чернышевского (при несомненном постоянстве его революционно-демократической убежденности), об изменении творческого метода писателя от «Что делать?» к «Прологу»[33]. Тем самым А. Скафтымов обозначил главное направление исследования художественного творчества Чернышевского, получившее дальнейшее продолжение и обогащение в работах советских литературоведов (А. А. Лебедева, Л. М. Лотман, М. П. Николаева, Н. А. Вердеревской и др.). Выводы ученого плодотворны еще и потому, что зовут к новым размышлени-

---

шевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926; Он же. Чернышевский и Жорж Санд.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928.

[31] Луначарский А. В. Н. Г. Чернышевский как писатель.— Вестник Комакадемии, 1928, кн. 30.

[32] См.: Скафтымов А. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сб. ст. к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; Он же. Сибирская беллетристика Н. Г. Чернышевского.— Учен. зап. Сарат. пед. ин-та, 1940, вып. 5.

[33] См.: Скафтымов А. Исторические пояснения к персонажам романа «Пролог». Комментарий.— В кн.: Чернышевский Н. Г. Пролог. М.— Л., 1936.

ям о связи художественных произведений писателя с социально-философской традицией русского и мирового романа, с развитием общественно-политического публицистического романа в советской литературе. Не случайно статьи А. Скафтымова о Чернышевском наряду с другими исследованиями ученого о писателях XIX в. включены в сборники его работ [34], получившие высокую оценку научной общественности не только в нашей стране, но и за рубежом [35].

В специальных лекционных курсах по истории русской литературной критики, которые в течение многих лет читал А. Скафтымов в педагогическом институте и университете Саратова, уже ставились вопросы биографии вождя революционной демократии, закладывался фундамент его критико-биографического очерка «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского» (Саратов, 1-е изд. — 1939 г., 2-е — 1947 г.). Трудности, которые возникают перед биографом, связаны с необходимостью накопления возможно более полного документального материала, который помог бы учесть все обстоятельства идейно-творческого развития и жизненной судьбы того или иного исторического деятеля. Такая работа выполняется длительно и не одним исследователем. С. Н. Чернов, Н. М. Чернышевская, А. П. Медведев успешно разрабатывали важные разделы биографии великого демократа: «Молодой Чернышевский» и «Чернышевский в Саратове». На основании архивных разысканий С. Н. Чернов установил, что Чернышевский вел в саратовской гимназии политическую пропаганду, знакомил своих учеников с важнейшими принципами литературной кри-

[34] См.: Скафтымов А. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958; Он же. Нравственные искания русских писателей. М., 1972; Skaftymov Alexandr Pavlovic. Myslenka a tvar. Praha, 1976 (сюда включена статья «Чернышевский и Жорж Санд»).

[35] См.: Бялый Г., Ямпольский И. Ценные исследования.— Лит. и жизнь, 1959, № 49; Покусаев Е. Труды ученого о русской литературе. — Рус. лит., 1959, № 3; Роткович Я. Памяти Александра Павловича Скафтымова. — Лит. в школе, 1968, № 3; Жук А., Покусаев Е. Александр Павлович Скафтымов. — Вопр. лит., 1970, № 9; Бочкарев В. А. Вдохновенный поиск.— Рус. лит., 1968, № 3; Hermanová E. Skaftymov A. P. v sovêtskê literarni vêdê.— Ceskoslovenská rusistika, 1961, á 2; Grebenicková R. А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.— Slavia, rocnik XXXI, Praha, 1962, N 1; Rev Maria. A. P. Szkaftimov.— Filologial közlony. Budapest, 1969, XV; Svaton Vladimir. Myslenka a tvar v literarnevedne koncepci A. P. Skaftymova.— Myslenka a tvar. Praha, 1976, s. 332—351.

тики Белинского[36]. А. П. Медведев определил значение кружка И. И. Введенского, близкого к кружкам петрашевцев, для формирования атеистических воззрений Чернышевского[37]. Широкое привлечение и систематизация забытых, малоизвестных и неопубликованных материалов по саратовскому периоду жизни писателя отличает работы Н. М. Чернышевской[38], которые завершает ее книга «Чернышевский и Саратов» (1978).

Итоги многолетних биографических разысканий, предпринимавшихся Н. М. Чернышевской, обобщены и в «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (1-е изд. — 1933 г., 2-е — 1953 г.), представляющей собою критически выверенный хронологический свод всех известных к тому времени печатных и архивных источников о «трудах и днях» революционера-демократа. Немало из этих материалов было добыто самой Н. М. Чернышевской. «Летопись» давала в руки биографа справочный материал, фактическую канву для исследовательских концепций. Однако в свете новых документальных сведений, которыми располагает теперь наша наука, «Летопись» нуждается в дополнении и переиздании, что хорошо сознавал и ее автор[39].

До сих пор продолжаются споры о своеобразии жанра научной биографии, о мере соединения в ней неоднородного материала — событий жизни и литературного творчества писателя, о способах воссоздания его личности и форме изложения сложных теоретических вопросов. Книгу А. П. Скафтымова «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского» можно назвать в ряду лучших опытов научно-популярного биографического жанра. Критико-биографический очерк ученый создавал в те годы, когда не изжита еще была тенденция внеисторично-

---

[36] См.: Н. Г. Чернышевский. Саратов, 1926.

[37] См.: Литературное ученичество Чернышевского.— Учен. зап. Сарат. пед. ин-та, 1940, вып. 5; Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958, вып. 1; Н. Г. Чернышевский и В. П. Лободовский.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961, вып. 2.

[38] См.: Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Детские и юношеские годы. Саратов, 1948; Она же. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1949; Она же. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1952. Рец. на эти кн.: Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский в Саратове. — Лит. Саратов, 1950, № 12; Сов. книга, 1953, № 2.

[39] См.: Чернышевская Н. М. Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского».— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, 1961, вып. 2.

го упрощения сложности освободительного движения 60-х гг. и мировоззрения Чернышевского. Вот почему с точки зрения современной науки, решительно отвергшей субъективизм и пренебрежение к фактам в оценке исторических событий и деятелей, особенно ценны теоретические принципы ученого. Он всюду творчески опирается на ленинские суждения о необходимости конкретно-исторической, диалектической «связной и всесторонней оценки Чернышевского, его сильных и слабых сторон»[40]. В его книге исследовательская мысль вытекает из самого материала, определяется логикой анализируемого явления. Ученому удалось представить Чернышевского в органическом единстве всех граней его облика: писателя, создателя эстетической теории, литературного критика, философа, экономиста, политика, социолога. Гуманистический гражданственно-нравственный пафос литературной критики и эстетики революционера-демократа рассмотрен в контексте его передовых этических и философских идей, являющихся выражением его общественной позиции. А. Скафтымов одним из первых выдвинул такие проблемы, которые стали первоочередными для всей советской науки[41]: роль революционно-демократической критики в создании теории реализма, философско-эстетические и литературные предпосылки этой критики, связь революционно-демократических идей с русской литературой. Нельзя сказать, что в небольшой по объему книге все эти крупные проблемы нашли свое полное и аргументированное разъяснение, но само направление мысли ученого плодотворно. Так, в диалектически сложном исследовательском рисунке антропологические «ошибки» Чернышевского, например, в сфере эстетики, оцениваются в их исторически необходимом значении. В излишне резком преувеличении индивидуального таится, по справедливому мнению ученого, источник гуманистической демократической мысли критика-демократа о человеке как главном предмете искусства, отсюда же вытекает его внимание к духовному миру личности, а, следовательно, и к психологическому анализу в литературе. Многогранная деятельность Чернышевского рассматривается А. Скафтымовым в развитии, в «диалектике исканий и сомнений». В этом отношении большой научный интерес представляет отмеченная исследователем эволюция оценок Чернышевским кресть-

[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 259.

[41] См.: Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1941.

янской реформы, общины, революционных возможностей масс[42].

Обширный документальный материал для разработки научной биографии революционера-демократа содержит уже упоминавшийся сборник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» (т. 1—2, 1958—1959). Большая заслуга в подготовке и редактировании сборника принадлежит доктору филологических наук, профессору Саратовского университета Ю. Г. Оксману. Активное участие в работе над ним принимали также сотрудники Дома-музея, научной библиотеки, преподаватели и аспиранты кафедры истории русской литературы СГУ: Н. М. Чернышевская, П. А. Бугаенко, А. П. Медведев, Т. И. Усакина, Л. П. Медведева, Б. И. Лазерсон, М. В. Иванова, П. А. Супоницкая, А. А. Жук, Ю. Б. Неводов, Г. Ф. Самосюк и др.

Обогащенный ранее неизвестными источниками и фактами критико-биографический очерк «Н. Г. Чернышевский» доктора филологических наук, профессора Е. И. Покусаева открывает новые исследовательские перспективы в изучении жизни и деятельности великого демократа[43]. Труды Е. И. Покусаева — лучшее и оригинальное продолжение научных традиций, созданных А. П. Скафтымовым.

Принцип конкретно-исторического анализа — основной в исследовании Е. И. Покусаева. Этапы формирования личности, мировоззрения, развитие литературного творчества и важнейшие моменты политической борьбы Чернышевского восстанавливаются в живой динамике исторических событий эпохи, в многообразных связях с современниками. Все это позволило установить не только сходство, но и различие литературно-теоретических и общественных позиций Чернышевского с позициями Герцена и Салтыкова-Щедрина, выявить в конечном счете внутреннюю неоднородность революционно-де-

---

[42] Ср.: Володин А., Карякин Ю., Плимак Е. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976; См.: Демченко А. Чернышевский продолжается.— Лит. обозрение, 1978, № 6, с. 11—14.

[43] Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. Пособие для учителей. 5-е изд. М., 1976 (1-е изд.— Саратов, 1953). См. также: Покусаев Е. И. Николай Гаврилович Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Пособие для учителей. М., 1960. Рец. на эту кн.: Пугачев В. Новый труд саратовского ученого.— Рус. лит., 1961, № 3; Николаев М. П. — Литература в школе, 1961, № 1; Чернышевская Н. О великом земляке. — Коммунист (Саратов), 1960, 30 апр.

мократического движения 60-х гг., оригинальность его деятелей. Примечательная черта книги Е. И. Покусаева состоит еще и в том, что Чернышевский приближен к читателю как неповторимая личность с особым складом ума, нравственно-психологическим миром, личными привязанностями и привычками. Привлечение новых фактов, в том числе журнальных и архивных, расширило представление о действенном влиянии сочинений Чернышевского, особенно его романа «Что делать?», на демократическую интеллигенцию 70—80-х гг. XIX в. В книге Е. И. Покусаева достигнут синтез подлинной научности и популярности, которая заключена не только в доступности изложения, но в самой позиции ученого. Пафос исследователя — это пафос познания истории во имя современности. В очерке прослеживается связь традиций Чернышевского, боровшегося за общественно-содержательное искусство, за нравственно-воспитательную роль литературной критики, за новый тип деятельного героя, с эстетикой и литературно-художественной критикой наших дней. Проблемы научной биографии Чернышевского содержательно рассматривались и в других трудах ученого: в статье о Чернышевском в Краткой литературной энциклопедии, в рецензиях на книги А. П. Скафтымова, на составленный И. В. Порохом сборник документов «Дело Чернышевского»[44].

Трудами А. П. Скафтымова и Е. И. Покусаева подготовлена прочная методологическая база для создания полной научной биографии Чернышевского. Первая часть ее, опубликованная в Саратове А. А. Демченко, доцентом кафедры русской литературы СГУ, охватывает ранний период жизни и деятельности великого демократа (1828—1853)[45]. Обстоятельный источниковедческий анализ, введение в научный оборот множества новых источников, найденных в архивохранилищах разных городов страны, позволили А. А. Демченко внести суще-

---

[44] См.: Покусаев Е. И. Чернышевский Николай Гаврилович.—КЛЭ, 1975, т. 8, с. 466—476; Он же. Книга о великом демократе. (Рец. на кн: Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. 2-е изд. Саратов, 1947). — Коммунист (Саратов). 1948, 28 янв.; Он же. Труды уеного о русской литературе. (Рец. на кн.: Скафтымов А. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958).— Рус. лит., 1959, № 3; Покусаев Е., Жук А. Александр Павлович Скафтымов.— В кн.: Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972; Покусаев Е. И. Расправа. Публикация А. С. Вознесенской. — Волга, 1978, № 7.

[45] См.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография/Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов, 1978, ч. 1.

ственные коррективы в традиционные представления о семейном окружении молодого Чернышевского, годах учения его в Саратовской семинарии и Петербургском университете, путях формирования материалистических, атеистических убеждений, литературных вкусов будущего революционера. Работа над полной капитальной биографией Чернышевского продолжается, завершение ее — одна из первоочередных задач.

Важным подспорьем в изучении многогранного литературного наследия Чернышевского, в подготовке академического полного собрания сочинений и писем революционера-демократа являются библиографические указатели его сочинений и литературы о нем [46], публикация которых систематически осуществляется сотрудниками Дома-музея, научной библиотеки и кафедры русской литературы СГУ. Эти указатели — веха на пути к появлению фундаментального монографического труда «Библиография сочинений Н. Г. Чернышевского и литературы о нем». Необходимость в таком труде давно назрела.

Из сказанного ясно, что уже сейчас преодолен разрыв между фактическим и аналитическим изучением Чернышевского. Но настала пора обобщающего историко-литературного и теоретического осмысления его творчества. В этом отношении определенный вклад в науку вносят систематически издаваемые кафедрой русской литературы сборники «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» под редакцией Е. И. Покусаева. В числе редакторов первого выпуска были А. П. Скафтымов и Ю. Г. Оксман. С 1958 г. по настоящее время выпущено в свет 8 томов. В них объединены результаты разысканий специалистов не только Саратова, но и многих городов страны: Москвы, Ленинграда, Харькова, Петрозаводска, Калининграда, городов Поволжья и др. Сборники имеют внутреннюю проблемно-тематическую связь. Основные линии исследования определяются масштабностью творчества Чернышевского, наследие которого освещается в разветвлен-

---

[46] Подробнее см.: Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за советский период. Библиография. Сост. П. А. Супоницкая. Саратов, 1960; Иванова М. В., Супоницкая П. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в советских изданиях и критической литературе. Библиогр. указатель.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, Саратов, 1962, вып. 3; Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—1970. Сост. П. А. Супоницкая, А. Я. Ильина. Саратов, 1976.

ных связях его с русской литературой и критикой 40—80-х гг., с эстетической и философской мыслью России и Запада. В каждом выпуске систематически печатаются и новые материалы биографического характера. Большинство работ сборников отличается широким привлечением новых литературных фактов, глубиной сопоставительных исследований, обращением к малоизученным аспектам тех проблем, которые выдвинуты были еще в 20—40-е гг. Среди них центральное место занимает коренной вопрос о значении материалистической эстетики и социалистических идей Чернышевского для развития художественного психологизма в русской литературе. Здесь результативностью выводов, оригинальностью наблюдений выделяются работы молодого, талантливого, рано ушедшего из жизни ученого Т. И. Усакиной. Ей впервые удалось открыть преемственную связь эстетики Чернышевского с литературной теорией петрашевцев, в частности В. Майкова, объяснить интерес Л. Толстого и Чернышевского к психологизму в художественном творчестве некоторой общностью их нравственно-философских исканий, восходящих к антропологическим концепциям личности и общественного прогресса [47]. Проблемам методологии литературной критики Чернышевского, реализации его творческого опыта современниками и последующими поколениями критиков посвящена другая большая группа исследований, имеющих актуальное значение в борьбе с буржуазной эстетикой, принижающей и искажающей роль идейного наследия революционных демократов (статьи Н. Ф. Бельчикова, П. А. Бугаенко, М. Г. Зельдовича и др.). Поэтика произведений Чернышевского-писателя, стиль его литературно-критических и публицистических выступлений — такова «узловая» тема сборников (статьи А. Ф. Ефремова, Б. И. Лазерсон, Б. Ф. Егорова, А. А. Лебедева, Н. А. Вердеревской и др.). Эзопова речь рассматривается учеными широко, не только как способ обхода цензуры, но и как система, примета неповторимого индивидуального стиля Чернышевского. Этот пласт исследований имеет непосредственное отношение к изучению истории и теории стилей, закономерностей развития художественных структур. Саратовские сборники охватывают

---

[47] См.: Усакина Т. И. Чернышевский и Валерьян Майков.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962, вып. 3; Она же. К истории статей Чернышевского о Толстом.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов. 1965, вып. 4.

широкий круг других важных проблем и неизменно привлекают пристальное внимание научной общественности [48].

Названные направления исследования творчества Чернышевского остаются магистральными в нашей науке. Обращение к новым, недостаточно осмысленным граням эстетических и литературно-критических суждений, методологических принципов революционера-демократа диктуется необходимостью все более глубинного уяснения тех традиций, на которые опирается развивающаяся советская теория литературы и литературно-художественная критика.

---

[48] См.: Финкель М. Сборник исследований о Чернышевском.— Вопр. лит., 1966, № 6; Николаев П. Новые работы о Чернышевском.— Лит. и жизнь, 1958, 22 окт.; Боровой С. Вклад в новейшую литературу о Чернышевском.— Рус. лит., 1963, № 2; Нольман М. Чернышевский: проблемы и решения.— Вопр. лит., 1969, № 6; Ямпольский И. Хорошая традиция. — Вопр. лит.,1972, № 10.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ИСТОРИИ РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

И. В. Порох

Речь Н. Г. Чернышевского на похоронах Н. А. Добролюбова и ее общественный резонанс

Чернышевского и Добролюбова связывала самая искренняя и трогательная дружба. Поэтому для Чернышевского смерть молодого друга была не только потерей единомышленника, незаменимого сотрудника «Современника», но и человека, к которому он (в принципе лишенный в зрелые годы сантиментальности) питал особую привязанность и нежность. Это объясняет эмоциональную приподнятость устных и печатных выступлений Чернышевского в память Добролюбова.

Первым из них была речь, произнесенная 20 ноября 1861 г. на могиле усопшего. Упоминаемая, как правило, вскользь в исследовательской литературе (И. Я. Айзеншток, В. А. Сушицкий, С. А. Рейсер, Е. Г. Бушканец, С. В. Свердлина, Г. В. Краснов, Н. С. Травушкин и некоторые другие) траурная речь эта, так же как и ее общественный отголосок, не стали предметом специального исследования. Недостаточная изученность данного сюжета и натолкнула на мысль попытаться восстановить в первоначальном варианте содержание некрологически-мемуарного выступления Чернышевского о Добролюбове и выяснить общественное его восприятие.

* * *

Добролюбов умер 17 ноября 1861 г., похороны состоялись 20 ноября. Три дня у Чернышевского были, безусловно, до

предела заняты их подготовкой, в частности заботами о том, чтобы Добролюбова положили рядом с Белинским, а также разбором бумаг покойного. Видимо, в это время Чернышевский начал писать некролог для «Современника» и уже в сверстанную XI книжку журнала (получившего цензурное разрешение 23 ноября) траурная статья была включена в качестве редакционного материала, открывающего номер.

Логика вещей говорит в пользу предположения, что речь и некролог Чернышевский готовил одновременно. Но поскольку в первую очередь ему предстояло сказать надгробное слово, думается, что оно и может рассматриваться как основа подготавливавшегося некролога. К сожалению, письменного текста выступления Чернышевского на Волковом кладбище мы не имеем. Возможно, вообще в отделанной редакции его и не было. Однако речь, произнесенная Чернышевским на могиле Добролюбова, не была, как мне представляется, экспромтом.

В распоряжении исследователей имеются материалы, позволяющие восстановить в главных чертах ее содержание, а подчас и сам текст. К ним относятся: свидетельства лиц, принимавших участие в похоронах Добролюбова, в том числе агентов III отделения, печатный некролог в «Современнике» с учетом его цензурных сокращений, а также журнальная полемика Чернышевского с сотрудником «Библиотеки для чтения» Ефимом Федоровичем Зариным (1829—1892) и выступление Чернышевского с воспоминаниями о своем молодом друге 2 марта 1862 г. в доме Руадзе.

Все перечисленные источники, кроме последнего, страдают той или иной ограниченностью. Так, воспоминания современников не лишены субъективизма, а агентурные донесения — заданной тенденциозности. Некролог и журнальная полемика носят следы цензурного вмешательства и воздействия. И все же из всего этого вкупе можно извлечь сведения, которые четко определяют политическую направленность речи Чернышевского, ее антиправительственный характер.

* * *

В условиях неусыпного полицейского надзора и притеснений, характерных для внутренней политики самодержавия, похороны издавна стали в России формой общественного протеста, своеобразной политической демонстрацией. Иллюстрацией сказанному могут служить похоронные процессии де-

кабристов К. П. Чернова и В. И. Штейнгеля, революционного демократа Н. В. Шелгунова, большевика Н. Э. Баумана и многих, многих других лиц. Такой же характер носили и похороны Добролюбова, кульминационным моментом которых стала речь Чернышевского.

Из многочисленных воспоминаний участников приведу лишь сведения, освещающие наиболее существенные стороны похорон. Здесь нельзя обойти свидетельства И. И. Панаева, хотя он и не называет имен. «На похороны, 20 ноября, — читаем у него, — сошлось человек до двухсот, в числе которых были профессоры университета, журналисты и известные литераторы, за исключением весьма немногих. Гроб несен был на руках от квартиры покойного (на Литейной улице) до самого Волкова кладбища.

Над гробом Добролюбова и над его могилой произнесено было несколько горьких и задушевных слов его друзьями и посторонними лицами и прочтены были отрывки из его дневника...

Отрывки из дневника Добролюбова яснее и красноречивее всяких слов объясняют, что люди с таким энергическим стремлением к добру и правде, каким был движим Добролюбов, должны чувствовать вдвое сильнее те страшные пытки и страдания, которые суждено испытать вообще всем мыслящим людям. Ни Белинский, ни Добролюбов вследствие этого не могли жить долго...

Да и вообще, как известно, всем даровитым русским людям не живется что-то...» [1]

И. И. Панаев сумел точно передать дух, или, иначе говоря, тональность выступления Чернышевского. Более развернутое воспроизведение смысла речи Чернышевского находим в воспоминаниях А. С. Гиероглифова, которое перекликается в определенных местах с текстом И. И. Панаева.

«Н. Г. Чернышевский, — писал А. С. Гиероглифов, — прочитал над гробом покойного несколько страниц из его дневника (впоследствии утраченных. — *И. П.*). Это был ряд фактов, из которых сложилась в уме слушателей верная и раздирающая сердце картина той нравственной пытки, тех нравственных оскорблений и мучений, которые свели в могилу сильного и смелого защитника добра и правды... Болезнь Добролюбова развилась вследствии безысходных нравственных страданий, испытываемых им во все время его кратковременной литературной деятельности. Многие, может быть, не поймут

[1] Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Л., 1961, с. 364.

этого и не поверят, хотя ряд фактов, записанных самим Добролюбовым для себя, может превосходить своею достоверностью все возможные объяснения и толкования...

Нравственная и умственная сила человека — это обоюдоострое оружие, которое или побеждает... или уничтожает самого бойца. На долю русских сильных талантов выпала эта последняя доля и преследует их исторически: стоит вспомнить, что наиболее сильные из них исчезли в преждевременных могилах. Чем сильнее духовная природа человека, тем быстрее и разрушительнее бывает этот внутренний взрыв его, это самосгорание, если нет ни малейшей возможности пробить хотя один шаг вперед на избранном пути. Честноть не позволяет отступить от своих принципов, святость истины не терпит измены, ренегатства... «Добролюбов умер от того, что был слишком честен», — заключил г. Чернышевский, и это психологически верно. Когда же даровитые русские люди перестанут умирать преждевременно?!»[2]

В воспоминаниях А. С. Гиероглифова содержался один недвусмысленный и откровенный намек. «На похоронах Добролюбова, — отмечал мемуарист, — собралось довольно значительное число порядочных людей из жителей Петербурга, конечно, с весьма немногими исключениями, неизбежными у нас при всяких собраниях»[3].

Действительно, среди провожавших в последний путь безвременно умершего критика были агенты III отделения, представившие независимо друг от друга официальные донесения о всем, что они видели и слышали. В одном из них, после краткого изложения внешней стороны похорон, сообщалось: «Когда гроб вынесли на паперть, то выступил Некрасов и стал говорить весьма невнятно, сквозь слезы, почти шепотом о причине смерти Добролюбова... Потом говорил Чернышевский. Начав с того, что необходимо объявить собравшейся публике о причине смерти Добролюбова, Чернышевский вынул из кармана тетрадку и сказал: «Вот, господа, дневник покойного, найденный мною в числе бумаг; он разделяется на две части: на внесенное им в оный до отъезда за границу и на записанное после его возвращения. Из этого дневника я прочту вам некоторые заметки, из которых вы ясно увидите причину его смерти...» Тут Чернышевский начал читать...

В заключение Чернышевский прочитал два довольно длин-

---

[2] Там же, с. 386,
[3] Там же, с. 387.

ные стихотворения Добролюбова, весьма в либеральном духе написанные, из которых первое оканчивалось словами: «Прости, мой друг, я умираю от того, что честен был», а второе словами: «и делал доброе я дело среди царющего зла».

Вообще вся речь Чернышевского, а также и Некрасова, клонилась, видимо, к тому, чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли как мученика, убитого нравственно, одним словом, что правительство уморило его. Из бывших на похоронах двое военных в разговоре между собою заметили: «Какие сильные слова; чего доброго, его завтра или послезавтра арестуют»[4].

Нельзя не отметить, что наряду с фотографической фиксацией определенных фактов агент верно передал идейную направленность речи Чернышевского. Достоверность многих сведений, содержащихся в донесении, подтверждается свидетельством ряда лиц, участвовавших в похоронах, в том числе Н. В. Рейнгардтом. Он также, как и платный осведомитель III отделения, слышал слова о возможных карательных последствиях для Чернышевского его смелого выступления[5].

Неблагоприятные предсказания в значительной степени подтвердились. И хотя открытого взыскания не последовало, но 23 ноября министр внутренних дел П. А. Валуев издал секретный циркуляр, согласно которому всем губернаторам предписывалось не выдавать Чернышевскому заграничного паспорта, а с 24 ноября за квартирой вольнолюбивого руководителя «Современника» был установлен круглосуточный надзор. Перечисленные полицейские акции, бесспорно, явились следствием речи Чернышевского, произнесенной 20 ноября 1861 г.

В другом, менее известном в специальной литературе донесении, содержались весьма существенные дополнения к тому, что сообщалось в приведенном ранее документе III отделения. «По опущении тела в могилу, — писал агент, — говорил речь г. Чернышевский; касалась она также до литературной деятельности Добролюбова, причем было выражено, *что талант его не мог высказаться при настоящей строгости цензуры,* и как Добролюбов страдал, чувствуя сам, что ему суждено умереть в столь молодых летах. Чернышевский прочел несколько выписок из последних строк дневника Добролюбова, где он незадолго до смерти своей писал, как ему тяжело умирать, когда ему хотелось бы жить и действовать. Добролю-

---

[4] Дело Чернышевского. Саратов, 1969, с. 75-76.
[5] См. там же, с. 15.

бов похоронен рядом с Белинским и тут же есть место для третьей могилы; то г. Чернышевский, оканчивая свою речь, говорил, что вот лежат рядом две литературные знаменитости, умершие в молодости, в самом развитии таланта, и потом, указывая на пустое место, сказал: «Какую же знаменитость тут положат?» на это послышался чей-то ответ из числа присутствовавших: «Вероятно, г. Чернышевского». Многие на это улыбнулись, а г. Чернышевский сконфузился, вероятно, сам заметив неловкость своей последней фразы. Вообще речь Чернышевского была энергична и горяча, но говорилось в ней о предметах, исключительно касающихся до литературы и строгости цензуры»[6].

Отмеченные курсивом слова подчеркнуты в подлиннике карандашом и внизу рукой Долгорукова сделана пометка «Д. Е. В. 23 Н.», что означает «Доложено его величеству 23 ноября».

Судя по тексту донесения, автор его оказался в меньшей степени, чем его коллега, наделен полицейским чутьем и не заметил политического подтекста речи Чернышевского.

Похороны Добролюбова и выступление на них Чернышевского имели большой общественный резонанс. 22 ноября 1861 г. А. В. Никитенко записал в своем «Дневнике»: «Мне рассказывали, что третьего дня на похоронах Добролюбова сотрудник «Современника» Чернышевский сказал на Волковом кладбище удивительную речь. Темою было, что Добролюбов умер жертвою цензуры, которая обрезывала его статьи и тем довела до болезни почек, а затем и до смерти. Он неоднократно возглашал к собравшейся толпе: «А что мы делаем? Ничего, ничего, только болтаем»[7].

Сопоставительный анализ всех привлеченных источников позволяет сделать такое заключение: основная идея речи Чернышевского сводилась к утверждению, что решающей причиной смерти Добролюбова были правительственные притеснения, которые его свободолюбивая и очень честная натура не могла перенести, и, таким образом, он явился очередной жертвой произвола русского самодержавия.

Эта же мысль пронизывает и некролог. Но журнальная его публикация была жестоко усечена цензурой. Поэтому с учетом цензурных изъятий, восстановленных по рукописи Чернышевского в советское время, можно представить глубокий

---

[6] Там же. с. 590-591.
[7] Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 2, с. 243.

смысл, заложенный в траурной статье о Добролюбове. Более того, тексты купюр являются своеобразным ключом к установлению наиболее острых мест в надгробной речи Чернышевского и одновременно связывающими мостиками между ней и некрологом.

В числе важнейших изъятий были такие фразы и выражения: «Да и мог ли он беречь себя? Он чувствовал, что его труды могущественно ускоряют ход нашего развития, и он торопил, торопил время...»[8]. Политический подтекст этого цензурного сокращения очевиден. Далее из фразы: «Ему было только 25 лет. Но он уже 4 года стоял во главе русской литературы» (на которую обрушился печатно Е. Ф. Зарин) была снята концовка «нет, не только русской литературы — во главе всего развития русской мысли» (7, 852). В заключительном абзаце после слов: «Людям такого закала и таких стремлений жизнь не дает ничего, кроме жгучей скорби...» цензор зачеркнул следующий текст: «но невознаградима его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сгорел он. О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел тебя он видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих» (7, 852). Отметим попутно, что последняя фраза очень созвучна высказыванию Герцена из статьи «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», в котором говорилось о трагической оторванности интеллигенции от народа: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженник и страдалец земли русской...», — читаем у Искандера[9].

Появление некролога Добролюбова в «Современнике» послужило поводом для низменных и злопыхательских выпадов против покойного со стороны одного из ведущих сотрудников журнала «Библиотека для чтения» Е. Ф. Зарина. Незадачливый автор статьи «Небывалые люди»[10], всячески стараясь умалить талант и влияние Добролюбова, яростно обрушился на утверждение Чернышевского о том, что несмотря на свою молодость безвременно ушедшей из жизни критик уже 4 года стоял во главе русской литературы. Вместе с тем Е. Ф. Зарин весьма льстиво и, естественно, не искренне, превозносил умственные и писательские достоинства Чернышевского. По-

---

[8] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1939—1954, т. 7, с. 851. Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте (первая цифра обозначает том, вторая — страницу).

[9] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1954—1966, т. 15, с. 135.

[10] См.: Библиотека для чтения, 1862, кн. 1.

следний ответил своему непрошенному «защитнику» язвительной, но вместе с тем глубоко принципиальной статьей «Визъявление признательности»[11]. В ней Чернышевский выразил свое отвращение по поводу ругани в адрес покойного и лицемерной хвалы живому.

Тогда последовал новый акт журнального бешенства со стороны Е. Ф. Зарина, выступившего со статьей «Лесть живому и поругание над мертвым»[12], направленной уже против Чернышевского. Косвенно статья являлась откликом на выступление Чернышевского в доме Руадзе 2 марта 1862 г. с воспоминаниями о Добролюбове. По свидетельству Н. Ф. Анненскова, присутствовавшего на этом нашумевшем литературном вечере, ему «довелось уже ранее слышать Чернышевского говорящим о Добролюбове — совсем в иной обстановке и под иными впечатлениями. Как сейчас помню я зимнее петербургское утро 20 ноября 1862 г. (1861 г. — *И. П.*). Волково кладбище. Небольшая кучка молодежи и литературной братии над могилой, куда только что опустили гроб Добролюбова. И этот раз сначала надорванный, скорбный голос Некрасова, а затем Чернышевский, читающий стихи Добролюбова, сопровождая их своими воспоминаниями о покойном. Чернышевский читал и говорил просто, без всякой аффектации, но глубоко западали в душу слушателей эти скорбные и вместе с тем мужественные слова. Не думалось тогда, что так скоро на самом Чернышевском сбудется добролюбовское предсказание:

Но знаю — дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет[13].

Надгробная речь Чернышевского имела острообличительный характер. Вместе с тем она представляла собой первую общественно-литературную биографию Добролюбова, которая дополнялась и обогащалась в последующих печатных и устных выступлениях Чернышевского. В обстановке все обострявшейся борьбы революционной демократии с царизмом похороны Добролюбова, превращенные в политическую демонстрацию, кульминацией которой было страстное слово Чернышевского, стали одним из звеньев общественной мобилизации антиправительственных сил.

---

[11] Современник, 1862, кн. 2.
[12] Библиотека для чтения, 1862, кн. 3.
[13] Русское богатство, 1908, кн. 12, с. 197-198.

А. Ф. Мартынов

Борьба Н. Г. Чернышевского за духовное наследие Н. А. Добролюбова

Велика роль Н. Г. Чернышевского в борьбе за идейное наследие Добролюбова. Последний пришел в «Современник» сложившимся революционером. Именно это обстоятельство позволило Чернышевскому заявить своему единомышленнику и другу: «Пишите о чем хотите, сколько хотите, как — сами знаете». Голос нового сотрудника «Современника» с каждой статьей звучал все решительнее и сильнее. Сотни его статей обзоров и рецензий украшали журнал, поднимали его научно-теоретический уровень, создавали ему славу. Статьями Добролюбова восхищались и зачитывались передовые люди в России и за рубежом. Число подписчиков на журнал ежегодно увеличивалось. В 1861 г. его тираж достиг 7126 экземпляров. Причина успеха «Современника» заключалась в его революционно-демократическом направлении, в его новых идеях, в его страстной борьбе с крепостничеством и самодержавием, в призыве к открытому революционному действию. Успех журналу создавал тот «пронзительный свист», который слышался с его страниц и приводил в содрогание не только крепостников, но и либеральных реформистов, сторонников обновления России сверху. Своими заслугами журнал во многом был обязан Добролюбову и Чернышевскому. «Добролюбов, — писал Чернышевский, — самый сильный талант в «Современнике» (*10*, 121).

Преждевременная смерть Добролюбова была тяжелой утратой для «Современника», страшным ударом для Чернышевского и Некрасова. В течение двух месяцев редкий день проходил у Чернышевского без слез. Любовь к Добролюбову, горечь утраты он сохранил на всю жизнь.

Читатели «Современника» мало знали о Добролюбове, поскольку он, как правило, не подписывал статей своим именем. Перед Чернышевским встала задача сделать духовное наследие великого критика достоянием широкой общественности России.

Пути борьбы революционной демократии за духовное наследие Добролюбова Чернышевский наметил в речи над моги-

лой молодого друга на Волковом кладбище 20 ноября 1861 г. и в некрологе на смерть Добролюбова, опубликованном в ноябрьской книжке «Современника» за 1861 г.

В устном и печатном выступлениях Чернышевский изложил краткую научную биографию Добролюбова, определил его роль и место в общественной жизни и литературе. В некрологе прозвучал призыв к народу обратиться к жизни гениального юноши, познакомиться с его трудами, узнать, что делал и что хотел сделать он для народа. Чтобы читателям было легче отыскать труды Добролюбова, Чернышевский опубликовал перечень важнейших его статей, помещенных в «Современнике» с 1856 по 1861 гг. (7, 852—854).

Чернышевский развил кипучую деятельность по собиранию и публикации материалов и документов о жизни своего единомышленника и друга. В январской книжке «Современника» за 1862 г. он опубликовал статью «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова».

Величайшей победой Чернышевского в борьбе за духовное наследие Добролюбова было издание его сочинений. В течение 5-ти месяцев он подготовил 4 тома его сочинений. Отныне труды Добролюбова стали достоянием разночинной молодежи. В течение 25 лет сочинения выдержали 4 издания: 1862, 1871, 1876 и 1886 гг.

Чернышевский продолжал борьбу за наследие Добролюбова и в период ссылки. Отбывая каторжные работы, он создает свой знаменитый роман «Пролог», в котором в образе гениального юноши Владимира Алексеевича Левицкого навсегда увековечивает в литературе Добролюбова. В задушевных беседах с товарищами по ссылке автор «Пролога» рассказывал им о революционно-практической деятельности своего соратника и друга, называл его «практиком-политиком», «великолепным организатором»[1].

Огромной заслугой Чернышевского был выход в свет в 1890 г. «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова». Изданием этого труда он решил и вторую задачу, а именно пропаганду своей политической программы в 80-е гг. Этого он достиг путем комментариев и пересказа ранее опубликованного добролюбовского текста. В качестве примера можно привести любопытные пояснения Чернышевского к словам Добролюбова относительно книги «Наука и жизнь», посвященной наследнику российского престола. Добролюбов в письме к

[1] ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 605, л. 2.

И. И. Бордюгову выражал сомнение, что цензура пропустит статеечку об этой «глупейшей книге», «но там есть странички четыре для тебя», — писал он другу[2]. К этим словам Чернышевский сделал интересное примечание: «Статейка прошла цензуру и была напечатана в июльской книжке «Современника» (1859 г.) под заглавием: Новый кодекс русской практической мудрости (наука жизни или как молодому человеку жить на свете. Ефима Дыммана). В собрании «Сочинений Н. А. Добролюбова», в издании 1885 г. она находится на 508—522 страницах 2-го тома. Те страницы, которые Николай Александрович рекомендует вниманию друга— последние страницы статьи от последних строк 517 страницы в издании 1885 г., — со слов «но довольно, читатель», — до конца статьи. Содержание их совпадает с теми словами, которые в письме прямо обращены к И. И. Бордюгову: «Пожалуйста, мой друг, не мирись с гадостью и подлостью; право мы еще молоды

И перед нами жизни даль
Лежит светла, необозрима.

Николай Александрович считал надобным говорить это своему другу, потому что Иван Иванович был человек очень кроткого характера, незлобие которого делало его, по мнению Николая Александровича, слишком снисходительным к дурному в других»[3].

В этом примечании бросается в глаза тщательность, с какой указаны страницы, рекомендованные Добролюбовым И. И. Бордюгову. Они явным образом переадресованы Чернышевским поколению молодежи, которому предстояло бороться за идеалы шестидесятников на новом этапе освободительного движения. Поэтому страницы статьи Добролюбова указаны не по первой публикации ее в журнале, а по собранию «Сочинений Н. А. Добролюбова», только что вышедшему из печати. Чернышевский в примечании не пересказывал их содержания. Приведем эти страницы с небольшими купюрами.

«Вы познакомились, читатель, с «Наукою жизни» и, конечно, исполнились уже благородного негодования к ее правилам. Вы находите... что житейская дипломатия «Науки жизни» в сущности есть не что иное, как последняя степень нравственного и умственного растления...» В науке Дыммана «толкуется, что не нужно восставать против заведенных порядков: со временем они сами собою улучшатся, а до тех пор надо поль-

---

[2] Материалы для биографии Н. А. Добролюбова. М., 1890, с. 514.
[3] Там же.

зоваться тем, что есть... света нам не переделать, а с волками жить, так надо по-волчьи и выть». «Делай добро всегда, когда это не составит для тебя никакого неудобства; будь честен и правдив постоянно, когда это нисколько не нарушает твоего комфорта», — это правило проникает собою всю книгу г. Дыммана.

Морали либерала Дыммана Добролюбов противопоставляет мораль революционного демократизма: «Если настоящие общественные отношения не согласны с требованиями высшей справедливости и не удовлетворяют стремлениям к счастью, сознаваемым вами, то, кажется, ясно, что *требуется коренное изменение этих отношений*... Вы должны стать выше этого общества, *признать его явлением ненормальным, болезненным, уродливым* и не подражать его уродству, а, напротив, громко и прямо говорить о нем, *проповедывать необходимость радикального лечения, серьезной операции.* Почувствуйте только как следует права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы сами неприметным и естественным образом придете к кровавой вражде с общественной неправдой..., Ваш долг, как честного человека, не потакать себе, а принять совершенно противоположный образ действий... *предпринять коренное изменение ложных общественных отношений, господствующих над нами и стесняющих нашу деятельность... Правда, свет и счастье нужны всем;* всякий к ним стремится, и всякий остается без удовлетворения в современном обществе. Вследствие этого всякий чувствует недовольство окружающею его обстановкой, и всякий рад был бы от нее избавиться. Разумеется, каждый отдельно боится приниматься за *большое дело;* но потому-то и надо стараться, *чтобы это дело из сознания частных лиц все более и более переходило в общее сознание.* Этой цели могут способствовать и творения г. Дыммана, всякий, у кого сохранился в натуре остаток честности, должен придти в состояние человека, который долгое время по слабости характера позволял марать себе лицо жженой пробкой, поить себя уксусом вместо вина и всячески над собою издеваться богачу и который вдруг прочитал о себе бумагу, что он находится в кабале у этого богача и необходимо должен выносить от него всякие оскорбления. Естественно, что первая мысль, первое движение несчастного, при всей слабости его характера, будет — *употребить отчаянное усилие, чтобы избавиться от этой кабалы.* Таково же должно быть и впечатление откровений г. Дыммана на всякого человека, который в душе *предпочитает правду — лжи, свет — мраку и общее счастье — страданиям*

огромного большинства, претерпеваемым в угоду немногих тунеядцев» [4].

Используя текст Добролюбова, Чернышевский смело обращается с призывом к тем, кто «предпочитает правду — лжи, свет — мраку и общее счастье — страданиям огромного большинства, претерпеваемым в угоду немногих тунеядцев». Он зовет молодежь «предпринять коренное изменение общественных отношений», готовиться к «большому делу», к «серьезной операции», то есть к революции. Ибо настоящие общественные отношения не удовлетворяют стремлениям «честных людей» к счастью, тормозят прогресс.

Чернышевский считал монархию Александра III обществом «ненормальным», «болезненным», «уродливым». Трудящиеся в нем по-прежнему лишены «материальной обеспеченности», «свободы», «света» и «счастья». «Человеку нужно счастье, он имеет право на него, должен добиваться его во что бы то ни стало».

Эти же идеи, в завуалированной форме, Николай Гаврилович проповедывал в беседах с молодежью и в своих трудах астраханского периода. Так, во время беседы со Скориковым 13 декабря 1888 г. Чернышевский сказал: «Судя по вашим словам... вас интересует серьезное чтение и особенно книг по политической экономии. Дело хорошее. Изучение политической экономии следует, действительно, предпочитать мыслящим людям, так как *она именно указывает наивернейшие пути к достижению человеческого счастья.* Вместе с тем, дело это слишком серьезное и требует от интересующегося большого труда и усилий... Если только современная молодежь действительно увлекается изучением политико-экономических наук, то это увлечение весьма похвально» [5].

Мысли, высказанные Чернышевским молодому учителю Скорикову, есть осколок идей, развиваемых им в статье «Общий характер элементов, производящих прогресс», написанной в сентябре 1888 г., в период встреч и бесед со Скориковым. Охваченный идеями этой статьи, Чернышевский высказал их молодежи, которая настойчиво добивалась от него ответа на вопрос «что делать?» В названной статье Чернышевский пишет, что «из наук об общественной жизни *политическая экономия первая выработала точные формулы условий прогрес-*

---

[4] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6-ти т. М., 1934—1941, т. 4, с. 101—105 (курсив мой. — *А. М.*).

[5] Истор. вестник, 1905, май, с. 484.

са. Она установила как незыблемый принцип... ту истину, что *только добровольная деятельность человека производит хорошие результаты... что все формы недобровольной работы непроизводительны и что материальным благосостоянием может пользоваться только то общество, в котором люди пашут землю, изготовляют одежду, строят жилища каждый по собственному убеждению в полезности для него заниматься этой работой, над которой он трудится»* (*10*, 911) (курсив мой. — *А. М.*).

В письме к Н. А. Пыпину от 7 декабря 1886 г. эту мысль Чернышевский иллюстрирует примером из жизни русского народа при Петре I. Петр I принудительным путем пытался заставить русский народ учиться. «Русским времен Петра, — пишет Чернышевский, — была нужна только свобода учиться; принуждение не было нужно...» (*15*, 613, 614). В суждениях мыслителя вынесен приговор «любителям насилия», «меньшинству общества», реакционной монархии Александра III, при котором во всех сферах человеческой деятельности господствовали порядки «мрачных времен средневековья» — насилие и принуждение, лицемерие и обман, с помощью которых угнетались низкие сословия, «нецивилизованные народы» (*10*, 913).

Неслучайно в художественных произведениях Чернышевского последнего периода жизни мелькают отрывочные фразы о руководителях крайних прогрессивных партий, о революциях и революционных эпохах, о Парижской Коммуне, о Британском музее и Парижской национальной библиотеке. Он в любой миг готов был выразить свое отношение к монархической власти словами республиканцев: «Каждый час мы должны воссылать к небу молитву: о господи! уничтожь в творении породу человекообразных тигров и акул, называемую королями. Да будет проклят тот, что не говорит: господи спаси нас от них»[6].

Итак, отстаивая идеи Добролюбова, Чернышевский в 80-е гг. утверждал и развивал мысль о неизбежности и закономерности революций, проповедывал необходимость воспитания трудящихся в духе непримиримости к самодержавию. К нему с полным правом применимы слова В. И. Ленина о настоящем революционере: «Революционер — не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто

---

[6] ЦГАОР, ф. 109, л. 230, ч. 26, л. 180, из «Истории Соединенных Штатов» Неймана, которую Чернышевский переводил в январе 1864 г. В этих словах цензура усмотрела «опасность монархической власти». Перевод не был разрешен к публикации.

при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции. Революционер — тот, кто *учит массы* бороться революционно...»[7]. Именно таким был Чернышевский в 80-е гг.

Свой труд «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова» Чернышевский считал «делом своей жизни». В письме к Солдатенкову 16 апреля 1889 г. он писал: «Русская публика будет признательна вам за это издание» (*15*, 832). По выходе в свет «Материалы» обратили на себя внимание читающей публики и были взяты на вооружение прогрессивными учеными и революционной молодежью. Под впечатлением идей книги А. И. Введенский написал статью-рецензию «Безвременно угасший талант». В ней автор выражал признательность Чернышевскому за «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», справедливо отмечая, что «личность знаменитого критика и публициста характеризуется этими материалами с разнообразных сторон, о которых трудно получить хотя какое-нибудь представление по его сочинениям»[8].

Современники в основном правильно уловили сокровенный смысл книги. Об этом свидетельствует рецензия, помещенная в «Библиографическом отделе» 6-го номера «Русской мысли» за 1890 г. С. А. Венгеров использовал «Материалы...» при написании ряда статей для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. (См., например, т. 20, 1893, с. 822, 825).

Известны факты использования «Материалов» революционной молодежью. Так, в Саратове при обыске квартиры М.Н. Альтовской жандармы отобрали дневник, принадлежавший неизвестной женщине, с записями о Чернышевском. Дневник имеет ряд сведений о последних трудах Чернышевского, в частности о «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова». В. К. Архангельская замечает: «Едва ли это размножение сведений о последних работах Чернышевского имело чисто познавательное значение. Речь могла идти о практическом их использовании. По-прежнему важной задачей времени оставалась подготовка кадров профессиональных революционеров на новом этапе «борьбы за рабочее дело», к которой серьезно готовило себя новое поколение революционной молодежи»[9].

---

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 309.

[8] Истор. вестник, 1890, июнь, с. 115.

[9] Архангельская В. К. Из архивных разысканий. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1971, вып. 4, с. 270.

Страстная, неутомимая борьба Чернышевского за духовное наследие Добролюбова продолжалась свыше четверти века. Она имеет непреходящее идейно-теоретическое, а также революционно-практическое значение.

Н. В. Минаева

Н. Г. Чернышевский и М. М. Сперанский

Вопрос об отношении Н. Г. Чернышевского к М. М. Сперанскому, государственному и общественному деятелю первого 40-летия XIX в., выливается в большую проблему соотношения революционного демократизма и реформизма. Формальным основанием для такой постановки вопроса является рецензия Н. Г. Чернышевского на книгу официозного историка М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (Спб., 1861). Опубликованная осенью 1861 г. в 10-й книжке «Современника» без имени автора, эта рецензия явилась непосредственным откликом Чернышевского на проводимую крестьянскую реформу.

Правительственную точку зрения по крестьянскому вопросу определили «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и «Манифест», датированные 19 февралем 1861 г. Они были, как известно, обнародованы в пасхальные дни начала марта и торжественно провозглашались в церквах в течение весны и лета. Рецензия Чернышевского в этих условиях имела особое значение как одно из свидетельств отрицательного отношения руководителей «Современника» к злополучной реформе, показывая революционно-демократическую позицию журнала в оценке правительственного акта. Наконец, она может быть рассмотрена как средство воздействия на общественное мнение.

10-я книжка «Современника» подверглась цензурному вмешательству, в результате которого было сделано немало купюр, в том числе и из рецензии. Опубликованные в советское время в «Литературном наследстве» «Запрещенные цензурой тексты Н. Г. Чернышевского» с комментариями М. В. Нечкиной и В. Каплинского включают и сокращения, сделанные в рецензии на книгу М. А. Корфа. Содержание цензурных купюр

говорит в пользу того, что обращение Чернышевского к Сперанскому было обусловлено желанием поставить вопрос о реформе и революции как о двух способах общественного преобразования. «Смешно называть Сперанского революционером по размеру средств, которыми он думал пользоваться для исполнения своих проектов, — писал Чернышевский. — Он был русский сановник (в этой двойственности заключалось непримиримое противоречие, не дававшее Сперанскому сделать ничего и очень скоро низвергнувшее его)»[1]. В другом цензурном сокращении говорилось: «Сперанскому казалось, что у нас все надобно переделать», и «наступила эпоха смелой ломки всего существующего». По свидетельству барона Корфа, «любимым тогдашним его (Сперанского. — *Н. М.*) выражением были слова, обозначавшие, что он замышляет коренные реформы, и слова эти очень сходны с выражениями, какими изобилуют речи государственных людей Франции, предшествующих Наполеону»[2]. Из этого следует, что Чернышевский как идеолог революционной демократии поставил перед читателями «Современника» вопрос о неполноценности реформ по сравнению с революционными преобразованиями.

Другой принципиально важный вопрос — о творческой лаборатории автора рецензии на книгу придворного историка.

М. В. Нечкина в комментариях к цензурным купюрам заметила, что обращение «к книге мракобеса Корфа» было противоцензурной маскировкой. На какие же источники опирался Чернышевский, пересматривая взгляд придворного историка М. М. Сперанского? Ответ на этот вопрос находим частично при сличении рецензии революционера-демократа с очерком декабриста-эмигранта Николая Ивановича Тургенева о Сперанском, вошедшим в книгу «Россия и русские»[3].

Некоторые положения из книги Н. И. Тургенева были использованы Чернышевским. Но они были оригинально интерпретированы, развиты и частично пересмотрены с революционно-демократических позиций. Так, Чернышевский вслед за Н. И. Тургеневым считал Сперанского государственным деятелем, а не частным реформатором, каким его пытался представить М. А. Корф. Однако, если Н. И. Тургенев смотрел на государственный проект Сперанского как на одно «из многочисленных доказательств либеральных мечтаний Александра»[4],

[1] Лит. наследство, 1932, кн. 3, с. 86.
[2] Там же.
[3] См.: Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1907
[4] Там же, с. 202.

то Чернышевский писал, что намерения реформатора «совершенно расходились с интересами и мыслями среды, в которую он вдвинулся против ее желания. Но он вовсе и не заботился о том, чтобы примкнуть к ним» (7, 811).

Таким образом, у Н. И. Тургенева налицо отождествление плана Сперанского с либеральными декларациями царя, а у Чернышевского — отграничение позиции Сперанского от интересов придворного дворянства, которому были чужды преобразования, предложенные реформатором. В книге Тургенева прозвучало осуждение беспочвенности намерений Сперанского. «Во всех попытках, во всех творениях Сперанского не было ничего, что бы могло заинтересовать массы, что бы обращалось к благородным и сильным чувствам человеческого сердца, единственно способного породить влечение к благу, прогрессу, усовершенствованию»[5]. Чернышевский же глубоко сочувствовал реформатору, считал его человеком, одержимым мыслью о государственном преобразовании. Однако автор рецензии, появившейся в самый разгар проведения крестьянской реформы, обрушился на Сперанского как на сторонника мирных путей изменения общества.

Отметим точку соприкосновения в суждениях Чернышевского и Н. И. Тургенева. Последний упрекал реформатора в излишней «вере во всемогущество приказов, циркуляров, писанных на бумаге, всемогущество формы»[6], а Чернышевский называл Сперанского «мечтателем, который не мог сообразить характер и размер своих стремлений с качеством средств, которыми он думал пользоваться» (7, 826—827).

Довольно единодушное осуждение Сперанского — свидетельство того, что и Чернышевский, и Н. И. Тургенев основывались на одних и тех же источниках — сочинениях и проектах Сперанского. В особенности это становится очевидным при характеристике ими взглядов последнего на крестьянский вопрос.

Н. И. Тургенев отмечал в своем очерке: «Прочитывая работу Сперанского, я особенно старался выяснить его отношение к главному вопросу России... освобождению крепостных. Я не нашел ничего определенного в этом отношении. Весь проект преобразования государства указывает ясно, что рабство не могло иметь в нем места» (7, 201).

Чернышевский, имея в своем распоряжении «План госу-

---

[5] Там же.
[6] Там же.

дарственного преобразования» М. Сперанского 1809 г. и работу Н. И. Тургенева, запрещенную в России, располагал сведениями, почерпнутыми лишь из них. Он особо обратил внимание на социальную структуру, предложенную Сперанским, «где проглядывала мысль о правах, одинаковых для всего населения империи» [7].

Между тем в других проектах реформатора, не имевших хождения в обществе, а лишь сохранившихся в архивах, содержится обширная программа отмены крепостного права в несколько приемов, соответственно тем актам закрепощения, которые были зафиксированы в документах русского законодательства, начиная с Соборного Уложения 1649 г.

Определяя круг источников, которыми пользовался Чернышевский при написании рецензии, следует назвать «Записку о древней и новой России» Н. М. Карамзина. Написанная в 1811 г. не для печати, а для царя «Записка» Карамзина была опубликована в России только в 1870 г. [8]. Правда, еще в 1861 г. она была напечатана в Берлине. Но скорее всего Чернышевский пользовался рукописным ее вариантом, который мог ему предоставить А. Н. Пыпин.

В целом анализ рецензии показывает, что Чернышевский использовал в ней не только печатные, но и рукописные, подчас запрещенные цензурой источники, чтобы обстоятельнее аргументировать свои завуалированные выпады против правительства.

Я. А. Ярославцев

Н. Г. Чернышевский и А. В. Головнин (по новым материалам)

В огромной исторической литературе, посвященной Чернышевскому, его взаимоотношения с представителями либерального лагеря остаются далеко не выясненными. Между тем личные контакты и временное сотрудничество руководителя «Современника» с отдельными либералами показывают гибкость тактических принципов Чернышевского. Наглядным подтвер-

---

[7] Сперанский М. М. Проекты и записки. М.—Л., 1958.

[8] См.: Русская старина, 1970, ч. 71, с. 2231—2350.

ждением сказанному являются взаимоотношения Чернышевского с одним из видных представителей «правительственного либерализма» тех лет, министром просвещения А. В. Головниным (1821—1886).

О предыстории их знакомства известно немного: и тот, и другой относились, примерно, к одному поколению, выросшему в «николаевское тридцатилетие», что определило отрицательное отношение обоих, конечно, не в одинаковой степени, к крепостному праву, к мертвящей системе управления, к жалкому подобию общественной жизни. Оба в определенном смысле были близки к кругам петрашевцев: Головнин учился в одном классе с самим Петрашевским, дружил с Н. В. Ханыковым, братом петрашевца А. В. Ханыкова, который в свою очередь был товарищем Чернышевского. В конце 1950-х гг. Головнин и Чернышевский редактировали одинаковые по профилю журналы (соответственно — «Морской сборник» и «Военный сборник»). К этому времени Головнин уже приобрел известность как верный помощник и ближайший друг вел. кн. Константина Николаевича, активного деятеля крестьянской реформы. Не без протекции последнего он был назначен в декабре 1861 г. министром народного просвещения.

В условиях революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. выдвижение в правительство Головнина и других деятелей, пользовавшихся репутацией либералов, было тактическим ходом самодержавия, которое стремилось использовать новые методы для сохранения своего господства. И действительно, назначение министром народного просвещения человека, считавшегося чуть ли не корреспондентом «Колокола» [1], произвело на русское общество сильное впечатление. В дневнике умеренно настроенного А. А. Киреева читаем: «Наконец сменили Путятина. Головнин на его место. Головнин бесспорно человек умный и образованный, но какие его мнения? до какой степени простирается его либерализм? Некоторые утверждают, что он идет слишком далеко» [2]. Д. А. Корсаков писал: «Направление всей предшествовавшей деятельности Головнина давало возможность людям прогресса предполагать, что широкие просветительные принципы будут положены в основу его министерской программы. И действительно, первые шаги нового министра... как бы подтверждали такие пред-

---

[1] См.: Дневник П. А. Валуева. М., 1961, т. 1, с. 89; Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с.131.

[2] ОР ГБЛ, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 52.

положения»[3]. Одним из таких шагов Головнина было установление личных отношений со всеми видными петербургскими журналистами и профессорами. Н. И. Костомаров вспоминал: «Министр Головнин, вскоре по своем вступлении в должность, пожелал со мной познакомиться и пригласил к себе. Я нашел в нем очень образованного и благонамеренного деятеля; лично же ко мне он был чрезвычайно любезен»[4]. Несомненно, именно такое впечатление новый министр хотел произвести, в частности, и на Чернышевского, приглашая его к себе через И. И. Панаева: «Почтеннейший Иван Иванович, я весьма желал бы познакомиться с вашим главным сотрудником г. Чернышевским. Уведомьте меня, пожалуйста, можете ли вы пожаловать ко мне с ним завтра...»[5]. Но постепенно раскрывалась и другая сторона деятельности Головнина, о которой А. И. Герцен писал: «Человек честный, пользовавшийся сверх того репутацией философа, он так хорошо повел дело, что, говоря постоянно о свободе печати... в будущем, *временно* утроил строгость цензуры. Он давал редакторам столь красноречивые советы, делая вид, будто прислушивается к их мнениям, что тон газет изменился в мгновение ока»[6]. Указанные «методы» сознательно применялись Головниным с целью создания такой общественно-политической обстановки, которая, по мнению министра просвещения и его единомышленников, способствовала бы спаду революционного движения и последовательному проведению в жизнь неотложных буржуазно-демократических преобразований. Головнин отчетливо сознавал, что успешное осуществление таких реформ, как университетская или цензурная, в условиях накаленной обстановки того времени было возможно только при широкой общественной их поддержке. Созданием подобной поддержки (или хотя бы видимости ее) он и занялся, направляя, скажем, А. А. Краевскому такие послания: «Прошу вас... потрудиться напечатать в Петербургских ведомостях от редакции, но не в виде официальной статьи, прилагаемую заметку...»[7]. Желая поставить литературу на службу правительству, министр просвещения не мог не обратить внимания на пользовавшийся огромной популярностью «Современник». Влиятельным же членом редакции

---

[3] Русская мысль, 1898, № 5, с. 29.
[4] Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922, с. 296.
[5] Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972, с. 265.
[6] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 28, с. 197.
[7] ОР ГПБ, ф. 319, № 289, л. 28.

журнала, которого Головнин решил «расположить в свою пользу», оказался Чернышевский.

Как же относился к политике министра просвещения и «методам» его работы сам Николай Гаврилович? «То, что Чернышевский был непримиримым идейным противником либерализма, что он последовательно разоблачал и отвергал политику либералов... — все это не составляет в советской науке темы для дискуссии.., — пишет И. С. Миллер. — Но сам Чернышевский не был догматиком и сектантом. Нет никаких оснований считать, что в острой политической борьбе 1861 г. он не учитывал разноликих группировок либералов»[8]. Последовательный революционный демократ, Чернышевский сознательно использовал в целях подготовки революции деятельность различных либеральных группировок. О подобной тактике говорится в ответе авторам «Молодой России» земплевольца А. Д. Путяты: «...мы не имеем права пренебрегать никакими средствами, все: и откупщики, и помещики, и юристы, и философы, и министры (! — *Я. Я.*)... надо, чтобы все ведомо или неведомо работали на пользу социальной задачи»[9]. Таким образом, отношение Чернышевского к министру просвещения диктовалось тактическими установками революционно-демократического лагеря в 1862 г.

Одним из первых шагов Чернышевского в этом направлении было составление «записки о преобразовании цензуры», поданной от имени редакции «Современника» министру просвещения. К. Н. Журавлев, установивший принадлежность этой записки Чернышевскому, указывает, что автор стремился в ней к таким целям: «во-первых, путем... благонамеренных заявлений... ввести в заблуждение правящие круги относительно политического направления «Современника» и тем отвести или хотя бы ослабить подготовлявшийся удар по журналу; во-вторых, путем противопоставления «прогрессивной» политики самодержавия реакционным вожделениям ... обострить борьбу внутри господствующего класса и, в-третьих, под видом «благонамеренных» заявлений получить доступ через цензуру в печать для разоблачения реакционной политики самодержавия и ее либеральных песнопевцев и пропаганды своих революционных взглядов»[10]. Записка произвела благоприятное впечатление на Головнина, и отношения министра про-

---

[8] Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 92.
[9] Там же, с. 105.
[10] Исторические записки. М., 1951, т. 37, с. 222.

свещения с ее автором начали налаживаться. Чернышевский позднее вспоминал: «...мне случалось несколько раз быть у Головнина. Каждый раз... он принимал меня и терпеливо выслушивал то, что я говорил ему» (*1*, 761). Очевидно, именно во время этих встреч Чернышевскому удавалось добиться от министра просвещения положительного решения таких важных для упрочения позиций революционно-демократического лагеря вопросов, как, например, открытие II отделения при Литературном фонде [11]. Еще М. К. Лемке, отмечая влияние Чернышевского на Головнина, указывал, что, по всей вероятности, именно воздействию Николая Гавриловича на министра просвещения следует «приписать всецело» тот факт, что в первом собрании сочинений Н. А. Добролюбова статьи критика приведены «иногда значительно полнее, чем в «Современнике»... До самой своей смерти (17 ноября 1861 гр.) Добролюбов был лишен возможности печатать именно то, что писал, а через полгода со дня смерти та же цензура ... нашла возможным пропустить статьи в дополненном и не столь искаженном виде» [12]. Наиболее известная из встреч Чернышевского и Головнина произошла после нашумевшей «думской истории» в марте 1862 г., когда Николай Гаврилович приехал к министру просвещения с просьбой запретить лекции Костомарова во избежание возможных репрессий против студенчества. (1, 763). Об общественном резонансе этого визита можно судить, например, по следующей дневниковой записи А. А. Киреева: «Жаль, что и Чернышевского Головнин считает силою. Государь изъявил желание, чтобы Костомаров продолжал чтения и чтобы в случае беспорядков были приняты полицейские меры. Чернышевский отправился к Головнину и сказал, что он опасается за нарушения порядка и — лекции запретили... — Принимается мнение Чернышевского» [13]. Очевидно, следствием этого визита было и то, что Головнин «...испросил у государя разрешение не арестовывать виновников беспорядков и не производить следствия» о «думской истории» [14]. В несомненной связи с этой встречей можно рассматривать и пропуск министром просвещения статьи Чернышевского «Научились ли?», целиком посвященной защите студентов. Вообще следует сказать, что мнение об определенном влиянии Чернышевского на

[11] См.: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 272.

[12] Первое полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова. В 4-х т. /Под ред. М. К. Лемке. Спб., 1911-1912, т. 1, с. V.

[13] ОР ГБЛ, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 81 об.

[14] Истор. вестник, 1911, август, с. 529.

министра просвещения было широко распространено. А. В. Никитенко, например, в дневниковой записи от 29 апреля 1862 г. отмечал, что Головину «хочется угодить студентам и *защитникам их буйных выходок»* [15], И. С. Аксаков писал даже, что министерства Валуева и Головнина «тянут общий хор с Чернышевским и друг на друга работают» [16]. Архиепископ Никанор вспоминал: «Известно, что молодого Чернышевского приняли под особое покровительство тогдашний министр... Головнин и другие повыше» [17]. Конечно, все это не более чем слухи и толки, но само их существование весьма характерно, поскольку в стремлении привлечь на свою сторону ведущего публициста «Современника», добиться поддержки журналом правительственной политики Головнин шел на определенные уступки Чернышевскому.

Однако желаемого результата министр просвещения не добился. Со временем он все более убеждался, что сделать Чернышевского своим союзником ему не удастся. «Тактические маневры по отношению к некоторым либералам, — справедливо указывает И. В. Порох, — ни на минуту не снижали остроту критики либерализма Чернышевским» [18]. Николай Гаврилович по-прежнему оставался «трезвым революционером, учившим соратников и последователей пониманию громадных трудностей революционной борьбы и одновременно убежденности в ее конечной победе» [19]. К тому же скоро выяснилось, что проводившаяся Головниным программа не одобряется Александром II. На первый план в правительственной политике середины 1862 г. выступают иные методы «воздействия» на революционно-демократический лагерь. Воспользовавшись появлением прокламации «Молодая Россия» и майскими пожарами в Петербурге, правительство перешло в наступление, закрыв, в частности, «Современник» на 8 месяцев. По этому поводу Чернышевский еще дважды встречался с министром просвещения и тот посоветовал ему «считать издание конченным» (*14*, 454). А вслед за тем 7 июля «по высочайшему повелению» Николай Гаврилович был арестован.

---

[15] Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 2. с. 270 (курсив мой.— *Я. Я.*).

[16] Китаев В. А. Из истории идейной борьбы в России. Горький, 1974, с.51.

[17] Странник, 1890, май, с. 38.

[18] Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963, с. 116.

[19] Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976, с. 214-215.

Приведенные материалы позволяют сделать следующие выводы. В один из наиболее напряженных периодов революционной ситуации в России Чернышевский умело использовал некоторые особенности «либеральной» политики министра просвещения для облегчения условий своей журнальной деятельности и упрочения позиций лагеря революционной демократии. С другой стороны, взаимоотношения с Чернышевским показали Головнину всю утопичность его замыслов «приручить» вождя «Современника» и привели к тому, что министр просвещения с подобными надеждами расстался. Но и грубая расправа над вождем «Современника», думается, была не тем финалом, на который рассчитывал Головнин, сторонник буржуазно-демократической законности и реформ. В своих воспоминаниях, пытаясь отмежеваться от наиболее темных сторон правительственных действий, он писал, что «более и более приходил в одиночество, стоял отдельно, и потому его никак нельзя считать членом правительства (! — *Я. Я.*), которое с 1862 по 1866 г. заведывало судьбами России. Он не может разделять ни славы его, и к нему не могут относиться упреки и обвинения за то, что сделано в эти годы» [20]. Но Головнин «забывает» здесь ту непреложную истину, что именно молчаливое попустительство «либеральных» министров, также как и предательское равнодушие «образованного общества» того времени, сделали возможными беззаконное осуждение Чернышевского на каторгу. И в первую очередь ответственность за это, конечно, ложится на «правительство головнинского прогресса, потаповского либерализма, валуевского адресизма, кроткое, пуховое, милосердное...» [21].

В. И. Порох

Князь В. П. Мещерский против Н. Г. Чернышевского

Подчас в жизни можно отметить совершенно неожиданное переплетение событий. Октябрь 1889 года. Саратов. Газета «Саратовский дневник» за 18 число сообщала: «17 октября по

[20] ОР ГПБ, ф. 203, № 3, лл. 349 об.— 350.
[21] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 155.

случаю годовщины избавления Императорской семьи от угрожающей опасности при крушении поезда на курско-харьково-азовской дороге, в Кафедральном соборе преосвященным епископом Павлом была совершена торжественная литургия, а по окончании ее благодарственный молебен, с провозглашением многолетия всему Царствующему Дому. После богослужения на площади произведен парад от местных войск... В городском театре в дневной парадный спектакль по уменьшенным ценам шла трехактовая пьеса «Жизнь за Царя»[1], повторенная и вечером. Город с раннего утра был разукрашен флагами»[2].

— Верноподданическая Россия пела «Боже, Царя храни!»

И в том же номере «Дневника», на той же странице была помещена следующая информация: «Проживающий в Саратове с 28 июня настоящего года Николай Гаврилович Чернышевский, скончался в ночь с 16 на 17 октября, 12 час. 37 м; смерть последовала от апоплексического удара, внезапно присоединившегося к приступам малярийной лихорадки»[3].

Так на странице саратовской газеты пересеклись пути великого революционера-демократа и правящей династии Романовых, двое из которой, а именно Александр II и Александр III, сделали все возможное, чтобы приблизить кончину опасного и несгибаемого вольнодумца.

Смерть Чернышевского вызвала в русском обществе многочисленные отклики, обнаружив самые различные оттенки в нем, начиная от революционных настроений и кончая махровой реакцией. Поэтому они являются своеобразными историческими источниками, позволяющими под определенным углом зрения проследить политическую расстановку сил в России конца 80-х гг. XIX века.

Этого вопроса в той или иной связи касались в свое время Ю. М. Стеклов[4], И. Ф. Ковалев[5], В. Н. Шульгин[6].

За счет впервые привлекаемых статей, помещенных в петербургской газете «Гражданин», издававшейся реакционе-

---

[1] Имелась в виду опера М. И. Глинки «Иван Сусанин».

[2] Саратовский дневник, 1889, 18 октября/прибавление к № 222.

[3] Там же.

[4] См.: Стеклов Ю. М. Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1928, № 1 (26), с. 151—168; Он же. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность. М. — Л., 1928, т. 2, с. 646—661.

[5] См.: Ковалев И. Ф. Демонстрация студентов по поводу смерти Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский (1889—1939)/Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941, с. 338—353.

[6] См.: Шульгин В. Н. Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с. 381—398.

ром князем В. П. Мещерским, попытаемся расширить круг известных откликов на кончину Чернышевского.

Кончина великого демократа на короткое время сломила лед молчания, окружавший его имя. В одной из нелегальных листовок, получившей название «15 апреля» и посвященной похоронам близкого Чернышевскому человека — Н. В. Шелгунова[7], авторы[8] писали: «В России, благодаря крайним цензурным стеснениям, в общество не проникает и десятой доли того, что совершается вокруг. Произвол и насилие боятся гласности. Они любят мрак и канцелярскую тайну. Иначе их давно бы не было... Все мы, русские, лишены всякой возможности проявлять свои симпатии уважаемым деятелям печатного слова при их жизни. Похороны давно уже сделались единственным моментом, когда читатели публично чтут своих учителей, публично выражают свою солидарность с их идеалами и тем оказывают нравственную поддержку живым деятелям»[9]. Свое уважение к усопшему, верность его идеям передовая Россия выразила и печатно и потаенно. Одновременно гласно высказались представители охранительно-реакционного лагеря, злопыхательски торжествовавшие по поводу прекращения деятельности одного из самых ненавистных им противников самодержавия.

В недоброжелательном хоре по случаю кончины Н. Г. Чернышевского громко прозвучало «соло» князя В. П. Мещерского — редактора газеты «Гражданин». Это была личность, которой брезгливо сторонились даже политические единомышленники. Неусыпный ревнитель благонадежности в литературе, начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, в своих воспоминаниях так охарактеризовал Мещерского: «Негодяй, наглец, человек без совести и убеждений, он прикидывался ревностным патриотом, — хлесткие фразы о преданности церкви не сходили у него с языка, но всех порядочных людей тошнило от его разглагольствований, искренности коих никто не хотел и не мог верить»[10].

---

[7] Н. В. Шелгунов скончался спустя два года после смерти Н. Г. Чернышевского 12 апреля 1891 г.

[8] Небезынтересно то, что один из авторов листовки Дмитрий Михайлович Головачев был участником панихиды по Чернышевскому в церкви Владимирской Божьей Матери, организованной петербургским студенчеством (См.: ЦГАОР, фонд Д III, ед. хр. 479, лл. 15-16).

[9] ЦГАОР, ф. 102, д-7, 1891, ед. хр. 133, л. 24 об.

[10] Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы. 1848—1896» (Л., 1929, с. 245).

Приступая в 1872 году к изданию газеты «Гражданин», князь ставил перед собою задачу: «Основать орган консервативный в защиту церковного авторитета, самодержавия и в обличение всех увлечений либерализмом». Однако лишь спустя 15 лет Мещерскому посчастливилось стать рупором реакции. Это случилось в 1887 году после смерти М. Н. Каткова. В связи с этим событием нелегально издававшаяся в Женеве газета «Общее дело» писала: «В лице Каткова престол лишился своего главного журнального полководца и борца с отечеством, дерзающим добиться большой самостоятельности, и общество сильно интересовалось знать, кого выберет снова царь в пророки абсолютизма? кто будет назначен на очистившийся пост «истинно русского человека», созданный для Каткова самим монархом? ...Свято место не осталось долго пустым, и скоро Россия узнала, что царь избрал в звание «истинно русского человека» князя Мещерского, и надо признаться, что лучшего выбора при нынешних условиях нельзя было сделать. Кн. Мещерский давно всем известен: он изображает из себя гражданина уже много лет, он поставил к реформам точку еще тогда, когда она носилась в тумане, он первый произнес магическую фразу: «поменьше знаний!»... И, для доставления такому гражданину большего простора для воздействия на умы современников, царь разрешил обратить его газету в ежедневный орган и немедленно выдать на расширение ее 107 тыс. руб. из государственного казначейства [11]. С 1-го октября субсидированный «Гражданин» стал выходить ежедневно, и, смущенные смертью Каткова, министры и царедворцы успокоились и ободрились; они сразу увидали, что Катков II достойно поддержит наследие Каткова I...» [12].

В оценке смены глашатая официальной идеологии издатели «Общего дела» очень тонко подметили главное: что умерший Катков и его преемник суть одного поля ягоды. Будь бы жив редактор «Московских ведомостей», он, без сомнения, не обошел бы молчанием смерть Н. Г. Чернышевского, откликнувшись на нее в том же духе, как и Мещерский.

20 октября Мещерский с некоторым запозданием сообщил

---

[11] А. А. Половцев в своем дневнике сообщает, что в 1887 г. Мещерский запросил у императора 300 тыс. руб. Когда Дурново заявил царю, что эти притязания чрезмерны, последовал ответ: «У нас хотят консервативные журналы за двухгривенный. Смотрите, что Бисмарк тратит на прессу». См.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцева, т. II, 1887—1892. М., 1966, с. 140.

[12] Общее дело, 1887, № 103, ноябрь (раздел «Хроника»).

своим читателям о кончине Чернышевского: « — Хотя для нынешних поколений имя Чернышевского есть звук позабытого имени, но полагая, что многим из читателей при известии о смерти Чернышевского приходил на ум вопрос: что сделал Чернышевский на своем веку, мы заимствуем из «Русских ведомостей» некоторые сведения об его литературной деятельности»[13]. Представив, таким образом, право запевки авторитетному органу реакции, князь не ошибся в своих расчетах. Некролог, помещенный в «Русских Ведомостях», прекрасно укладывался в задуманную им схему. Автор анонимной статьи в «Русских ведомостях» просил у торжествующей реакции прощения и забвения для Н. Г. Чернышевского. «Это имя, — писал он, — было в свое время одним из известнейших и популярнейших в нашей литературе, хотя вряд ли можно найти другое лицо, вокруг которого скоплялось бы больше вражды и ненависти. Но перед открытым гробом, перед незасыпанной могилой должны смолкнуть враждебные чувства, если только их раньше уже не смягчила тяжелая судьба покойного». Далее следовал краткий и бесцветный биографический очерк, в котором преднамеренно обходился вопрос о социалистических убеждениях Чернышевского и о беззакониях, совершенных по отношению к нему правительством. Более того, автор некролога довольно двусмысленно рассуждал о «заблуждениях» и «ошибках» покойного, за которые он в свое время понес кару, но которые были милостиво прощены ему правительством. При этом высказывалась явная ложь о том, что правительство якобы дало Н. Г. Чернышевскому возможность снова заняться литературной деятельностью, тогда как в действительности имело место совершенно обратное.

В заключении некролога говорилось: «Каковы бы ни были заблуждения и ошибки Николая Гавриловича, он искупил их тяжелою ссылкой, как это и признано правительством, милостиво облегчившим его судьбу за последние годы и давшим ему возможность вернуться к литературной работе. Первые годы его оживленной деятельности и та эпоха общественных волнений, когда Николай Гаврилович был подвергнут наказанию, — все это уже далеко от нас, все это — историческое прошлое, к которому мы можем относиться спокойно и бесстрастно. Теперь, перед могилою Н. Г. Чернышевского, нельзя не вспомнить его как выдающегося экономиста и как публициста, вы-

---

[13] Гражданин, 1889, 20 октября, № 291.

ступившего в 50-х годах защитником важных общественных интересов, которые были выдвинуты тогда начинавшимися преобразованиями, как писателя, влиятельно поддерживавшего энергию общественной мысли».

Что же из этого следует? Во-первых, автор некролога был уверен, что революционная эпоха в России закончена и отошла в прошлое, поэтому к ней можно отнестись «бесстрастно». Во-вторых, он приписывал инициативу общественного прогресса правительству, которое якобы и выдвинуло «важные общественные интересы», защищавшиеся Чернышевским. О том, что покойный писатель отстаивал в противовес правительственным преобразованиям интересы крестьянских масс, благоразумно умалчивалось.

Оттолкнувшись от некролога «Русского вестника», Мещерский писал: «Умер Чернышевский — и имя это, в последний раз после большого промежутка, прозвучит кое-где и замрет навсегда... А что это имя изображало собою в начале шестидесятых годов, когда вспомнишь, сколько оно имело обаяния: и какой-нибудь церковный или научный гений, как Филарет московский или государственный гений, как Муравьев, — в ту пору казались, помню я, маленькими людьми для либералов-интеллигентов в сравнении с Чернышевским — как публицистом, проповедником социализма и моралистом. Чтобы судить о том, что была за эпоха в то время, достаточно припомнить, что Чернышевский прибыл в Петербург с задачею быть учителем в кадетском корпусе! Педагогическая карьера его, однако, остановилась у порога, и его всецело захватила тогдашняя журнальная среда. Вот уж про кого можно сказать совершенно справедливо; среда его загубила. Журнальная среда его подняла, и она же его свалила и сгубила. В ту пору потребность на бойкие перья и либеральные умы была горячечною жаждою. Сын бедного священника, необыкновенно способный и даровитый, молодой Чернышевский, кроме этих дарований привез с собою в Петербург целый осадок в душе той духовной сажи, которая натлилась в нем, как роковая принадлежность бурсацкого развития[14], и достаточно было первого соприкосновения этого осадка с тогдашнею литера-

[14] Открещиваясь от подобных обвинений и снимая вину с православной церкви за воспитание Н. Г. Чернышевского, поповски-реакционный журнальчик «Благовест» по поводу кончины автора «Что делать?» писал: «Скончался в городе Саратове тот русский талантливый и даже ученый человек, который, подобно другим, выдающимся по своим способностям и дарованиям, был испорчен тою пропагандою, которая разгуливала в России в пятидесятых и шестидесятых годах... Его роман «Что делать?» раз-

турною средою, чтобы эту сажу зажечь и дать его душе воспламениться пожаром самого сильного либерализма. Время и среда были такие, что, чем даровитее был либерал, тем сильнее загоралась в нем социалистическая страсть, и множество подлецов той эпохи из того лагеря (теперь слывущих за спокойных деловых людей) очень рады были таких молодых и впечатлительных даровитых людей пускать вперед застрельщиками, чтобы играть их жизнями, а свои дешевые шкуры беречь для чиновных карьер, — и вот Чернышевский, подстрекаемый со всех сторон успехами своего свободного мышления и подуськиваниями, как я их назвал, подлецов того лагеря, пошел и пошел по своему роковому пути беспочвенного либерализма до минуты, когда журнальной и газетной деятельности ему стало мало и разгоравшиеся в нем страсти повлекли его прямо на путь революционной пропаганды. Не нашелся ни один человек в этой среде либералов, настолько благородный, чтобы предостеречь даровитого молодого человека от гибели, на которую он шел... Оторванный бурсою от общения с народною почвою и с историею своего народа, весь отдался в Петербурге веяниям и влиянию западной европейской политической цивилизации и разбил свой талант в бесконечные дребезги журнального писания, а затем погиб. Его кратковременное сияние — это поучительная драма из многих драм того сумасшедшего и, увы, должен повторить, подлого времени!

После ссылки он вернулся к свободной жизни — разочарованным, постаревшим и, увы, слишком поздно постигшим, насколько эти увлечения либерализма безумны потому, что они — в резком и непреоборимом разладе с разумом и духом русской народной жизни. Он умер успокоенный и усталый — искупив годами страданий тяжкие грехи своей молодости»[15].

Поставив перед собой цель нарисовать совершенно искаженный политический портрет Чернышевского, Мещерский не останавливался перед откровенной клеветой и подтасовкой фактов, прибегая подчас и к более завуалированным инсинуациям. Так признание одаренности Чернышевского в интерпретации реакционного журналиста имело назначение подчерк-

вратил не одну молодую голову. Попирание брачных и семейных начал проводилось покойным ныне Чернышевским так тонко путем его романа, что, за уничтожением семьи, оставался один только шаг к уничтожению всякого общественного и государственного порядка... Русский талантливый человек был... испорчен врагами России и служил во вред ей». («Благовест», № 17 от 1 декабря 1899 г., с. 11).

[15] Гражданин, 1889, 20 ноября, № 291.

нуть тот огромный вред, который, якобы, нанес своей деятельностью писатель-революционер России. Мнимая же покорность и смирение Чернышевского после возвращения из Сибири должны были вызвать ассоциации о неизбежности такого же морального краха и падения у каждого революционера.

Заслуживает внимания тот факт, что Мещерский предпринял еще одну попытку бросить тень на светлую память Чернышевского и унизить его в глазах читающей публики намеками на готовность его следовать советам «власть имущих». 24 октября в разделе «Заметки прозаика», скрывшись под псевдонимом «Раффо», он поместил мерзкую статейку под заглавием «Интересное воспоминание о Чернышевском». В ней написано: «Мне рассказывал один почтенный господин очень интересную подробность про Чернышевского в эпоху сильнейшего разгара его либерального творчества, в ответ на мою мысль о том, как виноваты были люди той эпохи, не проявившие никакой сердечной заботы о спасении Чернышевского от ложного пути. Это было в начале шестидесятых годов. Господин этот занимал тогда место, ставившее его в сношения с журналистами.

Однажды он увиделся с Чернышевским. Разговор начался вопросом, обращенным Чернышевскому: зачем он свои несомненные дарования направляет так ложно? Беседа продолжалась более часа. Господин этот говорил от полноты сердечного участия, и, когда он кончил, Чернышевский голосом, в котором дрожали душевные ноты, сказал ему: знаете ли, что вы первый со мною говорили так задушевно и тепло. Спасибо Вам. И верьте, ваши слова даром не пропадут. Я многое понял, о чем прежде не думал, вы увидите. Разом я перемениться не могу. Да и не надо... Но вы увидите перемену в следующей книжке (Современника). Я понял вас, и вы это увидите и мне поверите... Чернышевский ушел от него растроганный[16]. Но увы, уже было поздно. Час роковой близился. Следующей книжки не вышло. «Современник» был закрыт, и затем Чер-

[16] Можно предположить, что господином, о котором шла речь у Мещерского, был министр народного просвещения А. В. Головнин. Во-первых, он по-своему служебному положению занимался вопросами, связанными с печатью и цензурой. Во-вторых, доподлинно известно, что Чернышевский вел с ним переговоры 18 июня по поводу приостановки издания журнала «Современник». Об этом есть неопровержимые сведения в письме Чернышевского к Н. А. Некрасову от 19 июня 1862 года, где сказано: «Я был два раза у Головнина, между прочим, вчера» (см.: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, с. 454). Достоверность передачи самого разговора между ними остается на совести Мещерского.

нышевский, сильно скомпрометированный в прежних своих связях с политическими злоумышленниками, был арестован.

Во всяком случае этот факт в высшей степени интересен как доказательство, сколько можно сделать полезного человеку, на самом ложном пути находящемуся, когда относишься к нему с сердцем и с теплотою...

У нас мало, да почти никто этого понять не хочет!» [17].

Заключительные строки заметки выходили за рамки персоналии и явно несли в себе обращение к «верхам» проявлять «доброжелательное внимание» к тем, кто заблудился на своем жизненно-общественном пути. Это не помешало самому Мещерскому грубо отозваться о газете, в которой содержался высокий отзыв об умершем писателе. Более того, Мещерский и ушедшего из жизни Чернышевского именовал «государственным преступником». В заметке Мещерского читаем: «Берешь первый попавшийся под руки №-р газеты «Каспий»! Ну кому нужна ежедневная газета «Каспий», издающаяся в Баку. Пробегаю №-р и что же я нахожу? В отделе «печати»—сведения всех панегириков в честь Чернышевского; причем он именуется газетою «Каспий» великим человеком, про которого приводятся из другой провинциальной газеты, из знаменитого «Астраханского листка», что когда Чернышевский жил в Астрахани, то к нему отовсюду приезжала молодежь *просить советов; — и ответов на их вопрос — «Что делать?»*

Положим, ужасного тут ничего нет, как преступление; но вдумайтесь хорошенько в эту фальшь. Вице-губернатор, то есть второе правительственное лицо в губернии, санкционирует своею подписью, значит своим согласием — признание государственного преступника газетою «Каспий» великим человеком! Ну как это объяснить, как с этим примириться, и весь простой народ целой губернии должен учиться, читая эту газету, что на Руси недавно умер великий человек, именно Чернышевский» [18].

Порожденные идейными и личными мотивами отклики Мещерского на смерть Н. Г. Чернышевского представляют собой первые опыты фальсификации жизни и деятельности великого революционера-демократа. С полной уверенностью можно сказать, что они есть не что иное, как концентрированная неприязнь к Н. Г. Чернышевскому со стороны Александра III, перед которым трепетал и унизительно заискивал редактор

---

[17] Гражданин, 1889, 24 октября, № 295.
[18] Гражданин, 1889, 11 ноября, № 313.

«Гражданина». Вместе с тем эти отклики в неприкрытой обнаженности показывают неукротимую ненависть реакционеров к борцам за народное освобождение. Они являются яркой иллюстрацией известного высказывания В. И. Ленина о том, что ненависть врагов — лучшая похвала для революционеров, которые по словам Некрасова:

Слышат звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы
А в диких криках озлобленья.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

И. Я. Щипанов

К вопросу об основных особенностях философии Н. Г. Чернышевского в процессе преодоления им антропологического материализма

Автор статьи ставит перед собой задачу — лишь наметить общую канву критического преодоления Чернышевским антропологического материализма и создания им собственной философской концепции, которая явилась высшим достижением домарксистской философии.

Философское учение Чернышевского возникло не на пустом месте. Солидная материалистическая традиция, у истоков которой стояли М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, русские просветители XVIII — начала XIX вв. и декабристы, была затем подхвачена и творчески продолжена Белинским, Герценом, Огаревым. Плодотворное влияние последних особенно сильно сказалось на формировани философского мировоззрения Чернышевского. «Единство понятий и людей, — писал о своих философских предшественниках Чернышевский, — *у нас только укреплялось, а не рождено было внешними влияниями.* Деятели, стоявшие тогда во главе нашего умственного движения, конечно, ободрялись тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях. Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли

наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников, как бывало прежде... Человек, мысль которого достигла самостоятельности, определительностью своих понятий и верностью их приложения всегда превосходит тех людей, которые следуют чужим понятиям, не будучи в состоянии подвергнуть критике принципы, которых держаться» (*3*, 224).

Эти слова, высказанные Чернышевским о своих предшественниках, не в меньшей, а еще в большей степени могут быть по праву отнесены к самому Чернышевскому — великому и оригинальному русскому мыслителю, который, опираясь на материалистическую традицию в России, критически осмысливая и творчески перерабатывая передовые философские и социальные зарубежные учения и достижения современного ему естествознания, создал свое оригинальное философское учение.

Как бы предвидя, что могут появиться историки, которые попытаются принизить его философский интеллект и изобразить его последователем того или другого из предшествующих ему мыслителей, Чернышевский неоднократно, в разных формах, утверждал, что «мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля» (*3,* 206), что он никогда не был последователем философии Канта, Шеллинга и Фихте, младогегельянцев Макса Штирнера и Бруно Бауэра, субъективизма Шопенгауэра, вульгарного материализма Бюхнера, Фохта, Молешотта. Он делал исключение лишь для Фейербаха, произведения которого читал студентом и ставил высоко, прямо заявлял, что «предан учению Фейербаха» (*1*, 255) и считает его одним из учителей молодости.

Отдавая должное Гегелю за разработку им диалектического метода, а Фейербаху — за «Сущность христианства» и антропологизм в философии, Чернышевский, однако, не абсолютизировал ни философскую систему Гегеля, ни философское учение Фейербаха, доказывая, что будущие философски мыслящие ученые «сделаются *способны выработать и, вероятно, вырабатывают,* на основании естествознания, систему понятий, более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом» (*1,* 255). По понятным причинам Чернышевский не говорит прямо о себе, когда заявляет, что ученые «способны выработать и, вероятно, вырабатывают» более точную и более полную, чем фейербаховская, новую философскую систему. В статье «Полемические красоты» он подчеркивает, что в России невозможно было в подцензурных статьях пользоваться термином «материализм», но можно было, «прибегая к военным хитростям»,

отстаивать материализм в философии, облекая его в допустимый цензурой термин «антропологизм». Отбивая атаки оппонентов из идеалистическо-мистического лагеря, упрекавших его в том, что он в своей работе прибегает к «коварным намекам» и «военным хитростям», избегая называть материализм— материализмом, Чернышевский писал: «Но если вы чувствуете невозможность говорить просто, к чему порицать других за приемы, налагаемые на других и на вас общею отвратительностью нашего поколения»[1] (читайте — отвратительностью самодержавно-полицейского режима и царской цензуры. — *И. Щ.*).

В одной из последних своих работ «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (1888) Чернышевский признается, что термином «антропологический» он пользовался лишь ради «удобства беседы»: «Рассуждать должно по требованиям здравого смысла, излагаемым в хороших учебниках логики, и по тем правилам речи, какие приняты в хороших философских трактатах всех школ — от скептической и крайне идеалистической до той, которую я для удобства беседы назову антропологической» (*16*, 501).

Необходимо привести все эти высказывания воинствующего материалиста и глубокого диалектика, создателя самостоятельного и оригинального философского учения, который вышел за пределы антропологического материализма, по ряду вопросов вплотную подошел к диалектическому материализму и сделал ряд глубоких догадок, приближающих его к историческому материализму. Для подтверждения укажем на некоторые философские положения Чернышевского, у которого, как отмечал В. И. Ленин, социалистические идеи сливались с революционным демократизмом, а диалектика служила обоснованием исторического оптимизма и революционного преобразования действительности.

Критически усвоив лучшие стороны философского наследия прошлого, Чернышевский обращает свою философию к самой действительности, которая охватывает собою живую и мертвую природу, человеческую практическую жизнь, с ее прошедшим, настоящим и будущим, с ее материальной, умственной и нравственной деятельностью. Он сразу же освобождает философию от идеалистических, по его терминологии, «метафизических», или «трансцендентальных» и схоластических поисков «абсолютного». В то же время философию нельзя огра-

---

[1] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1938, с. 120.

ничить лишь ретроспективными положениями; она должна изучать современность и активно вторгаться в нее, стремиться понять ее и объяснить, помочь новому, прогрессивному победить старое, реакционное.

Известно, что представители антропологического материализма, и прежде всего Л. Фейербах, справедливо критикуя идеализм Гегеля, не одолели Гегеля оружием критики, не заметили в нем диалектики, не провели грани между его диалектическим методом и метафизической системой, а сгоряча отбросили то и другое как нечто устаревшее и негодное для науки. В отличие от фейербаховского антропологического материализма Чернышевский (как и его идейные предшественники Белинский, Герцен, Огарев), анализируя философию Гегеля, вскрывает в ней противоречия между системой и диалектическим методом, подвергает критике консервативный и реакционный характер его системы и выделяет ее диалектику, считая последнюю величайшим завоеванием философской мысли. Однако он критически воспринимал диалектику Гегеля и хотя не заявлял, подобно Марксу, что необходимо коренным образом переработать ее и поставить с головы на ноги, но шел по этому пути, когда доказывал, что «содержание системы Гегеля совершенно не соответствует тем принципам, которые провозглашались ею» (*16*, 206), что сами по себе «принципы Гегеля были мощны и широки, выводы узки и ничтожны: несмотря на всю колоссальность его гения, у великого мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общие идеи, но не достало уже силы неуклонно держаться этих оснований и логически развить из них все необходимые следствия» (*16*, 205).

В своих многочисленных трудах Чернышевский мастерски вскрывал диалектические процессы, совершающиеся в природе и особенно в общественной жизни. Процессы эти нельзя понять и научно объяснить, если их брать изолированно, в отрыве друг от друга, вне взаимосвязи и взаимодействия. Поэтому он ставил и решал вопрос о конкретности истины, отвергая истины абстрактные как ненаучные и метафизические. Мыслитель показывал, что мир не статичен, а динамичен, что движение и развитие в мире совершается через поляризацию и борьбу противоположных сил, через диалектический закон отрицания отрицания, через качественные и количественные изменения.

По этому поводу можно было бы привести множество высказываний Чернышевского, отослав интересующегося хотя

бы к «Очеркам гоголевского периода русской литературы», к «Эстетическим отношениям искусства к действительности», к «Полемическим красотам», к «Критике философских предубеждений против общинного владения», в которых даны замечательные образцы творческого применения мыслителем критически усвоенных им диалектических принципов. Из названных работ особо следует отметить последнюю, где Чернышевский, критикуя славянофильскую идеализацию патриархальной крестьянской общины, с одной стороны, и точку зрения буржуазных либералов, доказывавших, что общинное владение обязательно должно пройти буржуазную стадию развития, с другой, творчески разрабатывал диалектический закон отрицания отрицания в применении к судьбам общинного владения. При этом он обосновывал идею, что при определенных благоприятно сложившихся исторических обстоятельствах общинное владение может миновать капиталистическую стадию и перерасти в социалистическую, утверждая, что под влиянием высокого развития, которое известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты. Возможность подобной судьбы крестьянской общины до определенного момента, как известно, не отрицали К. Маркс и Ф. Энгельс[2].

Выступая на II Конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин говорил, что коммунисты должны поддерживать национально-освободительное и революционно-демократическое движение в колониях и полуколониях, находящихся еще в докапиталистических условиях, так как только «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому (то есть социалистическому. — *И. Щ.*) строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[3].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России многие народы и народности Средней Азии, Казахстана, Севера, Сибири, Северного Кавказа, находившиеся на ступени патриархально-родовых отношений, благодаря политической, материальной, технической, культурной помощи русского народа шагнули от патриархально-родовых отношений, минуя стадию капитализма, — непосредственно к пост-

[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305; т. 22, с. 449—453 и др.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

роению социализма и коммунизма. Минуя стадию капитализма, благодаря помощи СССР, перешли к социалистическому строительству народ Монгольской Народной Республики, ряд народов Азии и Африки.

С позиций диалектического метода подходил Чернышевский и к рассмотрению общественно-исторических событий в России и в зарубежных странах. Такие его работы, как «Письма без адреса», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Июльская монархия», «Франция при Людовике-Наполеоне», «Вопросы о свободе журналистики во Франции», «Кавеньяк», «Тюрго», «Граф Кавур», «Нынешние английские виги», «Капитал и труд», месячные политические обзоры за 1859—1862 гг. и другие произведения, представляют собою блестящие образцы диалектического и революционно-демократического выявления противоречий общественной жизни, противоречий и острой классовой борьбы между трудом и капиталом, между монополиями и рабочими, между крестьянами и помещиками. Ленин отмечал, что от сочинений Чернышевского веет духом классовой борьбы, проповедью социальной революции, призванной разрешить назревшие общественные проблемы в духе законных требований трудящихся. Отсюда философия Чернышевского в отличие от антропологического материализма приобретала новое качество. Она носила не созерцательный, а боевой, революционно-демократический, критически-наступательный характер. Она не только объясняла прошлое, но еще больше стремилась понять настоящее и заглянуть в будущее, обосновать неизбежность гибели старого, одряхлевшего и победу нового, развивающегося, в конечном итоге победу социализма и коммунизма. низма.

Антропологический материализм, ставя вопрос о личности, о человеке, подходил к решению этого вопроса абстрактно, говорил о человеке, о личности вообще, вне сложившихся социально-классовых отношений, вне области экономики, политики, права, сводя личность по существу к роду, делая упор на биологию и антропологию. «По форме он (Фейербах. — *И. Щ.*) реалистичен, — писал Энгельс, — за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, и потому его человек остается постоянно тем же абстрактным человеком, который фигурирует в философии религии... он и живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он находится в общении с другими людьми, но каждый из

них столь же абстрактен, как и он сам»[4]. Фейербах абстрагируется, как отмечал К. Маркс, от хода истории, он не занимается критикой существующего, он отталкивается от изолированного, абстрактного человеческого индивида, связанного с другими лишь природными, биологическими узами, что налагает на его философию созерцательный характер.

В рассуждениях Чернышевского о человеке, о личности можно встретить отдельные высказывания, напоминающие по форме антропологический подход к человеку и его умственной деятельности, в частности когда он выдает человека за высшего представителя животного мира, подчеркивая тем самым его исходную генетическую линию. Но мыслитель не останавливается на генезисе, а апеллирует к социологии, к общественно-историческим условиям и классовой принадлежности. У Чернышевского нет сформулированного положения, что личность, человек есть совокупность всех общественных, производственных отношений, но он настойчиво проводит мысль, что личность — личности, человек человеку — рознь, один — рабовладелец, другой — раб; один — феодал-помещик, другой — крепостной; один — монополист (заводчик, фабрикант, банкир), другой — полуголодный пролетарий; один — живет паразитом и захребетником, другой — изнуряется от непосильного труда; один — благоденствует и утопает в роскоши, другой — нищенствует, влачит жалкое существование. У этих людей разная мораль, разные вкусы и привычки, разные запросы и стремления, разное понимание смысла жизни, ее задач и целей, разные приемы борьбы за свои политические права и достоинство.

Рассматривая человека как исторически сложившееся явление, многосложное не только в биологическом, но прежде всего в социальном плане, принадлежащее к тому или иному классу или сословию, к той или другой исторической среде с ее общественно-правовыми и политическими интересами, от которых «много зависит вообще в жизни человека», он решительно утверждал, что человек прежде всего «представитель того класса, к которому принадлежит в *политическом* — или, как вам угодно, назовем это — *в социальном,* в общественном отношении; а как можно сказать, что классы, состоящие из лиц немного значащих каждое само по себе, не важны? Скорее можно сказать, — чем меньше значит отдельное лицо, тем больше значит тот класс, к которому принадлежит оно» (*11*, 672).

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 295.

Философия Фейербаха носила в основе своей антидиалектический, метафизический, созерцательный характер, чуралась политики, классов и классовой борьбы, отстранялась от революционных движений в Европе в 1848—1849 гг. «Самое большее, — писал Маркс, — чего достигает *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, это — созерцание им отдельных индивидов в «гражданском обществе»[5].

Философия Чернышевского, в отличие от философии Фейербаха, носила целеустремленный, действенный характер и не только не чуралась практики, классовой и революционной борьбы, а активно в нее включалась. С этой стороны анализ и оценка классовой борьбы в Европе и России за революционные социальные преобразования, проведенные Чернышевским в выше названных и других его произведениях, указывают на исторический и классовый подход мыслителя к силам, выступающим на общественной арене, на его горячее сочувствие революционным силам и активную подготовку революционного восстания в России. О последнем наглядно свидетельствуют его многочисленные дневниковые записи, встречи и споры с Герценом, его романы «Что делать?», «Пролог», его знаменитая прокламация к барским крестьянам, которых он призывал тайно накапливать силы и оружие, чтобы по призыву революционного центра организованно выступить и свергнуть власть угнетателей. О себе Чернышевский писал: «У нас скоро будет бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» (*1*, 419).

Оценивая революционную деятельность Чернышевского, его борьбу против царизма, крепостников, либералов, В. И. Ленин писал: «Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционом духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей... Либералов 60-х годов Чернышевский назвал *«болтунами, хвастунами и дурачьем»,* ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими»[6].

Будучи гениальным мыслителем и историческим оптими-

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

стом, Чернышевский глубоко верил, что в результате острых классовых столкновений и революционных свершений человечество сперва придет к социализму, а позднее к коммунизму. При этом он справедливо подчеркивал, что «сущность социализма относится собственно к экономической жизни», которая в свою очередь поведет к «коренным переменам» всей жизни людей в обществе, в семье, к переменам в труде и распределении материальных благ. «Эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма». Путь к окончательному торжеству социализма лежит не через одну, а многие битвы, «потому что интересы, охраняющие нынешнюю экономическую организацию (то есть капитализм. — *И. Щ.*) страшно сильны». Но это нисколько не должно смущать борющихся за социализм. «Разве одним ударом или двумя ударами была разрушена Римская империя» (*9*, 828, 831, 833).

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс указывал, что «Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе». Маркс критикует далее Фейербаха за то, что он не делает главного: не показывает саморазорванность и самопротиворечивость земной основы, не ставит вопроса о том, чтобы понять ее противоречивость и революционным путем устранить противоречия. «Следовательно, — пишет Маркс, — после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована»[7].

С последней задачей Фейербах, как представитель антропологического материализма, не справился. Остановившись на полпути, он не посмел вскрыть противоречия современности, в частности противоречия буржуазной семьи, отстранился от участия в революции 1848 г. Чернышевский вскрывал непримиримые классовые противоречия современного ему общества в России и на Западе, а в своих знаменитых романах «Что делать?» и «Пролог» показал противоречия буржуазной «земной семьи», подверг ее теоретической критике и наметил практический путь ее революционного преобразования. Революци-

---

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

онно-демократический лагерь, прогрессивная интеллигенция, учащиеся высших учебных заведений и гимназий горячо и восторженно приветствовали роман «Что делать?»

Монархическо-помещичья и буржуазно-либеральная пресса злобно обрушилась на роман, обвиняя автора в нигилизме и разрушении устоев семьи, в проповеди моральной распущенности. «Роман Чернышевского, — сетовал цензор П. Капнист, — имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинциях... Были примеры, что дочери покидали отцов и матерей, жены мужей, некоторые шли даже на все крайности, отсюда вытекающие, появилась попытка устройства на практике коммунистического общежития в виде каких-либо общин и ремесленных артелей. Всего же хуже то, что все эти нелепые и вредные понятия нашли себе сочувствие, как новые идеи, у множества педагогов» (*11,* 706).

На романе Чернышевского «Что делать?» воспитывались многие революционные поколения, о чем наглядно свидетельствуют многочисленные воспоминания видных писателей, общественных и политических деятелей, начиная с революционных демократов и кончая марксистами. Так, например, Плеханов с полным основанием утверждал: «Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее... Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?» Никто не укажет такого произведения» [8].

Споря с меньшевиками, всячески принижавшими роман, В. И. Ленин горячо отстаивал его и со всей силой подчеркивал плодотворное революционное влияние романа: *«Он меня всего глубоко перепахал...* Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь» [9].

С позиций революционного демократизма Чернышевский безоговорочно отверг сен-симонистский и фейербахианский этический принцип «любви» в качестве движущего мотива общественно-исторического прогресса, в качестве новой религии будущего идеального общества. А вот что по этому

---

[8] Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. в 5-ти т., т. 5. с. 114.
[9] Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1969, с. 653.

поводу писал Ф. Энгельс: «Да, любовь везде и всегда является у Фейербаха чудотворцем, который должен выручать из всех трудностей практической жизни, — и это в обществе, разделённом на классы с диаметрально противоположными интересами! Таким образом, из его философии улетучиваются последние остатки ее революционного характера и остается лишь старая песенка: любите друг друга, бросайтесь друг другу в объятия все, без различия пола и звания, — всеобщее примирительное опьянение» [10].

В трактовке поставленного вопроса Чернышевский был ближе к Ф. Энгельсу, чем к Фейербаху или Сен-Симону, которых он высоко ценил, но прозелитом, покорным учеником их не был. Критикуя это же идеалистическое положение Фейербаха и Сен-Симона, Чернышевский утверждал, что «человечество действительно идет к заменению вражды, принимающей в промышленных делах форму конкуренции, товариществом, союзом. Но совершенно напрасно ожидать, что основанием этого союза может служить любовь; любовь бывает только результатом, возникающим из согласия интересов, а основанием хороших отношений служит расчет, выгода» (7, 168—169).

Хотя Чернышевский в силу отсталости российской действительности не стал историческим материалистом, но он твердо стоял на том, что социализм будет достигнут не через любовь, а через классовую борьбу, через социальную революцию, что победа может достаться не сразу, будет достигнута не одним ударом, а в результате многих сражений и ударов. К тому же он высказал ряд материалистических догадок о роли материальных условий и труда, о роли народных масс и личности в истории, что приближало его к историческому материализму.

Одним из серьезных недостатков антропологического материализма являлось то, что он не видел связи философии с политикой, а философов — с теми или другими борющимися политическими партиями в обществе. Напирая на антропологию, он не замечал влияния политики борющихся в обществе политических партий на философские системы и по существу отгораживал философию от политики, вольно или невольно скатывался к проповеди так называемой «чистой», «кабинетной» философии. «Политика для Фейербаха, — писал Ф. Энгельс, —

[10] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 298.

недоступная область, а наука об обществе, социология, — terra incognita»[11].

Выходя за пределы созерцательного, антропологического, «аполитичного» материализма, Чернышевский настойчиво и последовательно проводит мысль о том, что под видом беспристрастия философии к политике и борющимся в обществе политическим партиям на деле проявлялась вражда против нового, защита старого, отжившего, в прикрытой форме проводились идеи той или другой политической партии, которой сочувствовал или к которой примыкал сам философ. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ» (7, 223). Тщательный анализ философских, экономических, исторических, правовых теорий привел мыслителя к правильному заключению, что Гоббс принадлежал к партии абсолютистов, Локк — к партии вигов, Монтескье — к партии либералов в английском вкусе, Бентам — к партии «просто демократов», Руссо — к партии революционных демократов, Гегель — к партии умеренных либералов, Мальтус был «приверженцем неравенства» и «думал поразить коммунизм», Б. Чичерин — выступал как представитель буржуазного либерализма и т. д. Огромный интерес представляет критика Чернышевским буржуазной политической экономии Дж. Ст. Милля. Показав ее банкротство и противопоставив ей созданную им политическую экономию трудящихся, Чернышевский заявил при этом, что сущность социализма относится, собственно, к «экономической жизни». К. Маркс высоко оценил экономические труды русского мыслителя, подчеркнув, что «банкротство буржуазной политической экономии... мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»[12].

В литературе нередко встречаются утверждения, что эстетическая теория Чернышевского основывается на антропологическом материализме. В действительности дело обстоит гораздо сложнее, чем оно представляется на первый взгляд. Известно, что мыслитель был противником идеалистической и

---

[11] Там же, с. 296.
[12] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17.

метафизической теории «чистого искусства», искусства для искусства, осуждал отрыв искусства от действительности и ее запросов. Чернышевский утверждал, что оно отталкивается от действительности и в своих художественных картинах, образах, представлениях активно ее отражает и активно в нее вторгается. Искусство должно быть народным, оно обязано выполнять общественную функцию, обладать высокой идейностью. Даже только названные функции искусства свидетельствуют не о созерцательном, антропологическом, а о диалектическом характере понимания им отношения искусства к действительности. Выдвинув материалистический тезис в определении понятия «прекрасного» в искусстве, что «прекрасное есть жизнь», Чернышевский не останавливается на этом, а, как диалектик, идет дальше, утверждая: *«Воспроизведение жизни* — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — *объяснение жизни*; часто имеют они и значение *приговора о явлениях жизни»* (*2*, 392). Как видим, эта триединая задача, стоящая перед искусством, требует от него не пассивного созерцания жизни, а объяснения ее и вынесения ей приговора. Причем «приговор дает сам человек своею жизнью; «практика», этот непреложный пробный камень всякой теории, должна быть руководительницею нашею и здесь». Практика объявлялась критерием всех спорных вопросов, ибо «что подлежит спору в теории, на чистоту решается практикою, действительною жизнью» (*2*, 102—103). Однако как диалектик Чернышевский далек от апологетики всякой жизни, как революционер — далек от оправдания любой действительности. Согласно его теории, «прекрасно то существо, в котором мы видим жизнь такою, какова она должна быть по нашим понятиям» (*2*, 112). Отсюда следует, что не всякая жизнь прекрасна, а лишь та, которая отвечает нашим требованиям, нашим идеалам. Абсолютизм, крепостное право, буржуазный строй — тоже жизнь, но эту жизнь нельзя назвать прекрасной. Наоборот, поскольку она не отвечает нашим идеалам, ее надо коренным образом перестроить и изменить. Стало быть, искусство призвано не только объяснять жизнь, но и выносить ей приговор, то есть активно вторгаться в жизнь, воздействовать на нее, изменять и совершенствовать ее в соответствии с нашими идеалами.

Диалектическим принципом пронизана теория познания Чернышевского, отстаивавшего положения, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. В. И. Ленин дал высо-

кую оценку теории познания Чернышевского и критике им агностицизма, сравнив его с Ф. Энгельсом: «Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника... Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88 года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»[13].

Исходя из всего вышеизложенного, можно утверждать, что, отталкиваясь от антропологического материализма, Чернышевский не остановился на нем, а, преодолевая его ограниченность, созерцательность, метафизичность, создал свою оригинальную систему, которая явилась высшим достижением домарксистской философии, философией революционного демократизма.

Ю. К. Савельев

В. И. Ленин о Н. Г. Чернышевском

Создатель нашей партии, основатель первого в мире социалистического государства Владимир Ильич Ленин проявил пристальное внимание к практической и теоретической деятельности Николая Гавриловича Чернышевского.

Свое отношение к Чернышевскому великий Ленин выразил в таких работах, как «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «О значении воинствующего материализма», и в ряде других произведений[1].

---

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 382, 384.

[1] Например, в статье «От какого наследства мы отказываемся?» (1897) В. И. Ленин, говоря о просветителях 60-х гг. XIX в., также «имел в виду именно Чернышевского» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 19).

В ленинских работах глубоко анализируется «эпоха Чернышевского» и его отношение к реформе 1861 г., дается единственно верная характеристика и оценка его социально-политических и философско-социологических взглядов.

* * *

В истории освободительного движения России XIX в. Ленин выделял, как известно, три основных этапа: дворянский (1825—1861 гг.) разночинский или буржуазно-демократический (1861—1895 гг.) и пролетарский (с 1895 г.).

Ленин отмечал, что главными представителями дворянского этапа освободительного движения в стране явились декабристы и Герцен, новое поколение революционеров-разночинцев возглавили Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Ленин писал, что «революционную агитацию» Герцена «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями Народной воли»[2].

Основная деятельность Чернышевского развернулась во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг. XIX в. Именно это время Ленин и назвал «эпохой Чернышевского»[3]. А наиболее характерной чертой этой эпохи, как отмечал Ленин, было наличие в 1859—1861 гг. революционной ситуации в России, сложившейся под влиянием чрезвычайного обострения всех противоречий в стране и прежде всего — под влиянием крестьянских выступлений.

Крестьянские волнения происходили в то время потому, что крестьянство задыхалось под игом крепостничества. В. И. Ленин подчеркивал: «Нельзя забывать, что... когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»[4].

Как известно, эту кардинальную проблему общественной жизни России можно было решить только революционным путем, что превосходно понимали Чернышевский и его единомышленники. Поэтому к реформе 1861 г. они отнеслись крайне враждебно, на что неоднократно обращал внимание Ленин в своих произведениях. Так, в 1911 г. он писал, что «были и

---

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 280.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих... революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»[5]. «Крестьянскую реформу» 61-года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью,* ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский называл *«болтунами, хвастунами и дурачьем»,* ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими»[6].

Называя Чернышевского представителем утопического социализма, мечтавшим о переходе к социалистическому обществу через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, Ленин вместе с тем подчеркивал, что его утопический социализм был органически слит с революционным демократизмом. Именно революционный демократизм был ядром, фокусом, сущностью социально-политических взглядов Чернышевского. В связи с этим Ленин писал, что Чернышевский «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[7]. «От его сочинений веет духом классовой борьбы»[8].

В. И. Ленин отмечал и такую характерную черту социально-политических взглядов Чернышевского, как критика им буржуазного общества, основанного на эксплуатации и угнетении народных масс, подчеркивая, что он «был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»[9]. Пожалуй, с наибольшей силой эта критика проявилась в работах «Капитал и труд», «Июльская монархия» и других произведениях великого демократа.

Идейно воспитывая настоящих революционеров, Чернышевский подчас с величайшей горечью отмечал отсутствие революционного энтузиазма у трудящихся масс. В связи с этим в своей статье «О национальной гордости великороссов» Ленин писал: «Мы помним, как полвека тому назад великорус-

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.
[6] Там же, с. 175.
[7] Там же.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.
[9] Там же.

ский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...»[10].

Это было сказано Лениным в 1914 г. Через три года в России произошло «главное событие XX века» — Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эпоху в истории человечества, явившаяся началом мировой социалистической революции.

Анализируя мировой революционный процесс, намечая пути и сроки мировой социалистической революции, Ленин весьма часто напоминал революционерам-марксистам верную мысль Чернышевского о том, что история и политика не похожи на тротуар Невского проспекта. После 1917 г. Ленин не раз подчеркивал, что мировой революционный процесс не может происходить прямолинейно и равномерно. Так, в «Письме к американским рабочим» (1918) он писал: «Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер...»[11]. «Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок. Мы видели две великих революции 1905 и 1917, в своей стране, и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению»[12]. «...*До* взрыва международ-

---

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107-108.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 57.
[12] Там же, с. 64.

ной революции, — отмечал Ленин, — возможен ряд поражений отдельных революций»[13].

В. И. Ленин всегда доказывал, что в целом мировой революционный процесс носит необратимый характер, и в этом выражается объективная закономерность истории. Однако известные отклонения от данной закономерности могут быть, что необходимо учитывать в своей практической деятельности революционерам-марксистам.

В 1920 г., в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», Ленин снова напоминал мысль Чернышевского о том, что исторический путь, политическая деятельность революционеров не могут быть легкими и прямыми. «Русские революционеры, со времен Чернышевского, — писал Ленин, — неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы... революционеры Западной Европы и Америки *не так дорого* заплатили за усвоение этой истины...»[14].

Трагические события в Чили снова властно напомнили о том, что победа социалистической революции сопряжена с преодолением многих трудностей и что революция должна уметь защитить себя от ударов контрреволюции и фашизма.

Ленин всегда считал Чернышевского выдающимся философом-материалистом и диалектиком, непримиримым противником философского идеализма, агностицизма, религии. При этом Ленин подчеркивал у него наличие целостной системы философских взглядов. Так, в 1909 г. вождь революции указывал, что «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»[15]. В своем философском завещании, в статье «О значении воинствующего материализма», Ленин назвал Чернышевского одним из наиболее ярких представителей солидной материалистической традиции передовой общественной мысли России домарксова периода.

Одной из сильных сторон философской деятельности Чернышевского явилась критика им кантианства, на что особое внимание обратил Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм». По силе и значению эта критика иногда

---

[13] Там же.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

приближалась к критике Ф. Энгельса. Отмечая известное несовершенство философской терминологии Чернышевского по сравнению с философской терминологией основоположников марксизма, Ленин вместе с тем писал, что «Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вынести наше знание из этого объективного источника» [16].

В. И. Ленин подчеркивал, что с точки зрения Чернышевского, как формы нашего чувственного познания (ощущение, восприятие, представление), так и формы нашего мышления имеют не только субъективное значение. Они имеют также значение объективное, поскольку в них принципиально верно отражаются предметы и законы объективного материального мира, объективная причинность, объективная необходимость природы. Следовательно, научное познание всегда объективно. В нем всегда выражается объективная истина. Н. Г. Чернышевский, писал Ленин, был твердо убежден в том, что предметы *«действительно* существуют и *вполне* познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях» [17]. Поэтому великий демократ называл метафизическим вздором отступления от материалистической теории познания как в сторону идеализма, так и в сторону агностицизма.

В. И. Ленин, акцентируя внимание на наиболее сильных сторонах философского материализма Чернышевского, отмечал вместе с тем историческую ограниченность его материализма, наличие в философской концепции русского мыслителя элементов антропологизма и натурализма. Так, в «Философских тетрадях» Ленин вскрывает узость антропологического принципа Чернышевского. «И антропологический принцип и натурализм, — писал Ленин, — суть лишь неточные, слабые описания *материализма»* [18]. Следует, видимо, напомнить, что свою центральную проблему — проблему человека — антропология действительно решает узко и односторонне, поскольку она рассматривает человека лишь с биологической точки зрения, игнорируя важнейший аспект личности — социальный аспект.

Что касается общесоциологической концепции Чернышев-

---

[16] Там же, с. 382.
[17] Там же, с. 383.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

ского, то она носила в целом идеалистический характер, хотя и заключала, по словам Ленина, отдельные «зачатки» исторического материализма, что, пожалуй, наиболее ярко проявилось в его теории «разумного эгоизма»[19].

Анализ как сильных, так и слабых стороны философско-социологических взглядов Чернышевского привел Ленина к выводу, что он является одним из наиболее ярких представителей домарксистской философии. «Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»[20]. Поэтому становится совершенно понятным отношение Ленина к работам, например, Г. В. Плеханова и Ю. М. Стеклова о великом революционном демократе и мыслителе.

Ленинское отношение к плехановским произведениям о Чернышевском не было однозначным. Когда Плеханов, будучи марксистом, написал в начале 90-х гг. XIX в. свою первую работу о Чернышевском, В. И. Ленин отозвался о ней позитивно, подчеркнув при этом, что автор «вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»[21].

Однако в 1909 г., будучи уже меньшевиком, Плеханов внес значительные коррективы в первоначальный текст своей монографии, которые Ленин не одобрил. Сместив акценты, Плеханов принизил значение Чернышевского, его роль в освободительном движении России.

В «Философских тетрадях» Ленин резко критиковал Плеханова за то, что, акцентируя основное внимание на литературно-критической деятельности Чернышевского, он оставлял в тени его практическую, политическую деятельность[22]. Плеханов слишком сильное ударение делал на утопическом социализме Чернышевского, забывал подчас подчеркнуть его революционный демократизм, его острую критику либерализма. «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов, — подчеркивал Ленин, — *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа»[23].

Разумеется, и в этой книге Плеханова о Чернышевском имеются верные положения. Однако в целом его монография,

---

[19] См.: Там же, с. 58.
[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.
[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 259.
[22] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 550.
[23] Там же, с. 560.

написанная в 1909 г., притупляла революционное острие практической деятельности Чернышевского, а также стирала самобытный, оригинальный характер его философских взглядов.

Ю. М. Стеклов — историк революционной мысли и революционного движения — также в 1909 г. написал работу «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889)», которую в целом В. И. Ленин оценил положительно. В одном из писем А. М. Горькому (в конце апреля 1911 г.) В. И. Ленин назвал Стеклова автором «хорошей книги о Чернышевском»[24]. Однако, как свидетельствуют замечания и пометки, сделанные Лениным на полях этой книги, он не соглашался с тенденцией ее автора несколько идеализировать теоретическую и практическую деятельность Чернышевского.

В чем выразилась эта идеализация?

Стеклов, например, утверждал, что по силе ума и разносторонности знаний Чернышевский «вряд ли уступал» Марксу. «От системы основателей современного научного социализма, — писал он, — мировоззрение Чернышевского отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов»[25]. Совершенно очевидно, что Ленин не мог согласиться с подобными утверждениями Стеклова[26]. Следовательно, Ленин выступал как против недооценки, так и против переоценки теоретической и практической деятельности Николая Гавриловича Чернышевского.

Современные буржуазные философы подвергают грубейшей фальсификации жизнь и деятельность Чернышевского[27]. Так, экзистенциалист Г. Шмидт, вопреки общеизвестным фактам, отрицает у Чернышевского наличие какой бы то ни было материалистической философской концепции, называя его представителем позитивизма[28].

В. И. Ленин никогда не отрицал благотворного влияния, которое оказал на него в юности Чернышевский и особенно его знаменитый роман «Что делать?». В 1904 г. он сказал, что этот роман «дает заряд на всю жизнь»[29]. В ленинской работе «Что делать?» (название которой не случайно совпадает с названи-

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 32.

[25] Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889). СПб., 1909, с. 176.

[26] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 574, 582 и др.

[27] См.: Мелентьев Ю. С. Философия Н. Г. Чернышевского и некоторые вопросы современной идеологической борьбы.— Вопр. философии, 1978, № 6

[28] См.: Философский словарь Г. Шмидта. М., 1961, с. 517.

[29] См.: Вопр. философии, 1958, № 7, с. 75.

ем романа Чернышевского) Чернышевский рассматривается в качестве одного из предшественников русской социал-демократии[30]. И все же Ленин нигде не называл русских марксистов учениками Чернышевского и не рассматривал революционный демократизм второй половины XIX в. в качестве теоретического источника, теоретической основы, теоретической базы большевизма (а, стало быть, и ленинизма).

Теоретическим источником, основой, базой ленинизма явился марксизм и только марксизм. Так, в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин подчеркивал, что «большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма»[31].

При этом, разумеется, наша партия не отрицает большого значения революционных традиций прошлого, которые, несомненно, способствовали восприятию и применению марксизма в России. В Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» отмечалось: «Российский пролетариат с первых шагов своей политической борьбы мог опереться на научную теорию освободительного движения — учение Маркса и Энгельса. Почва для восприятия и применения марксизма в России была подготовлена ее социально-экономическим развитием, остротой классовых противоречий, революционными традициями, которые восходят к крестьянским восстаниям, к деятельности А. Н. Радищева и декабристов, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других демократов-шестидесятников, революционных народников 70-х годов XIX века»[32].

Для советских ученых работы В. И. Ленина, документы нашей партии являются самым точным ориентиром, методологической основой дальнейшего всестороннего изучения теоретической и практической деятельности Н. Г. Чернышевского — великого революционного демократа, выдающегося философа-материалиста, самобытного ученого-экономиста, глубокого историка, талантливейшего писателя и литературного критика второй половины XIX в.

---

[30] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

[32] Вопросы идеологической работы КПСС. Сб. док. (1965—1973 гг.). М., 1973, с. 230.

А. Т. Павлов

Исследования в СССР философского наследия Н. Г. Чернышевского

Тема, данная в заголовке, очень широкая и осветить ее в одном сообщении невозможно. Поэтому остановлюсь на некоторых методологических вопросах, которые пришлось решать советским историкам философии, чтобы дать адекватную оценку философии Н. Г. Чернышевского и места ее в развитии русской философской мысли. Сюда относится в первую очередь вопрос о специфике идеологии революционного крестьянства, а также вопрос об обусловленности философских воззрений Чернышевского характером социальных противоречий России, с одной стороны, и уровнем развития передовой русской и мировой философской мысли, с другой.

Ныне стало азбучной истиной положение о том, что идеологией русского революционного крестьянства в середине XIX в. явилась идеология революционного демократизма, не совпадающая ни с идеологией восходящей буржуазии, для которой характерна просветительская точка зрения, ни с идеологией мелкой буржуазии, для которой характерны черты анархизма, авантюризма, ультрареволюционности, а в философии — эклектизма и субъективизма.

Но эта истина явилась результатом освоения ленинской методологии историко-философского исследования, ленинских оценок развития русской общественной мысли XIX в. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что идеология революционного демократизма отличается от идеологии буржуазной тем, что в ней слиты в единое, неразрывное, неразъединимое целое демократизм и социализм. Социализм характерен для идеологии революционного демократизма потому, что история уже поставила на очередь вопрос об освобождении от буржуазии, хотя объективно отношения, выраставшие из феодализма, носили буржуазный характер. Отсюда присущий революционным демократам утопизм, хотя не утопизм был главной их чертой, а революционная убежденность, горячая ненависть к эксплуатации и любым формам угнетения человека человеком. Вера в то, что только революция способна решить стоящие перед страной вопросы в интересах трудящихся масс — вот

главная отличительная черта революционного демократизма[1].

Ленинская постановка вопроса об идеологии революционного крестьянства позволяла более точно оценить философские взгляды Чернышевского и других революционеров 60-х г. XIX в., чем простое сопоставление их воззрений с идеологией буржуазного просвещения во Франции или Германии. Между тем, в работах первых лет Советской власти и почти до конца 30-х гг. преобладало мнение, что философские воззрения Чернышевского — это воззрения, характерные для идеологии просветителей, а отсюда и приписывание ему всех тех недостатков, которые свойственны философии буржуазного просвещения.

Социалистические идеи русских революционеров XIX в. тоже рассматривались не как отражение крестьянских настроений, а как следствие антибуржуазных настроений русской прогрессивной интеллигенции, как результат заимствования западноевропейских идей. Б. Горев писал, например, что «социализм русской интеллигенции от 30-х и 40-х годов до партии эсеров представляет из себя идеологическую оболочку демократических стремлений этой интеллигенции, ее жажды свободного развития «человеческой», т. е. по существу, интеллигентской «личности». Чернышевский, продолжает он, «восприняв в теории важнейшие элементы фурьеризма, в области тактики определенно сочувствовал Бланки»[2]. При таком решении проблемы происхождения и сущности социалистических идей в России и не могла быть до конца разоблаченной несостоятельность веховской трактовки революционно-демократической идеологии как идеологии сугубо интеллигентской, не имеющей связи с «почвой» и являющейся результатом слепого усвоения «последних европейских течений»[3]. Уже ленинская работа «О «Вехах» подчеркивала, что идеология революционных демократив никак не могла быть выражением «интеллигентского настроения», а отражала настроения крестьянских масс[4].

К оценке философии Чернышевского подходили зачастую с абстрактно-теоретических позиций, усугубляя неточности в оценке его идейных позиций, имевшиеся у Г. В. Плеханова. В. И. Ленин отмечал в свое время, что Г. В. Плеханов «впол-

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 280; т. 21, с. 403; т. 20, с. 175 и др.

[2] Под знаменем марксизма, 1923, № 6-7, с. 121, 122.

[3] См.: Вехи. М., 1909, с. 2.

[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 169-170.

не оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»[5], но при этом «из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа»[6].

Плехановская трактовка философских взглядов Чернышевского, как взглядов, характерных для буржуазного просветителя, продолжала довольно долго существовать в советской историко-философской литературе. Такая характеристика философии Чернышевского мешала по достоинству оценить его диалектику и его попытки выйти за пределы идеалистического понимания истории. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин назвал Чернышевского великим русским гегельянцем и материалистом[7] не случайно, а для того, чтобы подчеркнуть диалектический характер его материализма. Но ленинские замечания на книгу Г. В. Плеханова, ленинские мысли об идеологии революционного демократизма как отражении интересов революционного крестьянства не сразу были поняты и взяты на вооружение историками философии.

Так, например, Л. И. Аксельрод-Ортодокс еще в 1929 г. в статье «Эстетика Чернышевского» утверждала, что у Чернышевского «гегелева философия получает свою оценку с точки зрения чисто просветительской» и что гегелевская «диалектика не была усвоена Чернышевским»[8]. Но если подходить с таких позиций к философии Чернышевского и приписывать ему все недостатки, свойственные буржуазному просветительству XVIII—XIX вв., то правильно оценить его диалектику невозможно. И не случайно Л. И. Аксельрод-Ортодокс оценивает диалектику Чернышевского как чисто методологический прием познания, как рассмотрение противоположных точек зрения. «По Чернышевскому, — пишет она, — диалектическое познание предмета есть всего лишь «познание противоположных о нем мнений»[9].

Даже Ю. М. Стеклов, который в противоположность Г. В. Плеханову чрезмерно сближал взгляды Чернышевского со взглядами основоположников марксизма, тоже не преодолел традиции рассматривать Чернышевского как просветите-

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 259.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 560.
[7] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381.
[8] Вестник Комакадемии, 1929, № 34, с. 106, 108.
[9] Там же, с. 107.

ля, как ученика Фейербаха и французских материалистов XVIII в.[10].

При этом следует учесть, что просветительской идеологии приписывались в те годы такие черты, как *«рассудочность, недиалектичность, отвлеченность мышления,* совершенно неприкрытый *идеализм в вопросах общественных и истории* и, как результат всего этого, *утопизм* в политических своих идеалах и представлениях»[11]. С подобных методологических позиций оценить по достоинству взгляды Чернышевского было нельзя.

Правда, уже в 20-е гг. наблюдаются первые верные подходы к оценке философии Чернышевского, опирающиеся на ленинские высказывания. Так, А. М. Деборин в юбилейной статье «Философские взгляды Н. Г. Чернышевского» называет его «прекрасным знатоком Гегеля» и отмечает, что «критика Чернышевским гегелевской системы в основном совпадает с критикой Маркса и Энгельса»[12]. С. З. Каценбоген в статье «Философские воззрения Н. Г. Чернышевского» также отмечает, что Чернышевский «высоко ценил Гегеля» и именно за его диалектическую концепцию развития[13]. В. Я. Кирпотин тоже подчеркивал в философии Чернышевского черты, которые выделяли ее из метафизических в целом философских концепций французских просветителей XVIII в. Чернышевский, писал В. Я. Кирпотин, хотя «и не стал последовательным и целостным диалектиком, но отдельные элементы гегелевской диалектики при исследовании отдельных конкретных вопросов он умел применять мастерски»[14]. Надо сказать, что и Ю. М. Стеклов не раз подчеркивал, что Чернышевский «во многом пошел гораздо дальше своих учителей»[15]. Но недостатком всех этих более или менее верных замечаний было то, что они не опирались на анализ идеологии Чернышевского как идеологии революционного демократизма. Классовая природа его взглядов как идеолога революционного крестьянства не была до конца раскрыта и проанализирована.

Раскрыть подлинную оригинальность философии Чернышевского, ее отличие от философии французских просвети-

---

[10] См.: Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 2-е изд. М.— Л., 1928, т. 1, с. 80, 137, 164.

[11] Под знаменем марксизма. 1923, № 6-7, с. 63.

[12] Летопись марксизма. М.— Л., 1928, № 7-8, с. 10.

[13] См.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, с. 146.

[14] Кирпотин В. Я. Чернышевский и марксизм. Л., 1929, с. 46.

[15] Красная новь, 1928, № 8, с. 8.

телей, от философии Фейербаха можно было только опираясь на ленинские методологические идеи, на его оценку расстановки классовых сил в России второй половины XIX в. Ленинский анализ социальных противоречий России показал специфичность революционного процесса в России, раскрыл роль крестьянства в этом процессе и значение идеологии крестьянства как идеологии глубоко демократической и революционной, так как она отражала интересы трудящегося класса, революционного по своему положению в обществе.

В конце 30-х гг. в связи с 50-летием со дня смерти Чернышевского был опубликован целый ряд работ, дающих в целом верную оценку его философских взлядов, его диалектики и материализма[16]. Эти работы опирались на ленинские высказывания и показывали диалектический характер материализма Чернышевского, преодоление им созерцательности, самостоятельность и оригинальность его решений проблем познания и диалектики социального развития. Но не всегда последовательно проводился взгляд на идеологию революционного демократизма как на новую форму философского материализма и потому многие верные характеристики взглядов Чернышевского не были достаточно подкреплены методологически. Да и в смысле полноты привлечения источников эти работы не были безупречны: из полного собрания сочинений Чернышевского вышли только первый и одиннадцатый тома, издание было прервано войной, и поэтому фундаментальное исследование философии Чернышевского было затруднено.

В середине 40-х г. появляются работы, в которых дается общая характеристика философии революционных демократов как особого этапа в развитии философского материализма, как философии, не совпадающей по своему содержанию с философией буржуазного просвещения и идущей гораздо дальше по пути соединения материализма с диалектикой[17]. Здесь прежде всего можно назвать исследования В. Е. Евграфова,

---

[16] См.: Асмус В. Ф. Н. Г. Чернышевский как диалектик. — Под знаменем марксизма, 1939, № 5; Григорьян М. М. Н. Г. Чернышевский.— Большевик, 1939, № 20; Иовчук М. Т. Великий революционный демократ и патриот русского народа.— Сов. наука, 1939, № 11; Каценбоген С. З. Н. Г. Чернышевский как философ. — Учен. зап. Свердл. пед. ин-та, 1939, вып. 2. История, философия, лингвистика; Иовчук М. Т., Евграфов В. Е. Великий демократ и патриот русского народа. Киев, 1940; и др.

[17] См.: Кружков В., Федосеев П. Основные черты русской классической философии XIX века.— Большевик, 1943, № 6; Иовчук М. Классики русской философии XIX века.— Большевик, 1944, № 12; и др.

М. А. Наумовой, М. М. Розенталя и других советских ученых, в которых философские воззрения Чернышевского оцениваются как высший этап в развитии домарксистского материализма, как новый шаг в философском освоении диалектики социального развития и познания. Несмотря на чрезмерное порой сближение философских воззрений Чернышевского с диалектическим материализмом Маркса и Энгельса, работы 40—50-х гг. отметили то новое, что отличало философию Чернышевского от всех иных домарксистских материалистических учений, показали, что диалектические идеи не механически соединялись с материализмом, а пронизывали все мировоззрение великого русского революционера-демократа, были неразрывно связаны с его антибуржуазными, социалистическими, революционными убеждениями.

Изучение философии Чернышевского, получившей освещение в многочисленных работах 40—50-х гг. и в ряде исследований 70-х гг.[18], продолжает выдвигать все новые проблемы. Сюда можно отнести проблему о переходном характере философии революционных демократов и проблему антропологизма. Характеризуя воззрения Герцена, В. И. Ленин писал, что у него скептицизм был формой перехода от буржуазного демократизма к демократизму пролетарскому[19]. Думается, что эта характеристика взглядов Герцена, как переходных, может быть распространена и на философию революционных демократов, в которой столь тесно сплетены диалектика и материализм, намечены, особенно у Чернышевского, подходы к пониманию предметного характера истинно человеческой деятельности и решения других философских проблем, вплотную подводившие к философии пролетариата — диалектическому материализму. С этих позиций требует уточнения и проблема антропологизма: является ли философия Чернышевского антропологической, или же этот термин — лишь неадекватная форма выражения принципиально нового по своему существу философского материализма, носящего переходный характер от материализма созерцательного к диалектическому?

Эти и многие другие вопросы выдвигает перед историками философии марксистско-ленинская философская наука, для

---

[18] См.: Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль в XIX в. М., 1973; Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973; Евграфов В. Е. Чернышевский и Гегель. — В кн. Гегель и философия в России. М., 1974; и др.

[19] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

которой философское наследие никогда не становится мертвым капиталом, а постоянно включается в жизнь, в развивающуюся систему философских знаний, призванных дать цельную картину мира и истории его познания.

Я. Ф. Аскин

Н. Г. Чернышевский и проблемы философского детерминизма

В наследии Н. Г. Чернышевского, энциклопедически разнообразном, в его богатой по содержанию системе взглядов существенное, поистине ключевое место занимала философия, которая обеспечивала целостный характер его воззрений. Как философ Чернышевский был убежденный материалист. Вполне естественно в его концепции много внимания уделяется проблемам философского детерминизма, относящимся к числу фундаментальных и необходимых составных частей знаний, которые образуют одну из основ преобразующей деятельности. Эти проблемы получили в трудах Чернышевского многостороннее развитие. Детерминизм не сводится только к признанию какого-либо одного вида обусловливающих связей, в частности причинно-следственных связей (хотя существенно включает в себя идею причинности), а является философским учением о многосторонней зависимости вещей и событий от тех факторов, которыми они определены, обусловлены в своем существовании и изменении, которые ответственны за характеризующие их признаки.

Обобщенное понимание детерминизма отчетливо выступило в свете результатов современного научного познания, выявившего многообразие форм (способов) и видов детерминации, в свете практической деятельности, в частности деятельности управления, опирающейся на комплексный, системный подход. Подобное понимание имеет истоки в богатой философской традиции, восходящей к классикам философской мысли различных эпох и народов. Среди тех, кто внес свой вклад в

раскрытие богатства и многообразия идеи детерминации, находится Чернышевский.

Детерминизм предполагает утверждение идеи взаимообусловленности всего сущего и теснейшим образом соотносится с принципом единства мира, выступая в известном смысле одним из аспектов этого принципа. Фундаментальным, основополагающим для того контекста, в котором рассматриваются Чернышевским проблемы философского детерминизма, является то, что, стоя на позициях цельного философского материализма, русский мыслитель последовательно проводит через все свои работы принцип единства мира. Принцип единства неизменно занимает одно из первых мест среди многообразия философских принципов, лежащих в фундаменте познавательной деятельности и образующих базис построения системы научного знания, мировоззренческие основы картины мира. Рассмотрение множества вещей, образующих природу, социальный и духовный миры человечества, в некоем единстве присуще длинной череде мыслителей, сменявших друг друга на протяжении столетий. Вместе с тем, само содержание такого подхода отнюдь не остается неизменным. Чернышевскому присуще глубокое материалистическое понимание принципа единства мира.

Чернышевский видел единство мира, обусловленное единой материальной субстанцией и стоял тем самым на позициях монизма. Он видел взаимосвязь вещей и явлений — важный аспект принципа единства. При этом, углубляя понимание единства мира, Чернышевский выявлял механизм, лежащий в основе его, видел динамичный фундамент единства вещей — их взаимообусловленность. «Весь мир составляет одно целое, — писал он, — ...все части вселенной связаны между собой так, что изменение одной влечет за собой некоторое изменение во всех» (*2,* 165).

Существенно, что принцип единства Чернышевский обращает и на единство научного знания — единство наук о природе и наук об обществе, наук о человеке. Проблема человека стоит в центре всей философской концепции русского мыслителя, что образует силу этой концепции, обеспечивает ее цельность. Отмечая, что единство законов природы является эффективной основой истолкования явлений окружающей действительности (*7,* 249), он прилагает этот подход и к человеку. Идею единства человеческого организма Чернышевский рассматривает в качестве принципа философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами. Его взгляд

на человека как на целостное существо, стремление «не разрезывать человеческую жизнь на разные половины» (7, 293), при известной антропологической узости подхода, имел важное значение для рассмотрения человека как звена в необходимой цепи общего процесса развития материи. Характерно, что среди своих предшественников в подходе к человеку Чернышевский называет Б. Спинозу, в философии которого был глубоко выражен материалистический монизм.

Принцип единства мира в мировоззрении Чернышевского раскрывался в своих методологических функциях, обращенных к решению как социальных проблем, так и вопросов естественно-научного познания. Следует подчеркнуть, что будучи человеком гуманитарного образования, великий русский мыслитель был тесно связан с достижениями естественных наук, много писал по вопросам биологии, физики, математики и других наук. Показательно здесь, в частности, содержание писем, которые Чернышевский писал из ссылки своим детям Александру и Михаилу, воспитывая их наследниками своего мировоззрения. Как справедливо отмечает американский историк русской философии Джеймс П. Скэнлен, эти письма 1876—1878 гг. являются утверждением материалистического монизма и дают такой анализ сил и законов природы, который ближе к позднейшим достижениям философии науки, чем анализ любого из современников Чернышевского[1].

В качестве одного из аспектов философского единства мира детерминизм в своем материалистическом понимании выражает идею активности материи — единой субстанции, раскрывает действенное начало самой природы. Эта идея, связанная с коренными, исходными противоречиями между материализмом и идеализмом, который наделяет детерминирующей, обусловливающей, творческой силой духовное и только духовное, нашла у Чернышевского яркое выражение. Он последовательно стоял на позициях признания внутренней активности материи, признания деятельного характера сил природы, ее «действования», «взаимодействия», находящего выражение в законах природы.

Излагая свое философское кредо в письме сыновьям, русский мыслитель выделяет действенный, детерминирующий, оказывающий влияние характер материи: «Изложу в нескольких словах мои общие понятия о природе. То, что существует,

[1] Scanlan J. P. Nickolas Chernyshevsky and Philosophical Materialism in Russia.— Journal of the History of Philosophy. Berkely, 1970, vol. 8, n. 1, p. 85-86.

называется материей. Взаимодействие частей материи называется проявлением качеств этих разных частей материи. А самый факт существования этих качеств мы выражаем словами «материя имеет силу действовать» — или, точнее, «оказывать влияние». Когда мы определяем способ действия качеств, мы говорим, что мы находим «законы природы» (*14*, 667).

Важную роль в разработке общефилософской концепции детерминизма, ее методологического аспекта играет борьба Чернышевского против феноменологизма, против стремления исключить из научного познания обращение к анализу сущности, выявление того, что́ детерминирует вещи и события. «Если важно сообщить и исследовать факты, — писал философ-материалист, — то не менее важно и стараться проникнуть в смысл их» (*2*, 6). Это положение прямо противоречит установкам позитивизма, который, начиная с О. Конта, настаивал на том, что для положительного знания противопоказано заниматься анализом сущностей и причин, что следует ограничиваться лишь фактами, характеризующими внешний ход событий. Причинный, сущностный подход Конт относил исключительно к особенностям теологического и метафизического методов, а характерным для научного (положительного) метода он считал признание того, что вопросы о внутренней природе и происхождении вещей являются «недоступными для человеческого разума»[2]. Для Конта, как и для других позитивистов — современников Чернышевского, было характерно не только отвергание сущности во имя явлений, но и другая ложная альтернатива: отвергание теоретических методов во имя методов экспериментальных.

Известна критика ограниченности философии Конта Чернышевским, борьба которого против позитивизма получила высокую оценку В. И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Поэтому явно несостоятельны — и по духу и по букве — утверждения некоторых западных историков русской философии, в частности В. В. Зеньковского, о некоей мнимой преемственности между философией Чернышевского и контизмом. Чернышевский критиковал методологические установки Конта, показывал несостоятельность контовской концепции развития познания. «Теологич. периода науки никогда не бывало, — замечал он, — метафизика в том смысле, как понимает ее Огюст Конт, тоже вещь никогда не существовавшая» (*14*, 651).

[2] Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1900, т. 1, с. 6.

Чисто феноменологическое понимание научного знания излагал и идеалист П. Д. Юркевич в получившей широкую известность полемике с Чернышевским. В этой полемике речь шла о коренной противоположности двух направлений в философии, о «взаимных отношениях разных философских направлений» (7, 162), как писал Чернышевский, — идеалистического и того, в которое входил Чернышевский, видя своих философских единомышленников в Демокрите, Бэконе, Локке, Фейербахе, Белинском, Герцене и других мыслителях. Полемика с Юркевичем затрагивала кардинальные вопросы противоречий материализма и идеализма. Чернышевский писал о ней: «Тут все дело состоит в методологических, психологических, метафизических тонкостях» (7, 758). И весьма существенно, что одним из вопросов этой полемики был вопрос о способности наук проникать в сущность вещей.

Юркевич в статье, направленной против «Антропологического принципа в философии», упрекая Чернышевского, настаивал на чисто феноменологическом понимании частных наук, естествознания. Он писал: «Если философии противопоставляются точные науки, то под этими последними разумеются в таком случае науки опытные, следовательно, занимающиеся явлениями и не касающиеся вопроса о метафизической сущности вещей» (7, 731).

Как последовательный, материалистический, монистический детерминист Чернышевский убедительно опровергал подобную позицию. Исходя из глубокого понимания смысла научного познания, он показывал, что познание всегда идет от явлений к раскрытию тех сущностных факторов, которые их порождают, их детерминируют.

В рамках широкого философского контекста, включающего принцип единства и взаимосвязи, идею активности как имманентного свойства материи, теория детерминизма выступает у Чернышевского в качестве фундаментального мировоззренческого и методологического принципа. Этот принцип имеет всеобщую применимость, «все на свете происходит по причинной связи» (7, 47).

Такая позиция нашла свое яркое проявление в подходе Чернышевского к решению психофизической проблемы. Материалистический монизм распространяется не только на природу, но и на общество с его духовной жизнью. Духовное в качестве атрибута материальной субстанции включено в единство мира на материалистической основе. Психическое как порождение и отражение материи вписано в единую картину

мира, не теряя своей специфики, отличающей его как субъективную реальность от объективной. При этом можно говорить о двух органически взаимосвязанных рядах обусловленности психики, о своеобразной двойной его детерминации: обусловленности психики социальным бытием, практически-деятельностным миром человека и обусловленности ее физиологически-материальным субстратом — мозгом, нервной системой, что и образует содержание проблемы, традиционно называемой психофизической.

Обосновывая материалистическое решение психофизической проблемы, Чернышевский последовательно опирается на принцип детерминизма, «закон причинности», на каузальное объяснение генезиса психических явлений как следствий явлений материальных. Существенно подчеркнуть, что соотношения причины и следствия русский философ-материалист понимал как творческий процесс, связанный с появлением качественно нового, то есть понимал диалектически.

Весьма показательна попытка Юркевича в его выступлении против «Антропологического принципа в философии» апеллировать к чисто механистическому пониманию причинности. Невозможность происхождения сознания из материи профессор духовной академии пытался обосновать тем, что в действии (следствии) не может быть того, чего нет в причине, и, стало быть, материальное не может перейти в духовное, породить что-либо, кроме материального.

В противовес этому симбиозу идеализма и механистическо-метафизического детерминизма позиция Чернышевского — это позиция творческого материалистическо-монистического детерминизма. Принцип детерминизма включен здесь в концепцию развития. В полемике с идеалистами о генезисе сознания спор шел о переходе к новому качеству, о том, что «количественное различие переходит в новое качество» (*7*, 242), на чем настаивал Чернышевский и что отвергали Юркевич и его сторонники М. Н. Катков из «Русского вестника» и С. С. Дудышкин из «Отечественных записок» (*7*, 761).

Будучи включена в концепцию развития, идея строгой причинной обусловленности сочетается с признанием такого перехода количественных изменений в качественные, который обусловливает (и объясняет, если брать теоретическую сторону дела) появление нового в процессе развития материи и, в частности, генезис духовного. Подход Чернышевского имеет важное значение и в наши дни, когда углубление в механизмы материального субстрата психики продолжает оставаться

актуальным. Сложность расшифровки положения о мозге как органе сознания связана с выявлением «мелких» качественных особенностей материальных основ психики на таком уровне, где роль играет не только физиология, но и химизм нейронов. Важные исследования в этом плане ведутся в научных школах выдающихся советских физиологов П. К. Анохина, И. С. Бериташвили, их учениками и последователями.

Общефилософские воззрения Чернышевского органически соединены с его социологической концепцией, они развивались в тесном единстве с его революционно-демократическими идеями. Нельзя, понятно, игнорировать известую ограниченность понимания Чернышевским общественной жизни, движущих сил социального прогресса, узость антропологического материализма в решении проблемы человека. При этом следует отметить, что Чернышевский уделял внимание специфике общественной сферы деятельности, что отличает его, скажем, от О. Конта, который говорил о социологии как о «социальной физике».

Социальная детерминация выделяется Чернышевским как особая форма детерминации. Яркий пример понимания Чернышевским специфики детерминации дает критика великим русским мыслителем расовой теории, являющейся крайним выражением биологизаторства в понимании общества. С социальным детерминизмом связана и деятельность Чернышевского как экономиста, его подход к исследованию «экономического быта» как материальной стороны жизни людей, к уяснению того, что «разница... в умственной жизни» произведена различием «по материальному положению» (7, 430).

Существенный элемент социального детерминизма Чернышевского составляет учение о необходимости в истории общества, о закономерности исторического процесса. Как ход событий истории, так и поведение индивида, черты его личности Чернышевский объяснял, опираясь на принцип детерминизма. Исходя из строго причинного подхода, он отверг идеалистическую абсолютизацию свободы воли. Вопросу о свободе воли русский философ справедливо придавал большое значение. Он отмечал, что среди «самых общих вопросов науки, обыкновенно называемых метафизическими», теорию решения которых и составляет философия, находится вопрос о свободе воли (7, 239). При этом он решал традиционную и не потерявшую и сейчас значения для теории детерминизма проблему соотношения свободы воли и детерминации последовательно материалистически: «То явление, которое мы называем во-

лею, само является звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинною связью» (7, 261).

Социальный детерминизм Чернышевского не перерастает в крайности «нецесситаризма», абсолютизации прямолинейной необходимости, в фатализм. Он включает в себя диалектику необходимости и свободы. Сочетание детерминизма и свободы (свободы воли) в одном учении было ранее и остается ныне умонепостигаемым для метафизическо-механистического миропонимания. Чернышевский видел это сочетание, что нашло блестящее выражение в его этическом учении, в котором достойное место отведено творческому началу личности, ее инициативе, ее ответственности.

А. В. Луначарский в связи с обсуждением теории разумного эгоизма Чернышевского, справедливо полагая, что «генетическая точка зрения» [3], то есть ограничение подхода к общественным явлениям лишь с точки зрения их причинного объяснения, явно недостаточна, писал: «Не может быть никаких сомнений в том, что если бы мы спросили Чернышевского, полагает ли он, что человеку присуща абсолютно свободная воля, которая внезапно может породить тот или иной поступок, или же, наоборот, человек является продуктом своей социальной среды, то Чернышевский вполне присоединился бы ко второму взгляду. Он очень далеко шел в своем материалистическом детерминизме. Дело, однако, совсем не в этом. Для Чернышевского важно было *создать новую мораль,* которая *сама была бы детерминирующей силой»* [4].

Весьма примечательно, что американский исследователь русского философа Уильям Ф. Верлин отмечает, что Чернышевский рассматривал «функционирование человеческого организма в терминах материалистического монизма». Однако при этом Верлин утверждает, что Чернышевский не разработал целостной теории детерминизма, так как, подчеркивая фактор влияния окружения на действия человека, он учитывал роль сознания, и его призыв к социальным изменениям всегда означал призыв к изменениям в умах людей [5]. Совершенно очевидно, что американский историк исходит из механистической «жесткой» модели детерминизма, исключающей какую бы то ни было апелляцию к роли сознания. Но Чернышевский — ма-

---

[3] Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1964—1967, т. 1, с. 269.

[4] Там же, с. 270.

[5] Woehrlin W. F. Chernyshevskii. The Man and the Journalist. Cambridge (Mass.), 1971, p. 131.

териалист и диалектик, учитывающий творческие возможности и активность человеческой личности, — был несомненно ближе к подлинно целостной теории детерминизма, которая не сводится к схеме «жесткой» обусловленности поведения человека внешними факторами, схеме, которая находит свое воплощение, в частности, в современной концепции «физикалистского» бихевиоризма американского психолога Б. Ф. Скиннера.

Существенное значение Чернышевский придает целевой детерминации, детерминации будущим. Учитывая обусловленность поведения и всей деятельности человека прошлым, социальной средой, его окружающей, Чернышевский не ограничивает факторы детерминации только прошлым и настоящим. Само настоящее он рассматривает в развитии, в революционной изменчивости, видит будущее как то, что коренится в возможностях наличного бытия. Диалектика выступает для Чернышевского именно как «алгебра революции». В абстрактных формулах диалектики он видел живое революционное начало.

Люди будущего, осознающие социалистические цели и с этих позиций рассматривающие сам смысл сегодняшней действительности в ее потенциях, динамике, — такими выступают «новые люди», — герои романа «Что делать?», персонифицирующие философские идеи автора. Мысль и действие Чернышевского постоянно были направлены в будущее, готовили светлое социалистическое будущее России. Это во многом определило то место, которое нашла целевая детерминация в работах великого русского материалиста и диалектика.

Философский детерминизм предстает в наследии Чернышевского как богатое, получившее дальнейшее развитие учение, раскрывающее многообразие видов и форм детерминации, составляющее органическое целое с концепцией единства и развития природы и человека. Идея детерминизма осуществляла важную «системообразующую» функцию в воззрениях великого русского философа, ученого, художника, революционера.

Р. Д. Клочковская, Т. К. Никольская

Н. Г. Чернышевский о развитии и систематизации знаний

Особенности современной науки выдвигают проблему развития и организации знаний как одну из ключевых проблем логики научного исследования. В философском наследии Н. Г. Чернышевского мы находим ряд интересных высказываний о сущности познания и характере человеческого знания (содержания, этапах формирования и формах выражения знания), которые оказываются в русле современных проблем гносеологии.

Проблему развития и систематизации знаний в философском наследии Чернышевского следует рассматривать в системе его взглядов в целом. Будучи материалистом, последователем Фейербаха, Чернышевский в отличие от него высоко оценивает диалектику Гегеля, раскрытие им наиболее общих форм, в которых протекает процесс развития. «Сущность его (диалектического метода. — *Р. К., Т. Н.*), — писал Чернышевский, — состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд» (*3*, 207). Такой метод исследования приводит к необходимости исторического подхода к вещам и всестороннего обозрения предмета, в результате чего формируется действительное понятие о всех качествах, присущих предмету.

Чернышевский твердо верит в принципиальную познаваемость мира, в прогресс человеческих знаний. Отстаивая принцип объективности содержания знания, он подчеркивает, что мир не может быть подчинен тому порядку, который нравится нам или соответствует нашим понятиям, часто односторонним. Природа — на первом плане, формы познания — это результат ее отображения в сознании человека, они отражают реальные, действительные явления и соответствуют им. Действительность богаче всех тех знаний о ней, которые у нас имеются. Этим и объясняется тот факт, что «всегда оставалась и теперь бесспорно остается в человеческих знаниях ускользнувшая от внимания исследователей примесь недостоверного и

ошибочного»[1]. Природа, материальный объект является источником приращения и обогащения знаний, содержит в себе потенциальную возможность прогресса знаний.

Тот факт, что имеется еще много непознанных явлений, не говорит в пользу их принципиальной непознаваемости. Безусловно, познавательные возможности каждого человека и эпохи в целом исторически ограничены. Эту зависимость знаний от природы самого человека и условий эпохи Чернышевский рассматривает как относительность человеческого знания. Последняя не противоречит реальности наших знаний. На языке же субъективных идеалистов (иллюзионистов, как называет их Чернышевский) относительность знания используется как предлог для отрицания реальности знаний, для объявления их иллюзией, вымыслом. Но проблемы, остающиеся в научном объяснении природных явлений, не дают основания для подобных выводов. «Дело в том, что характер результатов, доставляемых анализом объясненных наукою частей и явлений, уже достаточно свидетельствует о характере элементов, сил и законов, действующих в остальных частях и явлениях, которые еще не вполне объяснены» (196). В основе единства известного и неизвестного знания лежит, по Чернышевскому, единство законов природы.

«Расширение знаний, — пишет Чернышевский, — сопровождается видоизменением некоторых из прежнего запаса их» (550). Тем самым материалист и диалектик Чернышевский выдвигает в теории познания важную научную проблему — проблему взаимосвязи развития и организации, систематизации знаний, которая весьма плодотворно разрабатывается в философской науке наших дней.

Задаваясь вопросом, «какие черты знаний видоизменяются от расширения знаний?», Чернышевский формулирует положение о единстве изменчивости и устойчивости в знании. «Существенный характер фактических знаний остается неизменным, каково бы ни было расширение их», — пишет он в «Характере человеческого знания». «Перестала ли вода быть водою от того, что мы узнали ее происхождение, о котором прежде не знали совершенно ничего? Вода и теперь все та же самая вода, какою была до этого открытия» (550—551). Новые знания видоизменили истину (правду) лишь тем, что дали ей определенность, которой она не имела ранее. Следовательно,

---

[1] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 552 (далее по всей статье страницы этого издания будут названы в самом тексте).

расширение знаний «может дать нам лишь более точные определения того же самого, что и теперь мы знаем с довольно большою точностью» (551). Таким образом, говоря о развитии знаний, Чернышевский рассуждает диалектически, предполагая прогресс знания, критерием которого является более глубокое и полное отражение предмета.

Он приходит к идее различия уровней знания — фактического (менее полного) и теоретического (более полного), возникающего по принципу всесторонности и непротиворечивости. «Мы имеем знание неисчислимого множества предметов — прямое, непосредственное знание их; оно дается нам нашею реальною жизнью. Не все наше знание таково. У нас есть сведения, добытые нами посредством наших соображений... Это знание не непосредственное, не прямое, а косвенное; не фактическое, а мысленное» (541). Речь идет, как мы видим, о различии чувственных и логических форм отражения действительности.

В работе «Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории» Чернышевский также говорит о знаниях прямых, фактических, и знаниях производных, когда характеризует наши знания об умственных и нравственных качествах народов прошлых времен (например, о храбрости греков) как знания вторичные, выводные, вытекающие из наших знаний о крупных фактах их истории, о формах быта.

В связи с развитием научного знания Чернышевский говорит о системности знания; он выдвигает принцип единства знания, конкретизируя его идеей единства естественных и гуманитарных (нравственных) наук. С точки зрения современной науки системность знания является бесспорным фактом. Теоретическое знание от простого нагромождения абстракций отличают по крайней мере три признака: наличие логических связей между абстракциями; тождество предмета исследования (то есть отношение всей совокупности абстракций, составляющих какую-либо научную систему, к одному и тому же объекту исследования); целостность знания и иерархичность его структуры. Эти критерии предполагаются и в понимании системности знания Чернышевским. Причем проблему системности знания он логически связывает с проблемой его единства.

В работе «Антропологический принцип в философии» Чернышевский пишет: «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма... Философия видит в нем то, что видят медицина,

физиология, химия... Все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре» (185). Человек как часть природы выступает у Чернышевского объективным критерием единства знания, целостности философского уровня обобщений, упорядоченности абстракций.

Исходя из идеи единства человеческой натуры как основания синтеза и возникновения систем наук, Чернышевский углубляет вопрос об источнике развития знания и принципах (законах) его организации. «При единстве натуры, — пишет Чернышевский, — мы замечает в человеке два различных ряда явлений: явления так называемого материального порядка... и явления так называемого нравственного порядка», «соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей» (187), — замечает Чернышевский.

Единство многообразия качеств должно отразиться в единстве наук, в частности естественных и гуманитарных. Факты и законы, открываемые этими науками, одинаково достоверны, они (науки) различаются лишь по степени совершенства. Нравственные (гуманитарные) науки начали развиваться истинно научным способом позже естественных. «Естественные науки уже развились настолько, что дают много материалов для точного решения нравственных вопросов» (208). В частности, Чернышевский много внимания уделяет роли математики, которая помогает своим «бедным родственникам» — другим естественным наукам (физике, химии, наукам о растительных и животных организмах) — «выбиться в люди». Этот союз наук под управлением математики увеличивается за счет новых пришельцев, в том числе и нравственных наук.

Чернышевский вслед за Герценом развивает мысль о единстве философии и естествознания. Не зная научной философии, натуралисты философствуют вкривь и вкось, попадая при этом под влияние идеалистов типа Канта. Идеи Чернышевского о единстве естественных и нравственных (гуманитарных) наук, о взаимосвязи философии и естествознания приобрели весьма актуальное звучание в современной науке с ее тенденцией к теоретическому синтезу и интеграции знаний. Правда, следует оговориться, что эти важные идеи о связи наук, их единстве, определяемом объективным источником, Чернышевский проводит через антропологический принцип. Однако сами идеи являются плодотворными, так как ведут к диалектико-материалистическому решению вопроса об объективных основаниях системности знания — единстве материального мира; об организующем принципе — единстве разнокачественности

(единство противоположностей) и о соответствии систем знаний отражаемой реальности.

Рост научной информации как вглубь, так и вширь, сопровождается не только преодолением внутренних противоречий между новым и старым уровнями знания, но и преобразованием ее в наиболее оптимальные формы. Эта тенденция развития знания получила в нашей литературе название систематизации знаний. Систематизацию знаний мы понимаем как сложный логический процесс обобщения и упорядочения знаний на основе организующего признака, ведущего к созданию новых систем знаний или обогащению старых. Чернышевским понятие систематизации знаний непосредственно не дано. Однако у него высказан ряд идей, важных для понимания сущности систематизации знаний как логического процесса. В частности, согласно Чернышевскому, понятие систематизации знаний мы можем употреблять в широком смысле — как процесс обобщения приращенных знаний в ходе их объективного развития, и в узком смысле — как упорядочение, классификация новых знаний.

История любой науки или отдельных ее областей представляет собой процесс развития и одновременно обобщения, синтезирования знаний, взаимодействия двух уровней знания — неупорядоченного и упорядоченного. В этом можно убедиться на истории открытия любого закона в конкретных науках. Чернышевский в «Предисловии и заметках к книге «Энергия в природе» Карпентера» пишет: «Естествознание собирает одинаковые факты в одну группу и говорит, что эти факты одинаковы, а всякий факт — действие, то, что действует в одинаковых фактах, одинаково. Это одинаковое, действующее в одинаковых фактах, — какое название дать ему?» (527). Опираясь на примеры из области физики, Чернышевский показывает, что таким путем обобщения эмпирических данных и выявления их общего признака (действия) были сформулированы понятия «сила», затем «энергия». Так создаются научные понятия, формулируются законы природы и общества («одинаковость действий одной и той же силы» (528). Понятия, законы, теории — это формы упорядочения, систематизации знаний, проходящей через различной степени неупорядоченность знаний. В процессе систематизации развивающегося знания происходит обобщение фактов и различных систем знаний, как эмпирических, так и теоретических.

Чернышевский отмечает и другую тенденцию в систематизации знаний — их дифференциацию и классификацию. Эти

операции совершаются с готовыми знаниями. В письмах к своим сыновьям он пишет, что «рассматривая какой-либо предмет, мы распределяем наше знание о нем» на классы, на «различные подразделения по различным разрядам наших соображений» (722). Идея упорядоченности знаний фигурирует у Чернышевского как по отношению к качествам вещей, так и по отношению к наукам как системам знания. При этом он отмечает, что необходимо руководствоваться критериями, правилами организации знания, дабы получить истинные знания. Один из таких критериев — материалистический тезис о первичности вещей и вторичности наших знаний о них, а следовательно, о проверяемости знаний соотнесением их с объектом познания. «Вопрос лишь в том, умеем ли мы или сумеем ли подвести два разряда наших знаний о веществе под одну точку зрения... разные качества вещества, это — все одно и то же неизменное вещество, рассматриваемое с разных точек зрения» (722). Другой критерий, необходимый для получения истинной системы знаний, — логический («правила осторожности, какие нужны в частности для нее» (551). Рассмотренные выше вопросы не позволяют согласиться с утверждением, что «диалектика как логика, как теория познания остается за пределами его (Чернышевского. — *Р. К., Т. Н.*) теоретических интересов [2].

Итак, не касаясь других положений, имеющихся в гносеологическом и логическом наследии Чернышевского по проблеме развития и систематизации знаний, сформулируем основные его идеи по рассмотренным вопросам, которые в силу своей плодотворности позволили великому мыслителю далеко шагнуть в будущее науки. В работах Чернышевского мы находим зачатки целостной концепции знания, включающей в себя научный анализ трех взаимодействующих факторов: развития, единства и систематизации знаний. Развитие он видит в преодолении противоречия между новым и старым уровнями знания. Единство знания — в объективном его источнике, в преемственности знания, в сочетании устойчивости и изменчивости, абсолютности и относительности знания. Систематизация знаний как упорядочение потока информации в силу систематизирующей функции мышления приводит к образованию различных систем знаний. Упорядоченные системы знаний имеют в качестве объясняющих их истинность критериев объективные основания, заложенные в самом объекте познания, общественных потребностях действующего человека, логических правилах.

[2] Философская энциклопедия. М., 1960—1970, т. 5, с. 480.

М. А. Свердлин, Е. А. Родионова

Единство методологических принципов Н. Г. Чернышевского и И. М. Сеченова во взглядах на человека

В современной философии проблема человека занимает одно из центральных мест. При ее решении нужно использовать и традиции прошлого. Ибо обращение к истории позволяет выявить ведущие тенденции, что дает возможность лучше понять не только прошлое, но и настоящее.

В отечественной науке о человеке важным рубежом является возникновение во второй половине XIX в. материалистической психологии на основе рефлекторной теории И. М. Сеченова. Ее методологические основы тесно связаны с философией русских революционеров-демократов, главным образом Чернышевского. Разработанный Чернышевским антропологический принцип в философии и рефлекторный принцип в психо-физиологии утверждали материалистический взгляд на человека и на его место в мире. В этом плане представляет интерес взаимное влияние друг на друга Сеченова и Чернышевского.

В литературе наметились две крайние тенденции в оценке их взаимовлияний и взаимодействий. Одна из них связана с приравниванием научной и революционной деятельности двух великих мыслителей. Другая — с категорическим исключением всякого причастия Сеченова к деятельности революционеров-демократов. Очевидно, чтобы адекватно решить данную проблему, нужно учитывать ряд обстоятельств в их единстве.

Наука о человеке в России развивалась в условиях обострения социально-классовых противоречий. Философское учение революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского было тесно связано с общественно-политическими вопросами. В тот период официальные позиции науки о человеке принадлежали идеалистической психологии. Однако в середине XIX в. передовые ученые разрабатывают новое мировоззрение, основанное на строго научных данных. Эта тенденция выходит за рамки психологической науки. Она связана с именами таких ученых, как К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, Д. И. Менделеев и др.

В разрушении религиозно-идеалистических принципов науки о человеке большую роль сыграли Сеченов и Чернышевский.

Решение этих вопросов находим в одном из основных философских произведений Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Эта работа была написана и опубликована в разгар научной и политической борьбы в России, в 1860 г. В ней Чернышевский развил материалистический взгляд на человека. Объясняя содержание антропологического принципа, он писал: «Принцип этот состоит в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру...» (7, 293). Вслед за Фейербахом Чернышевский утверждал принцип материалистического монизма на природу человека, опираясь прежде всего на доводы естествознания: «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма: наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека...» (7, 240).

Критики Чернышевского отрицали возможность изучения души естественно-научными средствами. Они утверждали, что физиология может объяснить только чисто органические процессы. П. Д. Юркевич, профессор Киевской духовной академии, и его сторонники пытались доказать, что физиология и психология никогда не найдут общего языка. Но именно в этот период молодой ученый И. М. Сеченов представил в качестве диссертации на степень доктора медицинских наук «Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения». Диссертация начиналась с «Тез», основные идеи которых совпадали со взглядом Чернышевского и впоследствии привели Сеченова к «Рефлексам головного мозга». Принципу рефлекса, в котором Сеченов видел ключ к объяснению механизмов психической деятельности, он придавал такое же важное значение, как и молекулярному принципу: «Все движения, носящие в физиологии название произвольных, суть в строгом смысле рефлективные»[1]. В «Тезах» также утверждалось, что применительно к работе головного мозга принцип рефлекса приобретает новую характеристику, не свойственную обычным рефлексам спинного мозга.

Антропологический принцип Чернышевского, то есть принцип материального единства человека, в методологическом

---

[1] Сеченов И. М. Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения. Спб., 1860, с. 1.

плане подводил к новой рефлекторной концепции. Эта новая рефлекторная концепция и была создана И. М. Сеченовым. В своей работе «Рефлексы головного мозга», которая вышла в том же году, что и роман Чернышевского «Что делать?» (царская цензура сразу поставила в связь содержание «Рефлексов» с романом «Что делать?»), Сеченов подчеркивал, что он ставит целью дать причинное объяснение человеческого поведения. Он писал, что все психические акты развиваются путем рефлекса. Наука до Сеченова была бессильна в объяснении сложных актов человеческого поведения. Понятие рефлекса употреблялось для объяснения простейших, так называемых непроизвольных движений. «Сеченов же, трактуя всякий рефлекс как акт, состоящий из чувствования и движения, преодолевает обособление психического... от телесного у самых истоков жизнедеятельности»[2]. Он пытается утвердить детерминизм в объяснении высших форм поведения человека, связанный с нравственной регуляцией его поступков. Поэтому книга имела большое не только научно-философское, но и общественно-политическое значение.

Н. Ф. Уткина в работе «Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина 19 века)» выдвинула предположение о причастности Сеченова к позитивизму[3]. По нашему мнению, это предположение не имеет серьезных оснований. Эволюция научных взглядов Сеченова не была простой. Биографические данные показывают, что его духовный облик формировался, с одной стороны, под влиянием естественно-научного учения об органической природе, с другой, — под воздействием идеалистической психологии. Однако влияние идеалистических идей не повлекло за собой значительных последствий. В своей программной работе «Кому и как разрабатывать психологию?» Сеченов писал, что психология приобретает характер положительной науки только при соотношении ее с физиологией, она одна держит ключ к истинно научному анализу психических явлений.

Позитивизм оперирует понятиями «положительный», «позитивный», но смысл, который вкладывал Сеченов в эти слова, не имел ничего общего с позитивистским подходом к изучению психики. Ибо для Сеченова приобщение психологии к «позитивной науке» означало прежде всего стремление утвердить

---

[2] Ярошевский М. Г. Иван Михайлович Сеченов. Л., 1968, с. 99.

[3] См.: Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М., 1975.

объективные методы исследования психики и отказаться от интроспекции.

Взгляды психологов-позитивистов не отличались последовательностью. Стремясь к объективным методам исследования в психологии, они не исключали определяющего значения субъективных методов (интроспекции). В частности, методологические позиции Спенсера, на которого часто ссылался Сеченов, носили эклектический характер в связи с выделением двух психологий — объективной и субъективной — при определяющем значении последней. Спенсер биологизировал психику и на этом основании делал вывод об умственном превосходстве европейцев над колониальными народами. Все эти реакционные положения Сеченов непосредственно не критиковал, но рассматривал их с противоположных методологических позиций.

Сеченов, вступив на путь материалистического монизма и детерминизма во взглядах на психику, последовательно проводил их во всех основных направлениях работы, хотя у Сеченова, как у многих домарксистских мыслителей, интерпретация собственных взглядов и действительное, объективное их значение и содержание не всегда совпадали. К. Маркс писал: «...Необходимо... различать то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что дает только в собственном представлении» [4]. Вся научная и общественная деятельность Сеченова характеризует его как материалиста и ученого-демократа. Он выступал за народное просвещение, эмансипацию женщин, критиковал расизм и т. д. И здесь его взгляды совпадали с идеями революционеров-демократов, в особенности Чернышевского.

В основном правильно подходил Сеченов и к вопросу о свободе воли. Подобно Чернышевскому, он рассматривал эту проблему с материалистических и детерминистических позиций. Поступки подлинно волевой личности, и по Чернышевскому, и по Сеченову, регулируются высшими этическими ценностями. Этот вывод о подчиненности воли строжайшей причинной необходимости имел большой идейный смысл: дело борьбы за преобразование социального строя Родины требовало людей, высокие моральные принципы которых так же незыблемы, как законы природы. Чернышевский раскрыл эту проблему через философские принципы и образы литературных героев (особенно Рахметова), Сеченов — как ученый-ес-

---

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 287.

тественник — с физиологических и психологических позиций.

Принципы материалистического монизма и детерминизма во взглядах на человека, развивавшиеся в научной мысли России прежде всего Чернышевским и Сеченовым, имели большой методологический смысл. Они позволяли рассматривать человека не только в системе «физиологическое и психическое», но и подводили к социально-экономическим отношениям. Тем самым был сделан шаг вперед по сравнению с антропологическим, абстрактным материализмом Фейербаха. «Злобность, агрессивность или доброта человека зависят от «обстоятельств, отношений (учреждений)», — писал Чернышевский (7, 264). В работе «Экономическая деятельность и законодательство» он утверждает также, что «с развитием просвещения и здравого взгляда на жизнь будут постепенно ослабевать до нуля разные слабости и пороки, рожденные искажением нашей натуры и страшно убыточные для общества; ...тогда, конечно, возникнут для общественной жизни совершенно новые условия... Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности»[5].

Для утверждения новых взглядов на человека требовалось большое мужество. «Оно нужно было, чтобы отважиться, при ограниченном запасе опытно-физиологических фактов, пойти на разрушение всех привычных представлений о душевной деятельности. Но еще в большей степени оно нужно было, чтобы на протяжении десятков лет твердо отстаивать свои убеждения в обстановке преследования, полицейского надзора, клеветы, открытых угроз и дискриминации»[6].

Оценивая вклад Чернышевского и Сеченова в изучении человека, целесообразно вспомнить мысль В. И. Ленина о том, что об исторических деятелях судят не по тому, что они не дали по сравнению с современным уровнем, а по тому, что дали нового по сравнению с предшественниками. До Сеченова и Чернышевского в отечественной науке о человеке господствовал идеализм и метафизические абстрактные рассуждения о душе. Поэтому В. И. Ленин высоко оценивал революционную и научную деятельность Чернышевского и Сеченова. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» он писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить

[5] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв. М., 1948, т. 2, с. 169—171.

[6] Ярошевский М. Г. Указ. соч., с. 376.

жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»[7]. Вполне вероятно также, что, критикуя Михайловского, Ленин дает также оценку и Сеченову, его заслугам в науке о человеке: «...Пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori общие теории, всегда оставшиеся бесплодными... прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы»[8].

В. И. Ленин, характеризуя экономистов, неоднократно употреблял выражение о перегибании палки: «Все мы знаем теперь, что «экономисты» согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал», — писал он[9]. Опираясь на эти мысли, можно придти к таким выводам: безусловно, акцент на физиологическом в то время, когда господствовал идеализм, защищавший обособленную, замкнутую внутри себя природу психики, а также примат духа над материей, был шагом вперед. И поэтому чтобы сломать старую традицию и создать новое монистическое учение, нужно было несколько «перегнуть палку», делая чрезмерный уклон в физиологию. Но для сегодняшнего этапа развития науки о человеке такой перегиб неправомерен. Советский психолог Б. М. Теплов указывал: «Не может состоять задача истории психологии в том, чтобы отыскивать у отдельных прогрессивных деятелей прошлого высказывания, которые звучат совершенно приемлемо и в наше время, или в том, чтобы представлять таких выдающихся ученых в XIX веке, как, например, И. М. Сеченов, в качестве некоего маяка или идеала, приблизиться к которому и составляет задачу современной материалистической науки...»[10].

Ныне марксистская философия утвердила социально-исторический подход к психике человека, к которому лишь приблизились великие мыслители прошлого века — Сеченов, Чернышевский и другие. Отечественная современная наука о человеке, опираясь на основные принципы, разработанные марксистско-ленинской философией, акцентирует внимание на социальном факторе. Она рассматривает психику человека как

---

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141-142.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 272.

[10] Теплов Б. М. О культуре научного исследования. — Вопр. психологии, 1957, № 2, с. 173—174.

специфическую форму его опосредованного взаимодействия с окружающим миром, своеобразие которого и заключается главным образом в социальной деятельности человека.

Ныне гуманистические идеи Сеченова и Чернышевского распространились далеко за пределы России. Прогрессивная общественность объективно оценивает труды великих русских ученых. Однако некоторые современные зарубежные буржуазные теоретики, а также русские буржуазные эмигрантские авторы пытаются фальсифицировать воззрения русских ученых-материалистов. Так, белоэмигрант и антикоммунист Н. Бердяев пишет, что материализм Чернышевского «был вульгарным и окрашен в цвет популярных естественно-научных книжек (! — *М. С., Е. Р.*) того времени» [11]. В. В. Зеньковский называет Чернышевского представителем не только вульгарного материализма, но и позитивизма: «...Его позититивизм — беря это в существе — стоит вне сомнения», — пишет он [12].

Некоторые западные интерпретаторы обвиняют Чернышевского также в нигилизме и, более того, провозглашают его проповедником утилитаризма [13]. Но Чернышевский, говоря об этико-психологических сторонах так называемого «разумного эгоизма», отстаивает сам всей своей жизнью и жизнью его единомышленников высшие принципы человека. В октябре 1862 г. он написал жене из Петропавловской крепости: «...Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь». (*14*, 456).

---

[11] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 44.

[12] Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948, т. 1, с. 332.

[13] См.: Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Л., 1972.

Р. Ш. Манадеева

Н. Г. Чернышевский и борьба И. И. Мечникова против идеализма

Сложившиеся в России материалистические традиции В. И. Ленин связывал прежде всего с именем Н. Г. Чернышевского, одной из сильных сторон творчества которого является отстаивание в борьбе с позитивизмом идеи союза философии и естествознания. Выступая против сциентизма, попыток свести философию к рациональному методу, выхолостить ее мировоззренческую сущность, засушить формализмом ее содержание, Чернышевский уделял большое внимание естественным наукам и именно в аспекте разработки научного мировоззрения. Эта тенденция ярко проявляется в трудах и выдающихся естествоиспытателей (К. А. Тимирязева, И. И. Мечникова и др.).

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые вполне обоснованно утверждают, что лучшие представители передового русского естествознания в России XIX, XX в. — Сеченов, Мечников, Тимирязев, братья Ковалевские, Павлов и другие — были продолжателями материалистических традиций Чернышевского, поборниками материализма, противниками идеализма и агностицизма[1]. Такую точку зрения проводят в своих работах и философы (например, Д. Ф. Острянин), занимающиеся исследованием творчества И. И. Мечникова. Однако этот вопрос требует определенной конкретизации и дальнейшей разработки, что диктуется и условиями борьбы с многочисленными попытками современных буржуазных идеологов извратить историю философской мысли России, отвергнуть солидные материалистические традиции, идущие прежде всего от Чернышевского, умалить его влияние на русских естествоиспытателей. Изучение научного наследства И. И. Мечникова, основателя научной сравнительной патологии и иммунологии, эволюционной эмбриологии и русской школы микробиологии, позволяет представить идейную связь двух выдающихся мыслителей и влияние Н. Г. Чернышевского на И. И. Мечникова, также стремившегося решить проблему человеческого бытия,

[1] См.: напр.: Иовчук М. Т. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского. М., 1954.

ученого, посвятившего свою жизнь борьбе с опасными инфекциями, за здоровье людей.

К. А. Тимирязев назвал И. И. Мечникова «представителем поколения 60-х годов», чем отметил верность русского естествоиспытателя идеям той замечательной эпохи, которая благодаря Н. Г. Чернышевскому, Д. И. Писареву, Н. А. Добролюбову отличалась подъемом духовной жизни, высокими гуманистическими помыслами, увлеченностью естественными науками. В последних, как пишет И. И. Мечников, молодежь видела предпосылку для того, чтобы «решать проблему человеческого бытия»[2]. В таких условиях формировалось мировоззрение И. И. Мечникова. Через брата Л. И. Мечникова, гарибальдийца, известного ученого-географа И. И. Мечников был знаком с А. И. Герценом, посещал его кружок в Женеве, восхищался величием его мысли, остроумием. Он в юности испытал влияние и Ножина, общался с Бакуниным, анархические высказывания которого вызвали у него негативное отношение к революционному пути борьбы за счастье народа и укрепили веру в науку как в определяющий фактор для достижения этой цели.

Особую роль в жизни Мечникова сыграла книга Чернышевского «Что делать?». В своих воспоминаниях о Сеченове ученый пишет о ее влиянии на молодежь 60-х гг. и на него лично. Замечая, что у читателей романа сложилось мнение, будто в одном из героев — Кирсанове — изображен И. М. Сеченов, Мечников продолжает: «После этого Сеченов был сразу признан «новым» человеком, первообразом, которому нужно было следовать во всем»[3]. У Мечникова появилось сильное желание познакомиться и подружиться с Сеченовым. Мечта молодого биолога осуществилась в 1865 г. С этого времени он постоянно признавал его «учителем». Влияние Сеченова на Мечникова было так сильно, что эмбриолог стал увлекаться физиологией. «Рефлексы головного мозга» он считал «в высшей степени талантливым сочинением»[4]. В этой книге развиваются идеи, изложенные в работе Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Многие из них превращаются в убеждения Мечникова. Это идеи о целостности человеческого организма, единстве физического и психического, о зависимости психического от физического, а также о роли естествознания в превращении учения о нравственности в науку, о разумном эгоизме и т. п. Так, Чернышевский пишет,

[2] Мечников И. И. Акад. собр. соч. М., 1953—1964, т. 14, с. 11.
[3] Там же, с. 16.
[4] Там же.

что расчетливы только добрые поступки[5]. Мечников строит на таком положении целую теорию разумного эгоизма, теорию ортобиоза. При этом он делает попытку внести новый элемент в распространенный антропологический взгляд на мораль. В одной из юношеских записных книжек Мечникова читаем: «Нравственность вовсе не есть функция нашего организма, но она может (и должна) сделаться функцией будущего (то есть гармонического. — *Р. М.*) организма человека...»[6].

Следует отметить, что при сходстве в ряде моментов антропологизм Мечникова существенно отличается от антропологических взглядов Чернышевского. В социологических концепциях Мечникова мало общего с социальными идеями, вырастающими у Чернышевского на почве антропологического материализма, на что правильно указывают некоторые авторы (Н. Ф. Уткина и др.). Но у Мечникова под влиянием Чернышевского, Сеченова и других мыслителей появляются догадки о важности социальных условий для совершенствования физической природы человека и его морали. Так, например, он пишет, что «недостаточно знать строение и функции человеческой машины: надо еще иметь точные сведения об общественной жизни человека»[7].

Явно прослеживается связь естественно-исторического материализма Мечникова с философским материализмом Чернышевского. Материалистические традиции Мечников передавал своим ученикам. В духе этих традиций он воспитывал естествоиспытателей многих стран, выступая на многочисленных международных съездах и конгрессах, пропагандируя и развивая дарвинизм, отстаивая в сложной борьбе учение о фагоцитозе, материалистическую теорию воспаления и иммунитета. Мечников вооружал естествоиспытателей знанием методов борьбы с идеализмом и мистицизмом, прививал им непримиримое отношение к натурфилософским спекуляциям, мешающим прогрессу науки, а следовательно, как был убежден Мечников, и достижению людьми счастья. Всему, что противодействовало совершенствованию научного знания, способствовало сохранению невежества и суеверий, объявлялась Мечниковым настоящая война, война во имя здорового, счастливого, гармонически развитого человека.

Можно говорить об антропоцентризме мировоззрения И. И.

---

[5] См.: Чернышевский Н. Г. Изобр. филос. соч., т. 3, с. 249.
[6] Архив АН СССР. Фонд 548, оп. 1, д. 266, л. 62.
[7] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 12, с. 258.

Мечникова. Прав А. Е. Гайсинович, утверждая, что «в сущности все свои воззрения Мечников подчинил задаче познания природы человека и поискам улучшения его жизни»[8]. Не лишено глубокого методологического значения для самого Мечникова записанное им в одной из его записных книжек юношеского периода положение: «Начало и конец науки есть познание человека»[9]. Все исследования Мечникова — от эмбриологических до микробиологических и геронтологических — пронизаны одной идеей: служить человеку. Все они имеют широкую мировоззренческую направленность: сформировать научный взгляд на мир. В каждой области знания, в которой трудился Мечников, на основе экспериментальных исследований под материалистический взгляд подводился естественно-научный фундамент: в эмбриологии совместно с А. О. Ковалевским им была доказана несостоятельность так называемой «теории типов» Кювье, создана научная генеология животного мира; исследования в области паразитологии, в первую очередь, помогли ему раскрыть антинаучность теории (созданной Негели, Аскенази, Майвартом, Вейсманом и др.) об изначальном стремлении всех организмов к прогрессу и сформировать учение о путях адаптивной эволюции органического мира, которое не потеряло ценности и в наши дни. Проводя в медицине дарвиновский принцип естественного отбора, Мечников выбивал опору из-под ног виталистов и механицистов в вопросах о норме и патологии.

Работа над проблемами здоровья и болезней человека подводила Мечникова к психофизической проблеме. Уже в «Лекциях сравнительной патологии воспаления» (1891) проявляется критика автором идеалистической концепции психофизического параллелизма. Развивая идеи Чернышевского и Сеченова о единстве физического и психического в человеке, борясь с идеалистами-психологами, Мечников обращает внимание на предпосылки формирования психического отражения и его эволюцию. Он пишет: «...Витализм и одухотворение... должны быть поставлены в упрек... моим противникам, утверждающим, что психические акты высших животных представляют нечто совершенно отличное от простейших явлений, свойственных низшим организмам»[10]. Раскрывая связь местного и общего в фагоцитозе, ученый подчеркивает зависимость психического

[8] Журнал общей биологии, 1970, № 4, с. 496.
[9] Архив АН СССР. Фонд 584, оп. 1, д. 4, л. 37 (1867).
[10] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 5, с. 211-212.

от физиологических процессов, совершающихся в нервных клетках: «К нервным клеткам, управляющим сокращением и расширением сосудов, присоединяются клетки, производящие мысль и волевые акты» [11].

В работах Мечникова конца XIX — начале XX вв. психофизическая проблема рассматривается и в связи с вопросом о жизни и смерти человека, его активном долголетии, а также в связи с критикой «новых» идеалистических философских концепций о бессмертии души, о «мировом течении», о господстве «вечного духа» над телом и т. п. В «Этюдах о природе человека» (1903) и «Этюдах оптимизма» (1907) целые главы посвящаются доказательству несостоятельности подобных взглядов. Критикуя идеалистов, Мечников справедливо не видит существенной разницы между религией и объективным идеализмом. Он подчеркивает: «Философские системы тесно связаны с религиозными учениями» [12], в них «боги заменялись «субстанцией» или «субстанциями»... при этом философы напрягают все силы, изучая основы человеческого знания для того, чтобы найти начала, чтобы доказать действительность главных религиозных догматов» [13]. Мечников критикует Канта, Гегеля, Фихте, ошибочно причисляя к лагерю идеалистов и Спинозу, а также «метафизические посылки философии» Шопенгауэра, его мистические идеи о «вечности некоторого общего» [14]. Здесь же пишет об идеализме Г. Спенсера, о допущении им общего начала, «которое должно поглотить индивидуальное сознание» в виде «воли», «силы» или «вечной силы» [15]. Он полемизирует с земским врачом К. К. Толстым, выступившим против учения Мечникова об ортобиозе с идеалистического характера статьей «Корни беспросветного пессимизма» (1909). В ней признается, как пишет Мечников, «высший разум», «вечное участие материальных и психических элементов его натуры во вселенской жизни» [16]. Автор «Этюдов оптимизма» находит в этих высказываниях отголоски тех идеалистических систем, которые возникают в большом количестве в конце XIX — начале XX в. (интуитивизма Бергсона, космизма Эйкена, прагматизма Джемса, а также концепции Метерлинка и др.). Критику этих

---

[11] Там же. с. 213.
[12] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 11, с. 147.
[13] Там же, с. 153.
[14] Там же, с. 157.
[15] Там же, с. 165.
[16] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 12, с. 23.

систем он дает в книге «Сорок лет искания рационального мировоззрения» (1913).

Возникающие в период империализма реакционные философские системы Мечников воспринимает как возрождение спекулятивной натурфилософии после периода господства науки и «положительной философии». Он пишет: «Даже в гораздо положительной Франции в последнее время все громче раздаются голоса против положительной философии»; «...в России это противодействие («научному мировоззрению». — *Р. М.*) выражается в стремлении к мистицизму», в «богоискательстве», «надежде найти спасение в метафизике»[17]. Наибольшую опасность из всех новых концепций, и особенно для молодежи, как замечает Мечников, представляет бергсонизм, так как он воспринимается многими как оригинальная новая философия, призванная решить проблемы жизни и смерти. Поэтому ученый относительно подробно анализирует его и дает научно обоснованную критику.

В борьбе с бергсонизмом Мечников опирается на последние достижения психологии и физиологии высшей нервной деятельности, на учение И. М. Сеченова и И. П. Павлова, а также на опыт полемики Сеченова с Кавелиным, которая проходила при живейшем участии в ней Мечникова. В 1871—1876 гг. Сеченов жил и работал вместе с Мечниковым в Одессе, где и писал свои статьи, направленные против позитивиста Кавелина. Мечников замечает: «В Одессе он написал почти все свои психологические работы и в том числе свои полемические статьи против Кавелина. В конце вечера он часто звал меня к себе или заходил ко мне, чтобы прочитать написанное...»[18]. Мечников поддерживал Сеченова и помогал ему советами. Его взгляды он разделял по всем мировоззренческим и научным проблемам, широко обсуждаемым друзьями при встречах. В «Воспоминаниях о И. М. Сеченове» (1915) читаем: «Вполне солидарные по всем вопросам общественным и нравственным, неудивительно, что наши отношения дошли до большой интимности. Нам не оказывалось надобности скрываться друг перед другом»[19].

В работах Мечникова, направленных против иррационализма Бергсона, наиболее ярко выступают те мировоззренческие установки, которые сформировались у него под влиянием

---

[17] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 13, с. 9.
[18] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 14, с. 68.
[19] Там же, с. 70,

интеллектуальной атмосферы 60-х гг. В них проявляется непримиримость русского естествоиспытателя ко всем попыткам очистить место вере за счет вытеснения разума. Новые попытки протащить идеализм в науку были связаны с неразработанностью проблемы интуиции. Бергсон дает идеалистическое ее решение. Опираясь на работы Сеченова и Павлова, Мечников критикует его концепцию и подчеркивает: «Зависимость интуиции от материи не подлежит сомнению»[20]. Он пишет, что ее нельзя рассматривать как нечто сверхъестественное, что она как разновидность психической деятельности мозга участвует в познании наряду с логическим мышлением и не представляет некоего «сверхвидения». «Интуиция, составляющая исходную точку опоры новой философии, — замечает Мечников, — есть тот самый процесс, который иногда испытывают ученые во время своей творческой деятельности... Большею частью открытия делаются вследствие логического обдумывания интересующего вопроса, идя шаг за шагом за ходом мысли... Но гораздо реже случается, что ум внезапно осеняется новой мыслью, лишь отдаленно связанной с предыдущими рассуждениями. Это является признаком гениальности и наблюдается в виде исключения» (31).

Обосновывая положение о детерминированности интуиции, Мечников анализирует механизм интуитивного познания и раскрывает связь неосознанного и осознанного психического отражения человека. Мечников приводит примеры интуитивного познания и заключает: «В этих примерах созидательная работа мысли совершалась бессознательно, чтобы потом вдруг, под влиянием какого-нибудь возбуждения, всплыть наружу и сделаться осознанной» (32). Интуиция не является сверхвидением, «интуиция дает верные результаты лишь в той области, в которой данное лицо имеет специальное призвание» (32). На многих примерах Мечников вполне убедительно доказывает возможность интуитивного угадывания сущности только при наличии у ученого глубоких знаний и практического опыта. Даже выдающиеся ученые (Мечников называет имена Пуанкаре, Оствальда, Дарвина и Пастера), несмотря, как он пишет, на «несомненную их гениальность», совершали ошибки в других областях знания. «Пастер, интуиция которого повела к величайшим открытиям, ошибался иногда и в своей специальной области» (32). Так обосновывается Мечниковым положе-

---

[20] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 13 (далее страницы этого тома указываются в тексте).

ние о связи интуиции с сознанием и с деятельностью мозга. Здесь же проводится мысль о необходимости проверки интуитивных мыслей на практике или логическим путем. «Пуанкаре, — замечает Мечников, — должен был проверить его вдохновенные мысли математической логикой, прежде чем признать их правильность» (32). Высоко ставится Мечниковым логическое мышление, провозглашается единство человеческой природы, доказывается несостоятельность попыток оторвать душу от тела, психическое от физического.

Выступая против бергсоновского раздвоения единой человеческой природы, Мечников разбирает положение Бергсона, что «сознание... подвешено к мозгу (подобно тому, как платье может быть подвешено к крючку)». «...Отсюда, — пишет он, — еще не следует, чтобы мозг мог воспроизвести все подробности сознания и чтобы сознание было отправлением мозга» (15). Это положение подобно установке Авенариуса, которого критикует В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Такое мнение было широко распространено в идеалистической философии, оно проникало в естествознание и там создавались концепции, подобные психофизическому параллелизму. Неразработанность проблем гносеологии, трудности в исследовании психических явлений в условиях механистического и метафизического мышления многих естествоиспытателей вели к идеалистическому пониманию психических явлений. Мечников пишет, что Бергсон не может согласиться с представлением «психологов-позитивистов» (то есть с механицистами), согласно взглядам которых, впечатления органов чувств запечатляются в мозгу подобно тому, как звуки отпечатываются в кружках фонографа. По Бергсону «в воспоминании участвует нечто совершенно отличное от простого механического отпечатка» (15). Мечников говорит о вредности и механицизма (для познания психических явлений), и идеализма. Возражая Бергсону, он утверждает, что «все рассуждения, несмотря на кажущуюся глубину и тонкость, не могут ни малейшим образом поколебать того основного и с давних пор хорошо известного факта, что сознание нарушается вместе с нарушением мозговой деятельности и прекращается с прекращением ее» (16).

В работах, посвященных проблеме активного долголетия, Мечников обращает внимание на зависимость интеллекта от возраста человека, от старения мозга и предлагает «найти способы сохранить интеллект по возможности неприкосновенным»[21]. В теории ортобиоза им предлагается метод предохра-

[21] Мечников И. И. Акад. собр. соч., т. 15, с. 341.

нения мозга от склеротических явлений (ликвидация возможности самоотравления организма), а также подчеркивается необходимость постоянной творчески-мыслительной деятельности мозга как условия сохранения умственных способностей в старости.

Все исследования Мечникова служат обоснованию материалистического принципа первичности материи и вторичности сознания. Приходится восхищаться смелостью естествоиспытателя, который поднимал самые сложные проблемы, такие, как проблемы интуиции, смерти, смысла жизни, смело выступал против поднимающей голову реакции. Мечников является достойным преемником тех материалистических традиций, которые в России в первую очередь связаны с именем Н. Г. Чернышевского.

Н. А. Горбачев

Проблемы атеизма в философском наследии Н. Г. Чернышевского

Атеизм Н. Г. Чернышевского, как и всех русских революционеров-демократов, — это не вопрос прошлой истории, а один из важнейших участков идеологической борьбы в современных условиях между марксистской и буржуазно-клерикальной историографией. Как известно, ныне за рубежом издается огромное количество литературы по истории русской философии. Основная задача этой литературы состоит в извращении прошлого русской культуры, в частности в стремлении превратить всех русских революционных демократов в «религиозных мыслителей»[1]. Однако даже в новейших научных трудах по истории философии в России дается недостаточный отпор нашим идейным противникам[2].

Кроме того, следует сказать, что до сих пор мы имеем слишком мало работ, посвященных атеизму русских мыслите-

[1] См.: Против современных фальсификаторов истории русской философии. М., 1960.

[2] См.: История философии в СССР. М., 1968, т. 3.

лей, причем больше всего в этом отношении «не повезло» именно Чернышевскому, об атеизме которого было опубликовано за прошедшие полувека две-три небольших статьи, да и то в сборниках, ставших библиографической редкостью [3]. Между тем, вопрос об атеизме Чернышевского является одним из важнейших. Без учета его атеистических взглядов нельзя правильно понять и ряд основных моментов его политической биографии, в частности причины ареста, заточения в Петропавловскую крепость и т. д. Так, в период, непосредственно предшествовавший аресту революционного демократа, реакционный митрополит Филарет неоднократно обращался к министру внутренних дел с призывом оградить церковь «от потока неверия», идущего со страниц журнала «Современник», прекратить «разрушительное влияние противорелигиозных и противоправительственных» идей и охранить «дух религии». Иначе говоря, борьба Чернышевского против религии, несомненно, была одной из непосредственных причин его ареста со всеми дальнейшими последствиями, ибо в обстановке, когда церковь являлась составной частью государственного аппарата, любое выступление против нее одновременно означало и политическое преступление.

Процесс формирования атеистических убеждений будущего мыслителя и революционера не был простым и гладким. Находясь в сибирской ссылке, он сам признавал, что в молодости находился под влиянием религиозной идеологии, был хорошо осведомлен в основных вопросах вероучения и что это обстоятельство впоследствии позволило ему дать более квалифицированную критику поповщины.

Николай Гаврилович вырос в семье священника, учился в духовной семинарии и, по намерениям родителей, должен был поступить в духовную академию. Между тем перспектива священнослужителя не могла, конечно, удовлетворить талантливого юношу, и он стал студентом Петербургского университета. Здесь даже на втором курсе обучения Николай Гаврилович еще считал себя «решительным христианином», однако именно в это время под влиянием произведений Белинского, Герцена и Фейербаха, а также все более обостряющихся социальных противоречий в мировоззрении юноши очень скоро наметился крутой поворот. В своем дневнике он уже записывал, что «теоретически я, скорее, склонен не верить» (в бога.—

[3] См., в частности: Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.— Л., 1958, т. 2.

Н. Г.), а спустя некоторое время убеждал извозчика в необходимости покончить с крепостничеством «силой», ибо, мол, «добром нельзя дождаться». В последующих записях Чернышевский называет себя «социалистом и революционером», окончательно придя к выводу, что трудящихся угнетает «не бог, а люди» и т. д. Так, суровая правда жизни неумолимо вела его от веры к неверию. В конце концов, он полностью порывает со своим религиозным прошлым и становится убежденным воинствующим атеистом.

После окончания Петербургского университета Николай Гаврилович снова в Саратове. Преподавание в гимназии учебного материала молодой учитель сочетает уже с пропагандой антикрепостнических и антирелигиозных идей. Он пишет в своем дневнике, что в классе говорит такие вещи, «от которых пахнет каторгою». Резко отрицательное отношение педагога к религии вскоре стало известно церковному начальству, доносившему выше, что новый учитель проводит явно безбожные идеи, поставив целью своей жизни — разрушать, по меньшей мере, устои православной церкви. Позднее священнослужители называли Чернышевского не иначе как «главой атеистической школы». По их словам, он давал «дерзкую критику богословских доказательств бытия божия».

Русский революционный демократ боролся с религией не только, или, вернее, не столько потому, что она представляет собой антинаучное мировоззрение, сколько потому, что она выполняла реакционную социальную функцию в качестве средства духовного закабаления угнетенных масс трудящихся. Николай Гаврилович считал религию «прислужницей владык мира», «слугою существующего порядка, придержащих властей», ставящей целью «подавлять всякую мысль о борьбе против несправедливостей и притеснений» (*4*, 629).

Поскольку в то время открытое выступление против религии и церкви каралось законом, то нам вполне понятно, почему Чернышевский в своих печатных трудах слово «религия», как правило, заменял выражением «фантастическое мировоззрение», а критиковал либо католицизм, либо ислам, не упоминая православия. Но тем более важно обратить внимание на подлинное гражданское мужество этого человека, что будучи заточенным в одиночную камеру тюрьмы он пишет свой знаменитый роман «Что делать»?, в котором упорно продолжает выступать против религии. Интересен в этом отношении один из моментов романа, где в завуалированной форме идет речь о великом немецком мыслителе Людвиге Фейербахе, упо-

минание имени которого было запрещено царской цензурой [4]:

«Михаил Иваныч медленно прочел: «О религии, сочинение Людвига» — Людовика Четырнадцатого, Марья Алексеевна, сочинение Людовика Четырнадцатого; это был, Марья Алексеевна, французский король, отец тому королю, на место которого нынешний Наполеон сел.

— Значит о божественном?

— О божественном, Марья Алексеевна.

— Это хорошо, Михаил Иваныч; то-то я и знаю, что Дмитрий Сергеевич солидный молодой человек, а все-таки глаз да глаз нужен за всяким человеком!

— Конечно, у него не то на уме, Марья Алексеевна, а я все-таки очень вам благодарен, Марья Алексеевна, за ваше наблюдение» [5].

В третьей главе романа автор иронизирует над Рахметовым, который, дескать, «с усердным наслаждением принялся читать книгу («Замечания о пророчествах Даниила и Апокалипсиса св. Иоанна». — *Н. Г.*), которую в последние сто лет едва ли кто читал, кроме корректоров ее: читать ее для кого бы то ни было, кроме Рахметова, то же самое, что есть песок или опилки. Но ему было вкусно» [6].

Теоретический основой атеизма революционного демократа были философский материализм и диалектика. Исходя из новейших достижений современного ему естествознания, Чернышевский обосновывал идею материального единства мира, его вечность во времени и бесконечность в пространстве. Принцип развития был сознательно положен им в основу научного атеизма и направлялся против религиозных предрассудков о «неизменности» всего существующего в природе и обществе. С другой стороны, Николай Гаврилович подвергал резкой критике философский идеализм как теоретический фундамент религии, разоблачал идеалистов, говоря, что все они «с уважением» относятся к религии. Например, в адрес И. Канта он писал, что немецкий философ-идеалист отрицает объективное содержание научных понятий «для того, чтобы отстоять свободу воли, бессмертие души, существование бога...» (*15*, 198). В рецензии на книгу О. Новицкого он дал решительный

[4] В. И. Ленин в связи с этим писал, что «в 1888 году в предисловии к предполагавшемуся третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» Н. Г. Чернышевский попытался прямо указать на Фейербаха, но цензура и в 1888 году не пропустила даже простой ссылки на Фейербаха!» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381).

[5] Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1960, с. 82.

[6] Там же, с. 260.

отпор попыткам отождествить философию с религией или даже поставить последнюю «выше философии». Если это так, писал он в адрес названного идеолога православия, то «ему следовало бы бросить науку, перестать воображать себя философом и сделаться преподавателем религиозного учения» (*8*, 143).

Чернышевский обосновывал коренную противоположность научного и религиозного мировоззрений, их абсолютную непримиримость, говорил о «беспредельности расстояния» между истинами научными и «истинами сверхъестественными». Он в числе первых в России выступал против гипотезы «тепловой смерти» Вселенной, используемой идеологами церкви в качестве «научного» подтверждения библейского мифа о сотворении и неизбежной гибели мира. Русский мыслитель разоблачал идеалистов и теологов, которые пытались спекулировать на трудностях роста или «белых пятнах» науки, говоря, что если современная наука еще не может объяснить тех или иных природных и общественных явлений, то она даст эти ответы вместе с дальнейшим прогрессом знания, а поэтому нет никакой необходимости допускать «сохранение каких-нибудь остатков фантастического миросозерцания». В свое время огромную роль в опровержении одного из краеугольных камней религии — веры в бессмертие души и загробную жизнь — сыграла работа Чернышевского «Антропологический принцип в философии», которая не случайно вызвала резкие нападки в русской клерикальной литературе.

Религиозной морали, увековечивающей и освящающей приниженное, рабское положение трудящихся масс, русский мыслитель противопоставлял теорию «разумного эгоизма». В его понимании, «эгоист» — это свободная, творческая, активная личность, действующая не по предначертаниям «свыше», а по велению разума. Такой взгляд на место и роль человека в мире и обществе в корне расходился с канонами христианской нравственности, ставящей задачу воспитать покорного, смиренного «раба божьего».

Общеизвестно, что и эстетическая концепция Чернышевского также противостояла религиозно-идеалистическим теориям о происхождении, назначении и сущности искусства, согласно которым, «все существующее в мире есть выражение, осуществление божественной мысли». Он подвергал критике идеалистические концепции, по которым источником прекрасного является мировая идея, бог. Критика революционером-демократом подобных теорий весьма актуальна и в наши дни.

Так, православный религиозный философ В. Зеньковский ныне конструирует своеобразное «эстетическое доказательство» бытия бога, выводя его необходимость из факта наличия красоты в природе и утверждая, что прекрасное является «делом Божественного Художника»[7]; ему вторил в недавнее время митрополит Николай, полагавший, что красота в природе вышла «из рук своего Божественного Создателя»[8]. В противоположность подобного рода антинаучным предрассудкам Чернышевский проводил материалистический тезис об искусстве как отражении в форме типических художественных образов реальной действительности и общественной жизни. Не имея возможности открыто выступать против религиозно-идеалистических концепций искусства, русский мыслитель стремился утвердить свое «уважение к действительной жизни, недоверчивость к априористическим, хотя бы и приятным для фантазии, гипотезам» (*2*, 6).

Касаясь методики атеистического воспитания масс, Николай Гаврилович справедливо обращал внимание на то, что от религии нельзя отделаться высокомерными насмешками. Религия, говорил он, слишком серьезное дело, чтобы от нее можно было отмахнуться шуточками, и такой подход к ней не дал бы людям ничего, кроме легкомыслия; нельзя, писал он, «огорчать религиозные чувства людей». Близко подходя к правильному пониманию путей преодоления религии, Чернышевский подчеркивал, что лишь в коренных социальных преобразованиях он видит «необходимейшее предварительное условие для возможности распространения просвещению и улучшиться нравам» (*4*, 842).

Атеистическое наследие нашего великого земляка имеет актуальное значение для современности. Оно является мощным подспорьем в современной борьбе идей, в борьбе за полное и окончательное преодоление религиозных пережитков в сознании некоторой части советских людей. 150-летний юбилей великого революционера-демократа, который, по словам В. И. Ленина, называл «вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма»[9], активизировал дальнейшую разработку и пропаганду его философского и атеистического наследия.

---

[7] Зеньковский В. Основы христианской философии. Париж, 1964, т. 2, с. 65.

[8] Митрополит Николай. Слова, речи, послания. М., 1963, т. 1, с. 158—159.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 383.

И. Я. Левитас

Проблема социальной закономерности в воззрениях Н. Г. Чернышевского

В многочисленных исследованиях философских и социологических взглядов Н. Г. Чернышевского специальному анализу не подвергнуто отношение революционного демократа к проблемам социального детерминизма и социальной закономерности. Так, лишь в нескольких абзацах дается характеристика позиции Чернышевского по вопросу о закономерности развития общества в пятитомнике «История философии в СССР». Неоправданно мало уделено внимания этой проблеме и в монографиях и статьях, посвященных изучению мировоззрения революционного демократа.

Между тем проблема закономерности общественного развития является одной из центральных в социальной концепции мыслителя.

В статье предпринята попытка проанализировать идеи философского наследия Н. Г. Чернышевского, посвященные проблеме социальной закономерности, показать связь этих идей с насущными практическими задачами развития революционного движения в России.

В основе взглядов Чернышевского на вопрос о закономерностях общественного развития лежит антропологический принцип, исходящий из внеисторического понимания человека как части природы. Великий мыслитель старался и закономерности развития общества вывести из человеческой природы. «Пока общество состоит из людей, — писал он, — оно имеет в себе все свойства человеческой натуры» (7, 546).

В. И. Ленин отмечал, что «и антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*»[1].

Однако Чернышевский постоянно «нарушал» каноны антропологической методологии. Осуществляя анализ конкретных исторических процессов, стремясь дать ответы на практические вопросы революционного движения, он должен был в самой действительности выявлять социальную закономерность.

В общетеоретических работах революционный демократ

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

последовательно проводил требования антропологического принципа. В сочинениях же, посвященных анализу конкретных процессов жизни, он часто отходил от этого принципа, поднимаясь до анализа подлинных общественных закономерностей[2].

В трудах Чернышевского значительное внимание уделено обоснованию единства законов природы и общества. Русский революционный демократ исходил из того, что «в природе источники человеческой жизни и вся жизнь коренным образом определяются отношениями к природе» (*3*, 357). Он не отличал социального от природного, полагая, что к явлениям общественной жизни следует применять все те выводы, «какие нашли мы прилагающимися к явлениям индивидуальной жизни и материальной природы» (*5*, 390). Чернышевский не понял того, что человек — это продукт общественных отношений, что через посредство этих отношений осуществляется и воздействие людей на природу.

Доказывая единство природы и общества, Чернышевский отнюдь не отождествлял их законы. «Элементы и процессы в истории общества, — писал он, — гораздо сложнее, нежели в истории природы, и поэтому следить за их законами гораздо труднее; но во всех сферах жизни законы одинаковы» (*6*, 12).

Чернышевский с сочувствием приводил слова Грановского о необходимости уяснения исторических законов. «Первая задача истории, — писал он, — воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всеми историками, — объяснить ее; не заботясь о второй задаче, историк остается простым летописцем... думая о второй задаче, историк становится мыслителем, и его творение приобретает через это научное достоинство»[3].

Революционный демократ с неодобрением относился к стремлению социал-дарвинистов перенести законы развития растительного и животного мира на общество. Он считал, что никакие ботанические аналогии «ровно ничего не могут разъяснить в истории». Вместе с тем он осуждал попытки перенести общественные законы на природные процессы. Например, он подверг критике так называемый «Закон Бэра», некритически перенесенный из политэкономии в зоологию и ботанику.

Революционный демократ стремился выявить и специфические социальные закономерности. Все общественные явления,

---

[2] См.: Розенфельд У. Д. Н. Г. Чернышевский. Минск, 1972, с. 137.
[3] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 160.

писал он еще в 1857 г., зависят от законов, управляющих обществом. Фактически анализируя социальные законы, Чернышевский чаще всего не употребляет самого понятия «закон». Он пишет о «смысле» событий, необходимости, неодолимости процессов и т. д. Великий демократ считал необходимым выявить и изучить собственно исторические закономерности. «Ни природа, ни порождаемый ею темперамент народа, — писал он, — вовсе недостаточны для объяснения народных занятий и быта, как скоро народ выходит на поприще исторического развития» (*4,* 481).

Чернышевский считал, что в каждой сфере общественной жизни действуют свои законы. Особенно большое значение придавал он законам, действующим в «экономическом производстве». По его мнению, если бы экономическая деятельность не имела законов, то нарушалась бы ее «аналогия» с другими видами деятельности, «нарушался бы основной принцип существования общества». Причину существования экономических законов революционный демократ усматривал в несоразмерности средств, предлагаемых внешней природой, с потребностями человека, то есть и здесь он отдавал дань антропологическому принципу. Часто Чернышевский пишет о естественности общественных явлений и законов. Так, в статье «Капитал и труд» (1860 г.) он писал, что в обществе «все создается естественным образом». Однако естественное у Чернышевского не идентично естественно-историческому у К. Маркса. Русский мыслитель поясняет, что никакое «естественное» явление в обществе не может утвердиться «без предварительной теории и без содействия общественной власти».

Чернышевский нередко идеалистически объяснял законы как «зависящие от воли общества, управляемые рассудком и изменяющиеся сообразно перемене обстоятельств» (*5,* 607) Да и экономические законы он понимал как устанавливаемые властями.

Во многих работах Чернышевский приближался к пониманию объективного характера исторического процесса. «Ход великих мировых событий, — писал он в 1856 г. в статье «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность», — неизбежен и неотвратим, как течение великой реки: никакая скала, никакая пропасть не удержит ее...» (*4,* 70). Совершение этих событий не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности. Они происходят по столь же непреложному закону, «как закон тяготения или органического возрастания». Признавая закономерность развития общества, революционный демократ боль-

шое внимание уделял и обоснованию роли самого человека, который не бессилен перед законами. «Действуя сообразно с законами природы и души, — писал Чернышевский, — и при помощи их, человек может постепенно видоизменять те явления действительности, которые несообразны с его стремлениями» (*3,* 228). Революционный демократ многократно отмечал, что реальными являются только те желания человека, которые «основанием своим имеют действительность».

В действительности нет таких явлений, которые бы человек не мог изменить. Саму человеческую волю Чернышевский рассматривал как звено в причинно-следственных связях общественных процессов. В его трудах резкой критике подвергнуты фатализм, вера в судьбу, отрицающие активную роль человека, способность вмешаться в исторический ход событий. Отвергал революционный демократ и телеологический взгляд на исторический процесс. Вместе с тем он критиковал и волюнтаристические стремления действовать без учета законов природы и общества.

В. Зеньковский пишет о «странном сочетании» исторического детерминизма с учением о роли личности во взглядах Чернышевского[4]. Фальсификатор истории русской философии далек от понимания диалектического решения революционным демократом проблемы взаимоотношения объективного и субъективного в общественном развитии.

Чернышевский последовательно отстаивал идеи единства процесса развития человеческого общества, он полагал, что в жизни различных народов проявляются одни и те же общие закономерности. «Русская история, — писал революционный демократ в «Антропологическом принципе в философии», — понятна только в связи со всеобщею, объясняется ею и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории» (*7,* 268).

В 1878 г. в письме сыновьям Чернышевский, разъясняя принцип подхода к историческим событиям, отмечал, что частные процессы общественной жизни могут быть поняты только на основе «общих научных понятий». «В греках или китайцах, — писал он, — я находил требование видеть людей и когда я успевал рассмотреть, какие общие всем людям мысли и желания управляли их поступками, частный исторический вопрос о них разделялся легко и верно» (*15,* 119).

---

[4] См.: Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948, т. 1, с. 341.

Или еще пример. В статье «Капитал и труд» Чернышевский рассматривал отмену крепостного права в России как проявление общих законов развития мировой истории. Понимание процесса развития общества как единого процесса являлось для него теоретической основой для борьбы с расизмом, с проповедями исключительности отдельных народов.

Идеи социальной закономерности, развиваемые Чернышевским, служили методологической основой для решения конкретных проблем современной революционному демократу жизни.

С позиций признания социальной закономерности Чернышевский стремился доказать необходимость перехода к социализму в России через крестьянскую общину. Он писал: «...Именно потому, что общинное владение есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему периоду развития поземельных отношений нельзя обойтись без этой формы» (*5*, 390).

Идею социальной закономерности Чернышевский применяет и при анализе проблемы прогресса. Исходя из понимания развития общества как закономерного процесса, он определяет задачи исторической науки, видя ее главную роль в объяснении процесса развития человечества, в раскрытии роли народных масс, в признании огромной роли экономического развития.

Мастерски применял революционный демократ идею социальной закономерности в политических обзорах. По свидетельству В. В. Воровского, В. И. Ленин вспоминал, что он с большим интересом и пользой для себя читал политические обзоры иностранной жизни, написанные в «Современнике» Чернышевским [5]. В оценке проблем иностранной жизни, особенно событий революционного и освободительного движения, ярко проявилась прогрессивная социальная концепция революционного демократа. Так, анализируя события Гражданской войны в США, он ясно видел необходимость и закономерность столкновения двух противоположных систем за океаном. Отводя решающее значение экономическому фактору, Чернышевский понимал, что в Америке назрела необходимость «привести в гармонию южные и северные гражданские отношения». У себя на родине ратовавший за крестьянскую революцию великий мыслитель был убежден в неизбежности сокрушения рабства за океаном.

---

[5] См.: Вопр. лит., 1957, № 8, с. 133.

Изучение отношения Чернышевского к проблеме социальной закономерности показывает, что великий философ обосновал целый ряд важных идей, выходящих за рамки антропологической методологии. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» отмечал «зачаток» исторического материализма у Чернышевского. В марте 1909 г. он писал А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского» [6].

Социологическая концепция великого русского революционного демократа, как и все его теоретическое наследие, может быть использована в идеологической борьбе с современной буржуазной социологией.

А. Л. Андреев

Проблема эстетического в трудах Н. Г. Чернышевского

Буржуазные философы неоднократно пытались доказать, что теоретические взгляды Н. Г. Чернышевского на проблемы искусства отличались грубым дидактизмом и утилитаризмом, а сам он не обладал тонким эстетическим вкусом. Иными словами, они стремились представить эстетическое учение Чернышевского теорией, которая может рассматриваться как эстетическая лишь по объекту своего анализа, но не по содержанию и подходу, поскольку Чернышевский, якобы, растворял эстетическую специфику искусства в других, «неэстетических» категориях, фиксирующих прежде всего гражданскую позицию художника, место его творчества в идейно-политической борьбе эпох и т. д. Начало этой тенденции положили еще дореволюционные русские критики Чернышевского из числа сторонников концепции «чистого искусства», ее активно продолжают современные западные исследователи жизни и творчества русского мыслителя-демократа. Между тем Чернышевский особенно много сделал именно для разработки категории эстетического и связанных с ним понятий, которые он исследовал на основе своего материалистического мировоззрения.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 284.

Творческая заслуга Чернышевского состоит в разработке широкой концепции эстетического как качества, проявляющегося в различных сферах природы и человеческой деятельности, а не только в искусстве. Вместе с тем он подходил к проблеме эстетического дифференцированно, выделяя различные типы и сферы эстетического. Эстетическая теория Чернышевского — значительный шаг вперед в направлении превращения эстетики из философии искусства, какой она была до второй половины XIX в. (и даже в отдельных своих аспектах до значительно более позднего времени), в теорию, рассматривающую эстетические аспекты действительности в целом. Эта тенденция расширения сферы эстетического исследования продолжает развиваться и в современной науке. Так, в частности она проявилась на VIII Международном конгрессе по эстетике (Дармштадт, 1976 г.). Она получила поддержку в трудах многих советских ученых, выделяющих, наряду с искусством, такие сферы эстетической практики, как дизайн, художественное ремесло и т. д., а также указывающих на важность исследования эстетических компонентов в природе, в таких сферах деятельности, как научное творчество, спорт и т. д.

Основой трактовки эстетического в учении Чернышевского является безусловное признание объективного существования всех его видов и проявлений в самой действительности. Это — одна из важных сторон материализма великого русского ученого-революционера. Полемически отталкиваясь от гегелевской концепции, Чернышевский обратился от умозрительной красоты абсолюта к реальной красоте окружающего нас мира. Истинная, высочайшая красота, по Чернышевскому, это красота, встречаемая нами в жизни. Данное определение, указывает он, «возводит в основную мысль эстетики достоинство и красоту действительности» [1].

Идеалистическая эстетика со времен Платона неизменно проводила мысль о том, что прекрасное в окружающем нас вещественном мире несовершенно, ибо оно не постоянно в своей красоте, единично, а зачастую неотделимо от грубых, антиэстетических явлений. Огромное преимущество точки зрения Чернышевского заключается в том, что, решая проблему субъекта эстетической оценки и восприятия, критериев прекрасного, он обратился к реальным переживаниям человека, к особенностям его психологии и вкуса. Красота для человека,

---

[1] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 804.

утверждает Чернышевский, не умозрительное понятие. Она воспринимается не отвлеченным мышлением, а прежде всего человеческими чувствами. Человек не ищет идеального, математически строгого совершенства, не знающего даже микроскопических изъянов. Его понятие о прекрасном формируется в реальной жизни и удовлетворяется теми реальными примерами красоты, которые он находит в материальной действительности. Оттого, что можно найти вещи, значительно более прекрасные или изящные, чем тот или иной красивый предмет, последний не становится для нас хуже. Это верно как применительно к нашей непосредственной жизненной практике, так и в отношении искусства. Скажем, величие Рафаэля вовсе не уничтожает для нас привлекательности картин Греза. Это значит, утверждает Чернышевский, что прекрасное многообразно и не сводимо к некоей мифической идее прекрасного, якобы неизмеримо превосходящей все реальные предметы.

Таким образом, по существу, прекрасное для Чернышевского есть определенное обобщение реальных жизненных впечатлений. Эту же точку зрения он проводит при анализе содержания других эстетических категорий. Определяя прекрасное, возвышенное, Чернышевский особо подчеркивает «отношение к человеку вообще и к его понятиям тех предметов и явлений, которые находит человек прекрасными или возвышенными: прекрасное то, в чем мы видим жизнь так, как мы понимаем и желаем ее, как она радует нас; великое то, что гораздо выше предметов, с которыми сравниваем его мы» (*2*, 21). Вместе с тем материалист Чернышевский нисколько не сомневается в том, что именно наши эстетические оценки характеризуют свойства и качества реальных вещей и явлений, а не наши мысли, восприятия и переживания.

Поскольку Чернышевский принимает такую концепцию эстетического, ему удается убедительно решить целый ряд теоретических проблем, неразрешимых при условии признания вневременного идеала прекрасного. В частности, он высказывает чрезвычайно важную мысль об исторической изменчивости наших вкусов, идеалов и представлений о прекрасном: «Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации непременно требуют, чтобы мы перенеслись в ту эпоху, в ту цивилизацию, которая создала их; иначе они покажутся нам непонятными, странными, но не прекрасными... Сколько у Шекспира, у итальянских живописцев такого, что понимается и ценится только тогда, когда мы перенесемся в прошедшее с его понятиями о вещах» (*2*, 51). В тесной связи

с этим утверждением находится идея Чернышевского о социально-культурной обусловленности эстетических представлений. Так, скажем, понятия о красоте в аристократическом обществе и в народной среде различаются чрезвычайно сильно; идеал томной, воздушной светской красавицы совершенно не соответствует народным представлениям, тогда как ценимый в народе идеал женской красоты кажется светскому обществу слишком грубым. Утверждая эти положения, Чернышевский по существу намечает пути выхода за ограниченные пределы антропологического материализма с его недооценкой социально-исторических факторов, влияющих на сознание человека, на весь строй его личности, хотя окончательно освободиться от антропологических представлений он не сумел.

Развивая свой тезис о безусловном превосходстве окружающей нас материальной действительности над творениями человеческого духа, в том числе и над искусством, и нередко придавая ему полемически заостренную форму, Чернышевский, однако, был далек от пренебрежительного отношения к художественному творчеству. В своих работах он говорил о высоком и прекрасном назначении искусства, о его благотворном влиянии на жизнь. Для того, чтобы правильно оценить высказывания Чернышевского относительно ценности искусства, необходимо рассматривать их не изолированно, а в целостном контексте его эстетического учения. Необходимо указать на то, что искусство, согласно теории великого русского мыслителя, представляет собой сложное явление. Его многообразные эстетические отношения к действительности невозможно свести лишь к воспроизведению прекрасного или к пересозданию исходных жизненных впечатлений в идеальный мир «чистой красоты», создаваемый искусством. Более того, искусство отнюдь не сводится лишь к созданию эстетических ценностей. Это также средство познания действительности, важный элемент общественной мысли эпохи. И хотя искусство не может превзойти жизнь эстетически (здесь Чернышевский действительно недооценивает специфическую красоту искусства), содержащиеся в нем обобщения, идеи вносят немалый вклад в ее осмысление. Следует также отметить, что тезис о превосходстве действительности над искусством в ряде случаев приобретает у Чернышевского смысл утверждения первичности материального мира по отношению к продуктам человеческого сознания (воспроизведение действительности не может быть «выше» оригинала). Эта материалистическая по своей направленности мысль, несмотря на то, что в данном

случае она выражена концептуально не вполне точно, сыграла огромную роль в борьбе против идеалистической эстетики.

Согласно учению русского мыслителя, эстетическое чувство и мышление в искусстве гармонически связаны, едины. Если художник становится мыслителем, указывает Чернышевский, «произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное» (*2*, 86). Это касается не только наиболее насыщенного мыслью вида творчества — поэзии, но и таких его сфер, как, скажем, живопись. В качестве примера интеллектуальной, идейно насыщенной живописи Чернышевский приводит работы известного английского художника и гравера В. Хогарта.

Определяя искусство как воспроизведение, осмысление, отображение действительности, Чернышевский, как мы уже отмечали выше, дает необычное для эстетики XIX в. решение вопроса о соотношении художественного и эстетического, которое характеризуется глубоко диалектическим подходом к трактовке связи этих категорий. Прежде всего Чернышевский указывает на то, что в определенных аспектах содержание искусства шире, чем понятия прекрасного, возвышенного, трагического. В живописи под эти рубрики не подходят, например, многие жанровые картины, в музыке — лирические и грустные мелодии. Еще шире в содержательном плане область поэзии. Искусство, далее, неизменно проявляет огромное внимание к нравственно-этической проблематике, которая не может быть сведена к эстетическим категориям. И здесь Чернышевский подходит к своему знаменитому определению предмета искусства, которое оказало огромное влияние на развитие эстетической мысли — прежде всего потому, что в этом определении содержание искусства тесно соотнесено со всем миром человеческих интересов, переживаний, мыслей и побуждений. «Сфера искусства, — пишет Чернышевский... — обнимает собою все, что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека — не как ученого, а просто как человека; общеинтересное в жизни — вот содержание искусства» (*2*, 81—82). Таким образом, согласно Чернышевскому, человек как субъект искусства выступает в качестве целостной личности во всей полноте своих духовных и жизненных проявлений. В этом состоит одна из существенных черт, отличающих искусство от науки.

Эстетическое в искусстве, указывает великий русский мыслитель, находится в сложных отношениях с другими сторонами художественной формы и содержания, причем эти отноше-

ния могут быть противоречивыми: «Художественное произведение, пробуждая эстетическое наслаждение своими художественными достоинствами, может возбуждать тоску, даже отвращение сущностью изображаемого» (*2*, 9).

Опираясь на определение искусства как воспроизведение действительности, Чернышевский приводит дальнейшее концептуальное разграничение художественного и эстетического, показывая, что эстетическое в свою очередь в ряде аспектов оказывается более широким термином, чем художественное, даже если не принимать во внимание возвышенное и прекрасное в природе. Ведь не все сферы человеческой деятельности, в которых реализуются эстетические отношения, могут быть рассмотрены как воспроизведение действительности, а значит — как искусство. Таковы, скажем, работа ювелира и садовника, а также архитектора. Ведь в данном случае не может быть вопроса о том, каковы отношения красоты их произведений к красоте окружающего природного мира: в природе нет предметов, с которыми можно было бы сравнивать художественную утварь, ювелирные изделия, архитектурные сооружения. Создавая их, автор не воплощает своих мыслей о тех или иных явлениях, их оценок; его задача в другом — он эстетически обогащает наше предметное окружение.

Н. Г. Чернышевский не был сухим кабинетным теоретиком. Он всегда с интересом следил за художественной жизнью, за развитием современного ему искусства. В качестве критериев эстетической оценки произведения Чернышевский неизменно выдвигал единство мысли художника, глубины идейного содержания произведения со способностью живо и ярко изобразить конкретные явления действительности. «Создание искусства, — пишет он, — должно стремиться к тому, чтобы в нем было как можно меньше отвлеченного, чтобы в нем все было, по мере возможности, выражено конкретно, в живых картинах, в индивидуальных образах» (*2*, 83). Чернышевский последовательно выступал с обоснованием и защитой творческих принципов реализма и высокой общественной идейности искусства, против «мелочной отделки подробностей» в ущерб правдивости и естественности произведения, гармонии его композиционных элементов и их соответствия авторской идее. «Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее», писал великий революционер-демократ (*2*, 663).

Обобщая различные формы, типы, разновидности эстетического (прекрасное, возвышенное, трагическое и т. д.), Черны-

шевский стремится выявить то, что их объединяет. В качестве одного из важнейших признаков эстетического вообще он считает относительно бескорыстный характер наслаждения, доставляемого восприятием эстетических качеств действительности. Но в отличие от Канта Чернышевский понимал существование сложных связей между эстетическими качествами и пользой, утилитарными характеристиками вещей. «Эстетическое наслаждение, — писал он, — всегда бывает бескорыстно только в том смысле, что я, любуясь, например, на чужую ниву, не думаю о том, что не мне она принадлежит, что не в мой именно карман пойдут деньги, вырученные за хлеб, на ней растущий, но я не могу не думать: «Слава богу, чудный будет урожай; чудно поправятся мужички от нынешней жатвы! Боже мой, сколько человеческого счастья, сколько радости людям зреет на этом поле!» (*2,* 155). Эти мысли Чернышевского получили развитие в марксистской эстетике, в работах Г. В. Плеханова, доказавшего генетическую связь между эстетической оценкой явлений и их оценкой с точки зрения пользы для человека.

Материалистическая эстетическая теория великого русского революционера-демократа Чернышевского была значительным вкладом в развитие эстетической мысли. Она и сегодня сохраняет свою актуальность и научную ценность.

О. В. Ханова

Н. Г. Чернышевский о социальной природе искусства

Эстетические взгляды Чернышевского неотделимы от его социально-политических убеждений. Его мировоззрение складывалось под влиянием идей Герцена и Белинского, а также немецкой классической философии, особенно Фейербаха. Но Чернышевский пошел дальше Фейербаха в понимании социальной роли философии. Свои теоретические воззрения он целиком подчинял делу борьбы за освобождение «простолюдинов», трудящихся от крепостнического и буржуазного рабства.

Не случайно обращение Чернышевского к исследованию искусства и литературы. Г. В. Плеханов в статье «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского» писал: «Умственный прогресс человечества служит, по мнению Чернышевского, самой глубокой пружиной исторического движения. Литература является выражением умственной жизни народов» [1].

Чернышевский, овладев достижениями эстетической мысли как материалистического, так и идеалистического направлений, создал цельную материалистическую теорию. Он развивал сформулированные Белинским принципы народности, общественного назначения и идейности искусства.

Белинский решал основной вопрос эстетики — об отношении искусства к действительности — с позиций материализма. Искусство, утверждал он, есть особая форма «сознания бытия». «Искусство есть воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир» [2]. После Белинского, начавшего в России переосмысление гегелевской идеалистической системы представлений об искусстве, Чернышевский осуществил анализ различных отношений искусства к действительности.

В диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевский ставил своей задачей исследовать вопрос об отношениях произведений искусства к явлениям жизни. Сущность искусства, его общественное назначение раскрывается путем выяснения его отношения к действительности, отношения к искусству общества и определенных социально-политических сил. Искусство возникает не из одних только эстетических потребностей, а прежде всего из общественных запросов, оно вызывается к жизни определенными историческими условиями.

Искусство, считает Чернышевский, имеет два начала: формальное и реальное. Формальное начало раскрывает способ создания произведений искусства — воспроизведение явлений природы и жизни. Реальное начало раскрывает, какие именно явления действительности и с какой целью воспроизводятся в искусстве, каково его содержание.

Признание первичности эстетических свойств предметов реального мира повлекло за собой коренной пересмотр всех господствовавших тогда представлений в эстетике. Идеалисты

[1] Плеханов Г. В. Эстетика и социология искусства. М., 1978, т. 2, с. 277.

[2] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. М., 1953—1959, т. 10, с. 305.

утверждали, что истинно прекрасное или вообще не встречается в реальной жизни, или, если и встречается, то весьма редко и бывает мимолетным. Искусство призвано поэтому восполнить отсутствие прекрасного в самой действительности. Из этой теории следовало, что искусство, выражающее идею прекрасного, выше прекрасного в действительности.

По мнению представителей этой теории цель искусства, причем единственная цель, — служить красоте. Чернышевский считал, что фразы о «чистом» искусстве «всегда служили только прикрытием для борьбы против не нравившихся этим людям направлений литературы с целью сделать ее служительницею другого направления, которое более приходилось этим людям по вкусу» (*3*, 301).

Искусство должно быть глубоко идейным. А так как сами художники находятся под влиянием тех или иных политических идей своего века, то искусство пропагандирует или передовые, или консервативные, или реакционные идеи, в зависимости от того, к какому направлению принадлежит художник.

«Искусство для искусства», — писал Чернышевский, — мысль такая же странная в наше время, как «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Все человеческие дела должны служить на пользу человеку, если хотят быть не пустым и праздным занятием: богатство существует для того, чтобы им пользовался человек, наука для того, чтобы быть руководительницею человека, а не на бесплодное удовольствие» (*2*, 271).

С этим положением Чернышевского перекликается высказывание английского писателя Сомерсета Моэма о том, что красота не может быть достоянием единиц. «Искусство, имеющее смысл только для людей, прошедших специальную подготовку, столь же незначительно, как те единицы, которым оно что-то говорит. Подлинно великим и значительным искусством могут наслаждаться все. Искусство касты — это просто игрушка» [3].

Чернышевский доказал несостоятельность теории «чистого» искусства. Искусство охватывает все стороны бытия, все, что представляет интерес для человека; оно воспроизводит его мысли и надежды, радости и печали, показывает многообразные стороны жизни общества, общественные недуги и болезни, а также пути избавления от них.

---

[3] Моэм С. Подводя итоги. М., 1957, с. 222—223.

Чернышевский полагал, что признание содержанием искусства только прекрасного, в том числе возвышенного и комического, слишком узко, стеснительно для искусства. Причина появления такого опеределения заключается в неумении различать прекрасное как объект искусства и красоту формы, являющейся необходимым качеством всякого художественного произведения. Чернышевский делает вывод о том, что «общеинтересное в жизни — вот содержание искусства» (*2,* 82).

Воспроизведение интересных для человека явлений действительной жизни есть первое общественное назначение всех произведений искусства. Интересными Чернышевский признает те жизненные обстоятельства, из которых складывается жизнь трудового человека.

Воспроизводя общеинтересные для человека явления действительности, искусство призвано давать объяснения этим явлениям. Объяснить же явления жизни — значит раскрыть их общественное значение, определить их место в системе общественной жизни, показать многообразные отношения, существенные связи между этими явлениями.

Логика исследования природы искусства подводила Чернышевского к решению проблемы его общественного назначения. Искусство, доставляя эстетическое наслаждение, воспроизводит действительность, объясняя ее «ко благу человека». Если художественное произведение отражает действительность, объясняет и оценивает ее, то, следовательно, оно становится учебником жизни. Особенность же воздействия искусства на человека состоит в том, что это «такой учебник, которым с наслаждением пользуются все люди, даже и те, которые не знают или не любят других учебников» (*2,* 116).

Как органическая часть объяснения общеинтересного в жизни выступает приговор художника. Приговор невозможно вынести без объяснения этих явлений, без раскрытия их отношения ко всем сторонам общественной жизни. Чернышевский считал, что дело не в том, чтобы порицать кого-нибудь, а в том, «чтобы разбирать обстоятельства, в которых находился человек; рассматривать, какие сочетания жизненных условий удобны для хороших действий, какие неудобны» (*12,* 170).

В подлинно художественном произведении три задачи искусства (воспроизведение, объяснение, учебник жизни) не существуют раздельно, а сливаются воедино как триединая цель искусства, которая побуждает его активно вторгаться в жизнь, выносить ей приговор, отрицать старое, утверждать новое.

Чернышевский подчеркивает, что приговор не должен пониматься односторонне как только осуждение старого. Проблески будущего тоже нуждаются в защитительном приговоре художника. Оправдательный приговор новому со стороны реалистического искусства помогает общественному прогрессу, направляет передовые социальные силы на поддержку нового.

Стержневое положение, которое объединяет различные частные теоретико-литературные и искусствоведческие высказывания Чернышевского, следующее: жизнь — источник красоты, чувства прекрасного у человека и прекрасного в искусстве. Вместе с тем Чернышевский показал историческую относительность прекрасного. «Жизнь стремится вперед и уносит красоту действительности в своем течении.., но вместе с жизнью стремятся вперед, то есть изменяются в своем содержании, наши желания, и, следовательно, фантастичны сожаления о том, что прекрасное явление исчезает, — оно исчезает, исполнив свое дело, доставив столько эстетического наслаждения, сколько мог вместить нынешний день; завтра будет новый день, с новыми потребностями, и только новое прекрасное может удовлетворить их» (*2*, 42).

Таким образом, прекрасное необходимо рассматривать со стороны его объективного источника и содержания и с субъективной стороны, поскольку прекрасное воспринимается человеком «субъективно», ведь об одном и том же предмете или явлении часто имеются взаимно исключающие суждения и оценки. Видимо, учитывая эти моменты, Гете писал о том, что «красота никогда не уяснит себе своей сути»[4]. Но это нисколько не опровергает положения о том, что истинная природа прекрасного заложена в самой действительности, а только говорит о разном ее понимании.

Некоторые материалисты до Чернышевского подошли к научному пониманию красоты. Дидро, Лессинг, Фейербах понимали красоту как объективное качество предметного мира. Чернышевский же впервые разработал целостное учение о красоте, установив связь красоты не только с действительной жизнью, но и с идеалом жизни. Чернышевский писал о диалектике двух аспектов прекрасного: прекрасное есть жизнь, а красота есть идеал жизни, то есть такая жизнь, которую мы считаем единственно достойной человека.

---

[4] Гете И. В. Максимы и рефлексии. — В кн.: Об искусстве. М., 1975, с. 585.

Идеал не может быть понят абстрактно, Чернышевский показал, что в классовом обществе представления о хорошей жизни различны у различных социальных групп. У каждого класса существуют свои идеалы и свои эстетические взгляды и вкусы. «Понятия о красоте у простого народа несходны во многом с понятиями образованных классов общества... простолюдин и член высших классов общества понимают жизнь и счастие жизни неодинаково» (*2*, 142—143). То или иное понимание идеала непосредственно обусловлено их отношением к труду.

Г. В. Плеханов придавал этому положению большое значение. «Чернышевский показал, что эстетические понятия людей стоят в тесной причинной связи с их экономическим бытом. Это — открытие, гениальное в полном смысле слова»[5].

Из положения «прекрасное есть жизнь» не следует, будто прекрасна всякая жизнь. Чернышевский хотел лишь подчеркнуть, что прекрасное извлекается не из чистого разума, а порождается жизнью, хотя в самой жизни далеко не все прекрасно. «Прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такою, какова должна быть она по нашим понятиям» (*2*, 10).

Определяющий признак красоты — неповторимость индивидуальных свойств предметов. Высшая красота на земле это красота человека. В качестве реальных эстетических критериев Чернышевским провозглашались не вечные образцы античного искусства, а реальный человек современной эпохи, действительный мир этого человека. Из такого понимания красоты, отмечает А. П. Белик, вытекает и понимание ее как «полноты жизни, как существенного результата творческих сил природы»[6]. Полнота жизни выражается только в высокоразвитой индивидуальности.

Чернышевский, также как и Л. Толстой[7], видит критерий ценности искусства в нравственности, центральной проблемой эстетики считает взаимоотношение искусства и морали. Искусство не только служит средством общения, но и воспитывает человека в духе определенных нравственных идеалов. Принципы новой этики, «этики разумного эгоизма», сочетающего интересы личности и общественные интересы, Чернышевский излагал в знаменитом романе «Что делать?» и других

---

[5] Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958, т. 1, с. 484.

[6] Белик А. П. Эстетика Чернышевского. М., 1961, с. 87.

[7] См: Овсянников М. Ф. Социально-философские и эстетические взгляды Л. Н. Толстого.— Вопр. философии, 1978, № 9, с. 121.

своих произведениях. Он ставил своей задачей воспитать нового человека, революционера и гуманиста.

Чернышевский показал, что искусство должно быть помощником прогрессивных сил общества в решении ими задач народной жизни, а не служить фантастической идее прекрасного. Будущее не только в идеях передовых людей, но и в делах сегодняшнего дня, будущим чревато настоящее. Поэтому идеал жизни должен быть выражен в формах самой жизни, иначе он не затронет человека, не будет вдохновлять его на борьбу за воплощение этого идеала в действительность. Чернышевский не только теоретически обосновал великое назначение искусства, но и на практике показал пример, как им надо пользоваться в самых неблагоприятных условиях. Нам дороги и Чернышевский, и его литературные герои Рахметов и Волгин, в которых служение идее, убежденность, гармония поступков и верований управляют страстями, любовью, семейными отношениями.

Последующее развитие искусства реализма подтвердило жизненность основных принципов эстетики Чернышевского. Его эстетическая система выступает как определенный этап аналитического исследования искусства. Для понимания искусства как общественного явления понадобились века аналитического исследования всей социальной структуры, а не только компонентов самого искусства.

Лишь подобное исследование, отмечает Г. А. Соловьев[8], дает возможность создания целостного синтетического научного понятия искусства. В этом понятии, видимо, будут сняты упрощения, которые допускают теории, сводящие сущность или специфику искусства к чему-либо одному (творчеству или отражению, самостоятельности или подчиненности цели, органической нерасчленимости или формальной структуре).

Искусство изменяется под воздействием всего процесса развития общественной жизни. Наука и технология проникают в искусство и затрагивают его в трех измерениях[9]: содержательном, стилевом и техническом. В идейном содержании преломляются новые знания о природе и человеке. Обновляются методы передачи эстетической информации. Художник,

---

[8] См.: Соловьев Г. А. Эстетические воззрения Чернышевского. М., 1978, с. 420.

[9] См.: Малина Ф. Художник-инженер об искусстве и науке.— В кн.: Социально-экономические и идеологические проблемы научно-технической революции. По зарубежным материалам. Реферат. сб. М., 1976, вып. 3, с. 204-205.

не удовлетворяясь простым воспроизведением объекта, использует все современные знания психических механизмов восприятия.

Чернышевский в свое время писал о науке: «Творя тихо и медленно, она творит все; создаваемое ею знание ложится в основание всех понятий и потом всей деятельности человечества, дает направление всем его стремлениям, силу всем его способностям» (*4,* 5). Художественная деятельность отразила влияние науки на мировоззрение человека. Д. Диксон считает, что в XX в. произошла переориентация самой цели искусства. «Если раньше она состояла в поисках трансцендентальной красоты, то теперь искусство стремится к трансцендентальной истине» [10].

Наука вызвала радикальные изменения в условиях и качестве жизни людей, предоставляя в их распоряжение все больше свободного времени. Вот почему так важно усиливать гуманистические, этические и эстетические тенденции в становлении личности. Искусство вызывает светлое, радостное расположение духа, делает человека добрее и лучше, развивает в нем все хорошее. В личном бескорыстии, с которым воспринимается произведение искусства, как раз и проявляется социальность, коллективность эстетического чувства. Наука и искусство являются формами критического освоения и изменения окружающего нас мира. Только в измененном мире, в подлинно свободных социальных условиях расцветают истинные потребности людей и возникает радость свободного творческого труда свободного человека.

Б. Г. Манжора

Музыка в жизни и творчестве Н. Г. Чернышевского

Удивительная разносторонность, энциклопедическая широта интересов, гениальная одаренность Н. Г. Чернышевского в различных областях человеческого знания, культуры были на-

[10] Диксон Д. За фасадом науки и искусства: несколько критических замечаний.— В кн.: Социально-экономические и идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1976, вып. 3. с. 198—199.

столько велики, что для изучения его жизни и наследия требуются усилия больших групп ученых различных специальностей.

Чернышевский и искусство — одна из многих проблем, решить которую можно лишь охватывая весь комплекс связанных с ней вопросов. Русские революционные демократы в своих социально-политических, художественных взглядах опирались не только на высокие достижения философской, художественной мысли, ставшие вершиной домарксовской философии и эстетики, но и на чуткое понимание произведений искусства, отражавших общественный подъем середины прошлого века. И здесь немалую роль сыграла выдающаяся разносторонняя художественная одаренность Чернышевского, так же как и Белинского, Герцена, Добролюбова, их постоянное внимание к различным сторонам художественной жизни России, Европы. Тонкое постижение сущности различных видов искусства, горячая любовь к прекрасному в самых разных его проявлениях, яркие литературные дарования отличают основоположников отечественной эстетической мысли. Любовь к театру, музыке, живописи приводила великих критиков в театральные, концертные залы, на выставки, вернисажи. Неизгладимые, сильные впечатления от театральных, музыкальных, художественных произведений, вместе с литературой, питали их творчество.

Любовь к Родине, стремление к ее освобождению, забота о процветании в России литературы и искусств водила их пером. Произведения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова полны свидетельств постоянного внимания к творчеству актеров, музыкантов, художников.

Между тем в трудах некоторых исследователей порой сознательно, а порой из-за отсутствия внимания к разносторонней одаренности гениальных теоретиков, публицистов, художников слова проскальзывают попытки обеднить общий их облик, выхолостить многое из духовного мира великих людей России, может быть и непроизвольно, но все же ощутимо, показать якобы ограниченность их дарований и интересов. Так, в трехтомнике Ю. А. Кремлева «Русская мысль о музыке» читаем: «Придя в последние годы жизни к последовательному материализму и атеизму, Белинский явно отошел от музыки, и она уже не увлекала его, как раньше. Возникло, очевидно, сознательно прохладное отношение к музыке как к искусству, неспособному особенно наглядно служить идейно-политическим целям (взгляд, ясно ощутимый позднее у Чернышевского, а в

крайне односторонней форме у Писарева)»[1]. В книге А. А. Демченко «Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая», в которой, как указывается в аннотации, на большом архивном материале «детально охарактеризованы условия, в которых преодолевались религиозные взгляды и формировались черты революционно-демократических убеждений»[2], подчеркнуто убрано преобладающее большинство свидетельств — а их в данных о Чернышевском немало! — о внимании ребенка, юноши, студента Петербургского университета, молодого учителя Саратовской гимназии к народным песням, театру, музыке — к искусству вообще.

Надо ли говорить, что при такого рода характеристиках может показаться непонятным, откуда, из каких источников черпал Чернышевский материалы для разностороннего осмысления современного состояния того или иного вида искусства, в том числе — музыки. А ведь многие выводы хотя бы в его знаменитой диссертации, в частности о социальной природе понимания красоты, сделаны именно на основе обращения к песням русского народа. Его обзоры европейских новостей литературы, искусства, науки и промышленности, которые позже хвалил В. И. Ленин, как правило, полны данных о европейских оперных театрах, о выдающихся певцах. Такого рода произведения не могли появиться без горячей личной заинтересованности в музыке, стремления ее пропагандировать, использовать тонкие, характерные и очень действенные средства, связанные с музыкальным искусством, для доказательств своих утверждений, мыслей, положений.

Вся жизнь Чернышевского, его научное, публицистическое, художественное наследие неопровержимо свидетельствуют о горячей любви революционного демократа к музыкальному искусству, о сильнейших — до слез! — переживаниях, вызванных любимыми песнями, инструментальными сочинениями, о стремлении при первой возможности насыщать свои произведения — в том числе научные труды — образами, навеянными музыкой, и этим увеличивать их эмоциональное влияние, выразительность, характерность.

Жизнь дала гениальному мыслителю, литератору, в сущности, не очень много возможностей заниматься, наслаждаться музыкой, быть в ее атмосфере. Но использованы они были

---

[1] Кремлев Ю. А. Русская мысль о музыке. Л., 1954, т. 1, с. 139.
[2] Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1978, ч. 1, с. 2.

достаточно полно. Скромная обстановка семьи провинциального священника, духовное училище, семинария не могли дать пытливому ребенку, юноше сколько-нибудь сильных художественных впечатлений. Местный театр не привлекал особого внимания, да и посещение его для воспитанников духовных учебных заведений было затруднено. Оставались народные песни. Они звучали на улицах города, на Волге под окнами родного дома, пелись в семье Чернышевских. Отец — Гаврила Иванович, знавший нотную грамоту, принимал участие в исполнении дома народных песен, духовных стихир. Будущий писатель запомнил песни — русские, украинские. Запомнил «звонкий, хороший тенор» одного из певцов, игру на гуслях матери. Сам певал «лермонтовские, кольцовские, простонародные песни». Учился играть на фортепиано. Многие из соучеников Чернышевского по семинарии стали позже преподавателями пения в духовных училищах и в этом нельзя не усмотреть результат относительно неплохо поставленного музыкального обучения в их alma mater.

Позже интерес к церковной музыке вместе с укреплением атеистических взглядов угаснет у него совершенно. Зато любовь к народному музыкальному творчеству, музыке в быту, к театру проявится очень ярко. Записки в дневнике, относящиеся ко времени обучения в университете, рассказывают о пении Чернышевским народных и других песен, о посещении театров. Они свидетельствуют о сильнейших переживаниях, связанных с любимым искусством (*1,* 103, 386, 663; *15,* 44 и др.).

Вернувшись в Саратов, преподаватель местной гимназии Чернышевский посещает многочисленные вечера, приемы, маскарады, концерты, учится танцевать. Часто слушает Чернышевский игру на фортепиано своих друзей, танцевальные, концертные оркестры; знакомится с одной из первых собирательниц народных песен Поволжья А. Н. Пасхаловой, сам изучает песни.

Специально отмечен в дневнике Чернышевского вечер 8 января 1853 г. в саратовском Собрании, где выступал оркестр любителей: «Играли увертюру из «Фрейшица» и «Вильгельма Телля». Для последней решился я быть там... «Вильгельм Телль» приводит меня в восторженное состояние и когда мы после... говорили за шахматами о нем, у меня выступали слезы от волнения. Я чувствовал и во время музыки, и после, что в случае и я оставлю свою вялость и нерешительность» (*1,* 409).

Любимое симфоническое произведение о народном герое вызывает у Чернышевского высокий эмоциональный подъем, в сущности революционный порыв.

В Петербурге напряженная работа в «Современнике» требовала приложения огромных сил, отнимала все время. И тем не менее Чернышевский с женой бывает в театрах, на гуляниях в парках, в Павловске, Екатерингофе. В воспоминаниях Н. Новицкого, А. Панаевой, О. Антонович-Мижуевой, Г. Туманова есть сведения о музыкальных вечерах в квартире Чернышевских.

На литературно-музыкальном вечере в зале Руадзе 2 марта 1862 г., где писатель выступал с воспоминаниями о Добролюбове, играет скрипач Г. Венявский, А. Рубинштейн исполняет музыку Бетховена. Звучит «Камаринская» Глинки.

В жесточайших условиях каторги и ссылки Чернышевский продолжает проявлять постоянный интерес к музыке, пишет о ней в сочинениях, письмах. Известно, что Чернышевский часто просил товарищей по заключению петь в его присутствии. Слушал он игру на скрипке поляков-каторжан, цитировал на память песни о польском восстании 1830—1831 гг. В тюрьме Чернышевский присутствовал на постановке самодеятельной оперы. В пьесах, написанных в эти годы, писатель большое место отводит музыке.

Есть многочисленные свидетельства того, что Николай Гаврилович любил петь, причем, иногда даже импровизируя мелодии. Народные песни на слова русских, и не только русских, поэтов он пел дома в Саратове, пел в петербургские годы жизни, пел даже в тюрьме, в суровой вилюйской ссылке. В. Короленко воспроизводит рассказ жены жандармского унтера из охраны узника: «За одну ночь сколько перемен бывает с ним! То он поет, то танцует, то хохочет вслух, громко, то говорит с собой, то плачет навзрыд» [3].

Преодолевать неимоверные трудности каторги и ссылки в суровом краю стоило Чернышевскому огромных духовных и физических сил. Пение, воспоминания о музыке, воплощение музыкальных образов в сочинениях — одно из свидетельств великих духовных сил несгибаемого борца.

В Астрахани, куда ссыльный был привезен в октябре 1883 г., он снова посещает театр, заводит знакомства с артистами, музыкантами. «Решительно примкнул к театральному

---

[3] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. Саратов, 1959, т. 2, с. 218.

миру», — пишет он (*15*, 861). В доме Чернышевских бывал знаменитый артист В. Н. Андреев-Бурлак, певший народные песни. Зная любовь мужа к музыке, Ольга Сократовна в письмах из Липецка делится с ним музыкальными новостями.

В Саратове, где в последние месяцы жизни было разрешено жить «государственному преступнику», Чернышевский — также в курсе всех культурных дел. Одно из последних событий жизни в родном городе — посещение концерта в саду братьев Максимовых (бывшем Сервье).

Через всю жизнь пронес великий гражданин России любовь к искусству, к музыке. И если на первый взгляд в жизни Чернышевского не было в этом отношении каких-то особо выдающихся событий, то каждое из свидетельств о соприкосновении с музыкальным искусством говорит о высоком накале этой любви, о больших духовных взлетах, радостях, которые она приносила Чернышевскому.

Природная музыкальность, чуткое, трепетное восприятие музыки, естественно, не могли не воплотиться в творчестве. Научные, критические, литературные труды Чернышевского выпукло выявляют его внутреннюю потребность приобщиться к миру музыки, черпать из сокровищницы народной и профессиональной музыкальной культуры. Обращения к любимому искусству, рассуждения о музыкальных явлениях, характерные примеры, связанные с музыкой, которыми полны многие страницы его произведений и писем, примечательны свободой, естественностью, органичностью постижения этой важнейшей области художественного творчества. С исчерпывающей полнотой раскрывается в сочинениях, эпистолярном наследии великого революционного демократа разносторонность его музыкальных интересов. Писатель нередко мыслит образами, связанными с музыкой, опирается на нее в доказательствах, рассчитывая на эмоциональную отзывчивость читателей. Причем музыка привлекается не только для создания художественных образов. Порой она бросает свой отсвет на композицию, участвует в создании формы сочинений — помогает с более полной художественной отдачей воплотить замысел.

Считавший знакомство с искусством, с музыкой обязательным для каждого культурного человека, Чернышевский предполагает, как само собой разумеющееся, что у читателя имеются представления о конкретных музыкальных произведениях, особенностях их формы, жанра. Потому так часты в его трудах, в письмах обращения к «музыкальным штрихам», ссылки на музыку. Это делает написанное Чернышевским по-

особому выразительным, многоемким, широкоохватным.

Трудно представить, чтобы в сложнейших исследованиях социально-экономических проблем, в сочинениях, пропагандирующих революционно-демократические идеи, можно было находить такие, на первый взгляд неожиданные, но, оказывается, очень закономерные точки соприкосновения с музыкой. Чернышевский находит и с большим умением замечательно использует знакомство с музыкой для разностороннего воплощения своих научных, критических, литературно-художественных замыслов. Особенно это проявляется в его сочинениях по эстетике.

Уже первое крупное сочинение — его магистерская диссертация — полно «музыкальных примеров». Со знанием дела пишет Чернышевский о народных песнях, их свежести, простоте, о роли музыки в постижении внутренней сущности явлений, о народном пении, о композиторском мастерстве; дает оценку музыке вокальной и инструментальной; называет музыку вместе с поэзией одним из высших, совершеннейших искусств. Двадцатилетний соискатель пишет об «учености гармонии», «изяществе развития», «богатстве украшений» итальянской арии, гибкости, несравненном богатстве голоса, ее исполняющего, противопоставляя всему этому искреннее чувство, которым проникнут бедный мотив народной песни, и душевное волнение ее исполнителей. Пишет Чернышевский о технике игры на музыкальных инструментах и технике пения, об аранжировках, все это ему хорошо известно. Доказывая, что формы и жанры по своим индивидуальным особенностям не всегда поддаются точной классификации, Чернышевский за примерами опять же обращается к музыке. Говоря о несовершенстве многих, даже самых выдающихся произведений искусства, он снова для примера берет музыкальные сочинения. И в примыкающих к диссертации статьях по эстетике Чернышевский также обнаруживает знание музыкальной теории, даже приводит пример, доступный только читателю, хорошо знакомому с нею[4]. Позже в литературных сочинениях он свободно оперирует понятиями «тоны», «регистры», «гаммы», «интервалы» и т. п.

В критических, публицистических, научных трудах, посвященных социально-экономическим проблемам, обращения Чернышевского к искусству, к музыке интересны, многозначащи. Рассуждая о меновой стоимости, благоприятных условиях

---

[4] См.: Чернышевский Н. Г. Эстетика. М., 1958, с. 312.

труда, о пробуждении политического самосознания народа, Чернышевский вплетает в цепь своих доказательств примеры из музыкального быта. В «Очерках из политической экономии (по Миллю)» он, к примеру, вводит такой штрих: «Положим, что труд превращается в продукт, но все-таки сравнивать их друг с другом точно так же не следует, как не следует звук фортепиано сравнивать с деревом и железом, из которых возникает этот звук» (*9,* 540—541).

Обращений к народным песням — сгусткам определенных эмоциональных состояний — в трудах Чернышевского очень много. И, как правило, они полны особого социального смысла. Говоря об истории художественного творчества, он показывает происхождение шедевров литературы из народно-песенного искусства, в качестве образца стройной музыкальной драматургии приводит оперу «Мельник, колдун, обманщик и сват».

Чернышевский прекрасно ориентировался в музыкальной литературе, отлично представлял, какое значение имеет для развития культуры та или иная фигура музыкального деятеля. Еще до работы в «Современнике», в 1854 г., он публикует в журнале «Моды» заметки о великой немецкой певице Г. Зонтаг. В. «Отечественных записках» рецензирует статьи периодической печати о Доницетти, Спонтини, Россини, «Очерк истории семиструнной гитары» г. Стаховича.

В упоминавшихся выше обзорах «Новости литературы, искусств, наук и промышленности» поражает обширность познаний, широта охватываемого материала, особая личная заинтересованность, какой-то даже профессионализм в пропаганде музыкального искусства. В литературной полемике, которую вел Чернышевский, он нередко также прибегает за доказательствами к музыке, очень много ссылается на хоровое пение, обращается к его выразительным возможностям в самых «торжественных» случаях.

Показательно внимание писателя к музыкальности литературного языка, к характеристичности звучаний природы.

Рамки статьи не позволяют подробно коснуться эпистолярного наследия Чернышевского и тем более его литературных трудов, которые также полны разнообразных «музыкальных моментов». Как правило, герои литературных произведений Чернышевского музыкально одарены, музыка им близка, они любят пение, оперу, внимательны к музыке в окружающей жизни, к звукам природы. Автор постоянно обращается к своим впечатлениям от музыки, музыкальных спектаклей. С не-

обыкновенной силой это проявилось в романе «Что делать?», с наибольшей полнотой воплощающем взгляды на жизнь, мысли о будущем гениального провидца. Редактируя рукопись для издания в «Современнике», Чернышевский с особым вниманием совершенствует «музыкальную партитуру» романа. Вдохновенным гимном революционной борьбе, труду и отваге, свободе и свету звучит уже в начале произведения популярная песня французской революции «Ça ira», бросающая отсвет на все содержание произведения. И кончается роман песенно-поэтической «сюитой», подчеркивающей стройную — «трехчастную» в музыкальном определении — его композицию.

Настоящая, искренняя любовь к музыкальному искусству, немалые познания в музыке, постоянное желание быть в мире музыкальных ощущений, глубокие волнения, навеваемые музыкой, отразились в произведениях мыслителя, революционного демократа, художника. Любовь к музыке Чернышевский пронес через всю жизнь.

Э. Г. Баландина

Н. Г. Чернышевский и национальный вопрос в России XIX века

Деятельность Н. Г. Чернышевского как философа широка и многообразна: история философии, теория познания, этика, эстетика, социология. И не последнее место в его творчестве занимает национальный вопрос. Для России XIX в. этот вопрос имел два аспекта: национальное самоопределение страны прежде всего по отношению к Западу и отношение к малым национальностям. Проблемы формирования нации стоят если не в центре внимания всей русской общественной мысли, то все же занимают значительное место в творчестве многих философов и общественных деятелей, в том числе таких, как Чернышевский.

Программа решения национального вопроса у Чернышевского была критически направлена против буржуазного на-

ционализма, шовинизма, космополитизма. Все оттенки этих концепций — от самых грубых до самых утонченных были представлены в общественной мысли России второй половины XIX в.

Отрицание буржуазного национализма связывалось у Чернышевского с признанием революции. Достаточно убедительный пример тому — его полемика по поводу событий в Италии. Публицисты помещичье-буржуазных органов печати утверждали, что национальное объединение Италии может быть достигнуто только сверху. Организующая сила в этом случае — умеренные либеральные интеллигенты типа Кавура. Демократы же выступали за Гарибальди и Мадзини, рассматривая Кавура как сторонника компромисса с реакцией. Итальянский вопрос Чернышевский тесно связывал с российскими делами. Он укорял итальянских революционеров за недооценку крестьянского вопроса, за неумение связать борьбу за национальное освобождение Италии с борьбой итальянских крестьян за землю. Он призывал их принять меры, обеспечивающие участие «массы в национальном деле», не упускать из виду, что «масса» хочет коренных изменений в своем материальном быте, что ей нужно коренное изменение отношения труда к капиталу и в особенности изменение поземельных отношений.

Написанные в тот же период статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные вопросам внешней политики европейских государств и обсуждению перспектив возможной войны в Европе, отражают точку зрения, во многом достаточно близкую позиции Чернышевского. К. Маркс связывает «итальянский вопрос» с внутренней политикой европейских стран, в том числе и России. Война против революционной Италии, считает он, была бы на руку России, способствовала бы укреплению ее позиций в Европе. Набирающий силы русский капитал рвался на европейскую арену, и проповедь объединения славян под флагом государства российского для того времени была реакционной. Царская Россия, выступившая за десять лет до того в качестве душителя европейского свободомыслия, для прогрессивного общественного мнения продолжала оставаться таковой, и упрочение ее политических и идеологических позиций в Европе и для революционных демократов, и для К. Маркса было бы одинаково нежелательно.

Во внутриполитическом отношении доктрина панславизма сыграла бы на руку сторонникам ужесточения внутренней политики, и прежде всего по отношению к неславянским нацио-

нальностям. И без того защитники николаевского «твердого порядка» были недовольны либерализмом Александра II. Возможно, что именно внутреннее положение в стране удержало царизм от выступления на внешнеполитической сцене в 1859 г. Ужесточение внутренней политики обмануло бы ожидания крестьян и либеральной интеллигенции, надеявшихся на «освобождение». Правительство боялось революции внутри страны. «Рано или поздно русскому правительству пришлось бы вмешаться; его внутренние затруднения могли бы быть разрешены войной за пределами страны, и благодаря успеху в ней императорская власть смогла бы сломить дворянскую оппозицию у себя в стране. Но, с другой стороны, финансовое бремя, порожденное крымской кампанией, утроилось бы, дворянство, к которому при таких критических обстоятельствах пришлось бы обратиться, получило бы новое оружие для нападения и защиты, а крестьянство, перед лицом все еще невыполненных обещаний, раздраженное новыми отсрочками, новыми рекрутскими наборами и новыми налогами, возможно, было бы доведено до восстания» [1].

Суждения русской демократической публицистики об Италии содержали много такого, что имело прямое отношение к острым вопросам отечественной действительности конца 50-х — начала 60-х гг. Во многих своих работах Чернышевский ставил решение национального вопроса в зависимость от решения политических и прежде всего классовых проблем. Различая национализм больших и малых, угнетенных и угнетающих наций, он подошел очень близко к сущности дела, усмотрев в политической борьбе, которая происходила в Галиции, социальную подкладку. Решение национальных и социальных проблем галицийских русинов либералы видели в присоединении Галиции к России. Будучи решительным противником реакционной доктрины панславизма, Чернышевский считал, что объединение славян вокруг царской России гибельно для малых славянских народов по двух причинам: во-первых, из-за угрозы насильственной русификации — основы национальной политики царизма, во-вторых, из-за разжигания национальной розни между угнетенными народами. Подлинную основу международной солидарности он видел в коренном изменении соотношения классов; а последнее возможно лишь в итоге революции.

В работах Чернышевского можно найти достаточно подт-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 178.

верждений понимания необходимой связи национального и классового. Скажем, в «Политике 1859 года» он пишет, что теперь очень много говорят о национальностях. Но симпатии и антипатии, возникающие при этом, значительно слабее чувств, внушаемых каждому его личными выгодами и потребностями. По этим выгодам все европейское общество разделено на две половины: одна живет чужим трудом, другая — своим собственным, первая благоденствует, вторая терпит нужду. Высказывания такого рода позволяют некоторым исследователям делать выводы, что Чернышевский вскрывает классовые корни национальных движений, утверждает приоритет классового над национальным и т. д. Иными словами, Чернышевскому приписывается решение тех вопросов, которые он не решил и полностью не мог этого сделать. Их возможно разрешить лишь с марксистских позиций. Чернышевский — последовательный фейербахианец и в решении общественных вопросов он только подходил к историческому материализму. У него приоритет классового над национальным проистекает из его теории «разумного эгоизма». С точки зрения этой теории, человек по природе своей ни добр, ни зол — он расчетлив. Норма его поведения — поиски выгоды, причем у подавляющего большинства нравственно недостаточно развитых людей преобладает выгода экономическая. Таким образом, интересы экономические, а вслед за ними и политические выдвигаются на перный план. Приоритет классового над национальным кроется в природе человека, в его особенностях — понятие, в сущности, центральное в фейербахианстве. К тому же Чернышевский не всегда последователен, и это несколько снижает принципиальность и концептуальность его позиции. В целом он не выходит за пределы традиционного для домарксовской философии идеализма с его утопизмом в области истории.

Характерная особенность утопического сознания определяется общим идеалистическим пониманием отношения человека к социальной действительности. Постулируя самодовлеющую природу человека, утопическое сознание делает ее ответственной за фундаментальные изменения в различных общественных сферах. Любая утопия стремится подняться над временем, разорвать его, опередить время, подтолкнуть его либо обратить вспять, — словом, отнестись ко времени как к пластическому материалу. В так называемые «нормальные» эпохи потребность разорвать связь времен ощущается не так остро. Но когда перехлестываются две эпохи, две культуры, два времени, когда рвутся привычные связи, возникает «рас-

пад времен», когда революционные изменения в сфере сознания наталкиваются на архаизм социально-политических структур — тогда возникает масса утопий самых различных ориентаций. Для большинства из них общим является то, что для достижения конечной цели — переустройства общества на справедливых и гуманных началах — необходимо объединение всех социальных сил, классов, слоев. Борьба классов воспринимается ими как помеха становлению нового общества. Находясь в целом в пределах утопического сознания, Чернышевский все же делает серьезные и важные шаги на пути его преодоления. Для него борьба классов уже не помеха, а необходимое условие общественного переустройства. Несмотря на некоторые объединительские черты, что нашло свое отражение в его взглядах на крестьянскую общину, Чернышевский связывает решение вопроса о лучшем будущем общества, а вместе с тем и национального вопроса, с революционным уничтожением класса эксплуататоров и самих условий существования таких классов.

Революционеры-демократы, в том числе Чернышевский, не могли предвидеть то решение национального вопроса, которое было теоретически обосновано и практически осуществлено в нашей стране. Не предвидели они и не могли предвидеть, что не крестьянская революция, а революция пролетарская станет тем мощным рычагом, который превратит царскую Россию из тюрьмы народов в союз свободных наций. Но нельзя видеть в творчестве Чернышевского только прекрасную утопию. Он дал социальную программу, рациональные зерна которой отразились в ленинской программе по национальному вопросу.

К. Ф. Фасеев, Я. Г. Абдуллин

Н. Г. Чернышевский и татарская прогрессивная мысль

Н. Г. Чернышевский, мыслитель широкого диапазона, оставил неизгладимый след в истории науки, культуры и общественной мысли. Причем его социальный взор и пламенный патриотизм охватывали всю необъятную Русь, все населяю-

щие ее народы. Русская революционно-демократическая мысль, наиболее выдающимся представителем которой был Чернышевский, постоянно притягивала к себе и вдохновляла лучшие демократические силы нерусских народов страны. Имя и творческое наследие Николая Гавриловича оказали могучее влияние на формирование мировоззрения деятелей национальной культуры.

Поистине огромное воздействие русской революционно-демократической мысли на развитие культуры и общественной мысли других национальностей определялось прежде всего тем, что она проникнута идеями дружбы народов. Чернышевский и его единомышленники уделяли большое внимание острейшей для многонациональной страны проблеме национального движения и национальных отношений, они высказали мысли, возвышающие их над всеми другими представителями домарксистской социологии. При рассмотрении ряда аспектов национального вопроса революционные демократы приближались к научным выводам, они стояли на позициях правильно понятого патриотизма, вели непримиримую борьбу против шовинистической и националистической идеологии, против безродного космополитизма и нигилизма. Для Чернышевского характерно глубокое уважение всех народов, их языков и культур. Он достаточно хорошо улавливал тенденции развития народностей и наций, диалектику национального и межнационального, обосновывал историческую необходимость сближения народов.

Чернышевский неплохо знал историю и культуру татар Поволжья и Приуралья, изучал их язык, фольклор и другие памятники культуры. В его наследии содержится весьма ценный материал по истории и культуре татарского народа, который часто использовался им при обосновании отдельных теоретических положений. Так, в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения», в связи с обоснованием закономерностей общественного развития, Николай Гаврилович в числе прочих факторов ссылается на татарский язык, подчеркивая постоянное его совершенствование[1].

В обращении-прокламации «К барским крестьянам...» он пишет: «Что толку, ежели в одном селе *булгу* поднять, когда в других селах готовности еще нет?» Здесь употреблено татарское слово «болга», что в данном контексте переводится «смута», «бунт». Это говорит не только о тонком знании Черны-

---

[1] См.: Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 464.

шевским значения татарских слов и употреблении их как политических терминов, но и о его ориентации на вовлечение татарских крестьян в общероссийское восстание против помещичье-крепостнического строя. Николаю Гавриловичу было известно активное участие татарских трудящихся в крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева и он рассчитывал, что, крестьяне-татары, испытывающие тягчайший социальный и национальный гнет, в борьбе против царского самодержавия пойдут рука об руку с русскими.

В трудах Чернышевского содержится немало сведений о давних хозяйственных и духовных связях русских и татар, о традициях постоянного обмена культурными ценностями и взаимного влияния их языков.

В XIX в. в лице просветителей среди татар формируется прогрессивная общественная мысль, имевшая демократическое содержание. Этот процесс не мог идти в отрыве от развития русской общественной мысли. Татарские просветители испытали на себе значительное влияние прогрессивной русской культуры, общественно-политической, философской и эстетической мысли, в том числе идей Чернышевского.

С уверенностью можно сказать, что с трудами Чернышевского был знаком видный татарский просветитель Хусаин Файзханов, который в период наиболее активной деятельности великих русских революционных демократов работал лектором-преподавателем Петербургского университета. Он вращался в кругу демократически настроенных общественных деятелей, был близким другом и единомышленником казахского просветителя Ч. Валиханова, который лично знал Чернышевского. Из архивных источников явствует существование у Файзханова очень теплых отношений со многими представителями из непосредственного окружения Николая Гавриловича, в частности братьями Курочкиными, П. И. Пашино и др.

Деятельность виднейших представителей татарского просветительства Каюма Насыри, Шигабутдина Марджани и Габдрахмана Ильяси протекала в сотрудничестве с учеными Казанского университета, являвшегося одним из крупных очагов распространения революционно-демократической мысли. Имя Чернышевского среди преподавателей и студентов университета пользовалось особым уважением. Один из современников писал в 1857 г., что в Казани «только и говорят о Николае Гавриловиче»[2]. «Современник» и «Колокол» ходи-

[2] История Татарской АССР. Казань, 1951, т. I, с. 370.

ли здесь по рукам, неутомимо переписывались, зачитывались до дыр»[3].

Вдохновляющее влияние идей Чернышевского на студентов и преподавателей Казанского университета чувствовалось не только в период, когда он непосредственно руководил российским революционно-демократическим движением, но и тогда, когда царскими палачами был заточен в сибирскую каторгу, а потом был вынужден отбывать долгие годы ссылки. Еще в начале 60-х гг. XIX в. его сторонниками организуется казанский комитет «Земли и воли», а в 70-х гг. развертывается деятельность революционных народников, часто вспыхивают студенческие волнения и протесты демократически настроенной профессуры университета. В демократическом движении русских разночинцев активно участвуют и выходцы из татар — студенты А. Абдрахманов, М. Кутлубаев, И. Рязапов, А. Абдулгаллямов, Г. Алеев и другие[4].

Тесно связанные с радикально настроенной общественностью Казанского университета и демократическими кругами русской интеллигенции, татарские просветители не могли не пропитаться идеями Чернышевского и других революционных демократов. Примечательно, что татарские просветители по важнейшим вопросам истории своего народа и его этногенеза отстаивали позицию, которой придерживался великий русский революционный демократ. Как известно, Чернышевский в работе «Антропологический принцип в философии» писал, что «из нынешних крымских, казанских и оренбургских татар едва ли есть хоть один человек, происходящий от воинов Батыя, что нынешние татары — потомки прежних племен, живших в тех местах до Батыя и покоренных Батыем, как были покорены русские, и что пришельцы-завоеватели все исчезли, все были истреблены ожесточением порабощенных»[5]. Просветители Марджани и Насыри точно так же считали современных татар прямыми потомками не монгольских завоевателей, а тех племен, которые издавна жили в волжско-камском крае, — булгар и кипчаков.

Эта концепция, подтвержденная исследованиями советских историков, археологов, этнографов и языковедов, важна

---

[3] Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974, с. 138.

[4] См.: Михайлова С. М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. Казань, 1972, с. 215—223.

[5] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 245—246.

тем, что начисто опровергает тенденции отрыва татарского народа от своих исторических и этнических корней.

Татарские просветители, как и Чернышевский, отстаивали идею равенства прав различных народов на хозяйственное и нравственно-культурное развитие, с уверенностью смотрели в будущее, были убеждены в торжестве разума и справедливости. С тех же позиций, что и Николай Гаврилович, они решали вопрос о соотношении разума и нравственности. Им импонировала мысль Чернышевского, что «просвещение корень всякого блага». Руководствуясь этим положением, они добивались приобщения своего народа к достижениям передовых наций в области науки и культуры.

Влияние идей Чернышевского отчетливо прослеживается также в эстетических представлениях татарских просветителей, вставших на защиту искусств от нападок консервативного мусульманского духовенства. В своих произведениях они поднимали проблемы роли и значения искусства в жизни общества, эстетического идеала, соотношения искусства и действительности, единства формы и содержания, и при их решении подходили к точке зрения, отстаиваемой русским революционным демократом.

Плодотворное влияние передовой русской культуры и общественно-политической мысли на умы и настроения демократической татарской общественности особенно усилилось в начале XX в., в период нового революционного подъема, который возглавил рабочий класс. Татарский народ выдвинул из своей среды замечательную плеяду энтузиастов демократической культуры — писателей, поэтов, журналистов, зачинателей периодической печати, театра, литературной критики. Некоторые из них — Хусаин Ямашев, Гафур Кулахметов, Галимджан Сайфутдинов и другие — в годы первой русской революции поднялись до усвоения идей марксизма-ленинизма. А такие выдающиеся писатели-публицисты, как Галиасгар Камал, Габдулла Тукай, Мажит Гафури, Шакир Мухамедов, Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов, стояли на позициях революционного демократизма, ощущая при этом сильнейшее влияние социал-демократической, марксистско-ленинской идеологии и горячо сочувствуя ей.

Деятелям татарской демократической культуры хорошо была известна выдающаяся роль Чернышевского в развитии общественно-философской мысли и освободительного движения в России. Читал его произведения Габдулла Тукай, назвавший себя истинным сторонником социалистов. Он даже

будучи тяжело больным не переставал интересоваться художественной и политической литературой на русском языке. Среди книг, доставлявшихся ему в больницу, свидетельствует проф. Г. Клячкин, «были отдельные номера «Колокола», «Былое и думы» Герцена, «Что делать?» Чернышевского» [6].

В годы учебы в Казанской русско-татарской учительской школе изучал произведения Чернышевского первый татарский большевик-ленинец Х. Ямашев. К трудам Николая Гавриловича приобщается в эти годы и Гафур Кулахметов, ставший основателем татарской пролетарской литературы. О благородном влиянии Чернышевского и других русских революционных демократов на Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова свидетельствует весь дух, все идейно-художественное содержание их творчества.

Прогрессивные татарские мыслители обращались к трудам русских революционных демократов в поисках путей решения злободневных социально-политических, нравственных и эстетических проблем. Поэтому многое из того, что содержится в идейном арсенале лучших представителей татарской общественной мысли, напоминает сказанное в свое время Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым. Татарские революционные демократы бичевали царизм и феодальные порядки, разоблачали капиталистическую систему эксплуатации и угнетения. Они считали себя идеологами трудящихся, вскрывали все язвы в жизни своей нации. Вместе с тем сквозь темную завесу нищеты и жалкой участи народа они увидели в нем непреоборимую революционно-преобразующую силу. «По правде говоря, — писал Г. Тукай, — народ велик, он могуч... Пока он находится под гнетом каких-то темных сил, но такое состояние, как временная болезнь, проходяще» [7].

Наблюдая жизнь трудящихся масс, прозябающих в нищете и рабстве, разоблачая бесчеловечность эксплуататорских классов, Г. Тукай и его единомышленники приходили к смелым революционным выводам, созвучным высказываниям Чернышевского, звали народ к открытой борьбе против угнетения.

Неограниченный доступ к лучшим духовным ценностям прошлого открылся с победой Великой Октябрьской революции. В условиях социализма татарские массы получили возможность для ознакомления с творчеством вождя русской ре-

---

[6] См.: Г. Тукай. (Материалы научной сессии, посвященной 60-летию со дня рождения поэта. 1886—1946). Казань, 1955, с. 87.

[7] Тукай Г. Избранное. В 2-х т. Казань, 1960-1961, т. 2, с. 9.

волюционной демократии, а писатели — для открытого выражения своей симпатии к нему, для изучения и воплощения его эстетических принципов. В своей книге «О пролетарской литературе», изданной в 1924 г., Галимджан Ибрагимов обращался к эстетическим взглядам Чернышевского для обоснования роли и задач новой литературы. Творчество Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова он считал замечательным образцом борьбы за литературу и искусство как мощное орудие служения народу, интересам социального прогресса.

Неоднократно изданный в переводе на татарский язык роман «Что делать?» в Советской Татарии стал одной из популярнейших среди молодежи книг. Литературное и теоретическое наследие великого сына России находится под неослабевающим вниманием ученых республики. В их трудах освещается деятельность Николая Гавриловича как великого революционера-демократа, ученого, писателя. В последние годы появились работы, в которых исследуется отношение Чернышевского к татарской культуре и языку. В этом плане заслуживает внимания публикация М. Х. Гайнуллина «Чернышевский и его рукописи на татарском языке». Центральное место занимает наследие Николая Гавриловича в работе Х. Мухамедова «Русские революционные демократы о татарском народе и его культуре». Распространение идей Чернышевского и других русских революционных демократов в Казанском университете и среди разночинной интеллигенции города широко изучается в книгах Г. Н. Вульфсона и Е. Г. Бушканца. Научные работники Татарии продолжают исследовать многогранную революционную деятельность последователей Чернышевского в Казани и Казанском университете, уделяя особое внимание раскрытию их влияния на татарскую общественную мысль. К 150-летию со дня рождения Николая Гавриловича Татарское книжное издательство выпустило работу «Чернышевский и татарская общественная мысль».

«Мы знаем, — писал Чернышевский, — так же верно, как $2 \times 2 = 4$, что за ночью последует день, и кто доживет до светлого дня, конечно будет наслаждаться сиянием, более ярким и живительным, нежели какой давали светила ночи, которые озаряют ныне путь наш во мраке!»[8]. Эти вдохновенные слова Чернышевского из «Очерков гоголевского периода русской литературы» были вычеркнуты царской цензурой. Но ничто не

[8] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 756.

могло поколебать веру великого революционера-демократа в светлое социалистическое будущее. И никакие репрессии не были в состоянии остановить проникновение его идей в сознание передовых людей России.

Русским революционным демократам, как и многим их последователям из среды татар, не удалось увидеть осуществления светлого идеала социализма. Но их борьба не пропала даром, она вдохновила борцов нового поколения. Их славные традиции продолжали и развивали пролетарские революционеры, приведшие народы России к полной победе над эксплуататорами, к торжеству социализма. Грандиозные достижения, завоеванные за 60 лет развития по пути Великого Октября, являются замечательным памятником всем тем, кто, подобно Н. Г. Чернышевскому, отдал свою жизнь, знания и силы делу борьбы за свободу и счастье трудового народа.

В. Ф. Листвин

Социально-политические воззрения Н. Г. Чернышевского

Н. Г. Чернышевский — один из тех революционных демократов XIX в., которые сыграли большую роль в русском революционном движении и в развитии революционной мысли. Решающее влияние на процесс формирования мировоззрения Чернышевского оказала классовая борьба, принявшая наиболее острый характер в России в период подготовки и осуществления крестьянской реформы 1861 г.

Выдающимся проявлением революционного демократизма Чернышевского явился его подход к решению проблем отмены крепостного права в России. Чернышевский считал крепостное право основным злом, главнейшим источником всех общественных бедствий в России. В условиях крепостного права, замечал он, невозможны «ни правильный ход администрации, ни верное отправление правосудия» (*5*, 65), так как почти половина населения Европейской России стояла вне закона.

Однако для Чернышевского было очевидным, что рефор-

ма, готовившаяся царским самодержавием, означала ограбление крестьян и была антинародной по своему существу. Он писал: «Чего ждет теперь крестьянин? Он ждет воли. Чего ждет он от воли? Облегчения своей судьбе. Какое же почувствует он облегчение и поймет ли он волю, если его заставят платить оброк не меньше или даже больше нынешнего или заставят попрежнему ходить на барщину? Как поймет он такое освобождение? Он не поймет его, он почтет себя обманутым, — и что тогда будет?» (*5*, 734).

Поэтому Чернышевский протестовал против реформы, желал, чтобы царское правительство запуталось в своем заигрывании с либералами и помещиками и наступил крах, который бы направил Россию на путь открытой борьбы классов. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, — указывал В. И. Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства» [1].

Так, в «Письмах без адреса» Чернышевский показал, что бюрократическая система русского монархизма способна лишь на реформы, которые, по существу ничего не изменяя, вызывают только ненависть у трудящихся. В «Письмах без адреса», в статье «Предисловие к нынешним австрийским делам», а также в ряде других публикаций Чернышевский проводил идею о том, что для развития России по пути социального прогресса нужно ликвидировать самодержавие. В отличие от великих западноевропейских социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, отрицавших политическую борьбу, революцию как средство уничтожения эксплуататорского строя и построения социализма, Чернышевский делал ставку на классовую борьбу и революционную активность трудящихся. В своей знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» он прямо и открыто призывал народ России к восстанию, к насильственному уничтожению помещичьего землевладения, к свержению царского строя (*7*, 517—524). В этом важном документе, революционно-демократическом по своему характеру, Чернышевский призывал перейти

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 291.

от оружия критики к критике оружием, к борьбе под знаменем крестьянской революции.

Великому революционному демократу была присуща вера в мощные силы трудового народа, он был убежден в революционных возможностях «простолюдинов», подразумевая под этим наименованием всю массу трудящихся и прежде всего крестьянство России. Чернышевский верил в то, что в результате крестьянской революции возникнет государство, выражающее власть крестьян, работников, батраков и других представителей трудящихся. Это будет демократическая республика с властью, избираемой в центре и на местах, которая прежде всего уничтожит помещичью земельную собственность. Эта государственная власть будет использоваться для максимального развития науки, техники, машинного производства, она обеспечит равенство между мужчиной и женщиной, покончит с национальным угнетением, установит с народами, ведущими борьбу за свободу и независимость, отношения братской поддержки и солидарности.

Важно также отметить, что, являясь убежденным сторонником революции, Чернышевский не отказывался и от борьбы за реформы, за осуществление частичных требований трудящихся, подчиняя эту борьбу выполнению задачи подготовки народных масс к революционному выступлению. Так, делая ставку на революцию, Чернышевский участвовал в обсуждении крестьянской реформы. Выступая с критикой проектов реформы, выдвигаемых представителями господствующих классов России, вскрывая их враждебную народу сущность, Чернышевский способствовал тем самым просвещению трудящихся, выработке у широких народных масс понимания противоположности своих интересов интересам эксплуататоров. При этом он подчеркивал, что реформы, являясь побочным результатом революционной борьбы трудящихся, могут привести к изменениям существующих отношений только в границах, не меняющих основ общественного строя и господства данного класса (*8*, 72, 342).

Большое внимание Чернышевский уделял будущему социалистическому обществу. Он был уверен, что строй эксплуатации и угнетения сменит такая общественная организация, которая будет торжеством социальной справедливости. Критикуя социалистов-утопистов Западной Европы, которые не видели объективных экономических предпосылок социализма и для которых социализм был лишь воплощением идеала разумного общества, Чернышевский свой вывод о неизбежности наступ-

ления новой эпохи человеческой истории делал на материалистической основе. Так, в «Основаниях политической экономии» он утверждал, «что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и, что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов» (*9*, 222).

Сущность социализма, указывал Чернышевский, состоит в том, чтобы трудящийся пользовался всеми плодами своего труда. Системе производства, основанной на обмене, он противопоставил такую систему производства, которая будет основываться на сочетании производства и потребления. «...Цель производства для трудящегося, — писал Чернышевский в работе «Капитал и труд», — есть потребление произведенных ценностей, а для капиталиста — сбыт их в другие руки для выигрыша через обмен. Мерилом производства для трудящегося служат надобности его собственного потребления..., а мерилом производства для капиталиста служит только размер сбыта» (7, 49).

По его мнению, в социалистическом обществе будут созданы промышленно-земледельческие товарищества, представляющие собой объединения в виде производственных ячеек, работающих под руководством выборных управлений (*9*, 357—362). Производственные товарищества, вступая между собой в договорные отношения, образуют в целом единый хозяйственный и политический коллектив. При такой форме производства, где законом развития общества будет «точный счет общественных сил и потребностей» (9, 433), невозможны ни перепроизводство, ни кризисы, ни разрушительная конкуренция, ни анархия производства. Иначе говоря, одним из решающих условий функционирования социалистического общества является развитие народного хозяйства в целом по единому плану.

Итак, Чернышевский разработал программу созидания такого нового общественного строя, где классы наемных работников и нанимателей исчезнут, заменившись одним классом людей, которые одновременно будут тружениками и хозяевами и где не будет эксплуатации человека человеком, а владыкой будет труд.

Великий мыслитель-революционер высказал и гениальные догадки об отличии коммунизма от социализма. Он рассматривал коммунизм как более высокую, чем социализм, ступень общественного развития. Так, в примечании к переводу Милля

Чернышевский писал, что «коммунизм... берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма» (*9*, 831).

Примечательно и то, что Чернышевский не делал скоропалительных заключений относительно темпов экономических и социальных изменений по пути к социализму. По этому поводу он замечал, что «в вопросах о будущем можно определительно видеть только цель, к которой идет дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достижение этой цели... По всей вероятности, это будет история очень длинная» (*9*, 222, 833).

Однако социализм Чернышевского был утопическим. И это проявилось прежде всего в признании им возможности перехода России к социалистическому строю, минуя капиталистическую стадию развития, в том, что он считал крестьянскую общину основой социалистического переустройства общества. Н. Г. Чернышевский, как писал В. И. Ленин, был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму, веря в старую, полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х гг. прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма[2].

Чернышевский в своих работах (в частности, в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения») высказывал суждения, что русская крестьянская община якобы может удержаться против капитализма и при условии победы крестьянской революции, уничтожения крепостнического строя способна стать опорой непосредственного и сокращенного перехода России к социалистическому обществу. Этот ошибочный взгляд можно объяснить той конкретно-исторической обстановкой, которая сложилась в то время в отсталой России.

Однако необходимо особо подчеркнуть, что Чернышевский был не только социалистом-утопистом. «Он был также, — указывал В. И. Ленин, — революционным демократом, он умел

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[3]. Деятельность Чернышевского — это вершина в развитии философских, экономических, социально-политических идей домарксова периода, и он поистине является национальной гордостью русского народа.

А. И. Морозов

Социалистический общественный идеал Н. Г. Чернышевского

Н. Г. Чернышевский оставил столь значительное наследие, что его изучают ученые самых разных направлений и специальностей. Но для нас, обществоведов, и это естественно, принципиальное значение имеет ленинская оценка Чернышевского — «великий русский писатель, один из первых социалистов в России»[1], чьи труды, от которых «веет духом классовой борьбы»[2], во многом определили пути развития русской (и не только русской) общественной мысли. Это тем более важно подчеркнуть, что современные буржуазные идеологи стремятся приглушить революционную активность Чернышевского, оторвать его (как и других революционных демократов) от социально-политической борьбы его времени и — главное — отрицают объективную необходимость революционного преобразования эксплуататорского общества, замены его новым, социалистическим, сторонником чего и выступал Чернышевский. Из всех русских мыслителей он оказал наибольшее влияние на идейное формирование Ленина. Все передовое в русском освободительном движении Ленин связывал с его именем. Примечательно, что портрет великого революционера-демократа Ленин хранил во время сибирской ссылки, а его сочине-

[3] Там же.
[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 152.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

ния постоянно перечитывал, будучи руководителем первого в мире социалистического государства. И сегодня, когда отмечается 150-летие великого революционера-демократа, мы с удовлетворением сознаем: Чернышевский — наш современник, наш верный соратник в борьбе за идейные и нравственные ценности, которые вдохновляют строителей коммунистического общества. Потребность общения с ним возникает у нас не только в связи с тем или иным юбилеем, но и в постоянной практике идейно-воспитательной работы. Идейное наследие Чернышевского, равно как и его революционная деятельность, позволяют говорить о значении его общественно-политических взглядов для нашего времени, выявить близость его воззрений взглядам основоположников научного коммунизма. При этом следует избегать упрощений, когда высказывания великого русского революционера-демократа располагаются сообразно той структуре диалектического метода и философского материализма, которая выработана в иных исторических условиях основоположниками марксизма. Это ведет к искусственному приукрашиванию и модернизации отдельных положений Чернышевского, отрывает его учение от конкретно-исторических условий, в которых оно возникло, извращает его [3].

В 60-е гг. прошлого века в России еще не было условий для формирования научного социализма. Именно отсюда проистекали утопические элементы в исторических идеях даже самых передовых мыслителей. Но та же эпоха с непрерывно растущим движением народных, преимущественно крестьянских масс, активизировала мысль Чернышевского, поставила его во главе борцов за революционное обновление общества.

Для характеристики взглядов Чернышевского на социалистическое общество важно учитывать его мысль о связи между общественной психологией и научной идеологией: «Первые проявления новых общественных стремлений всегда имеют характер энтузиазма, мечтательности, так что более походят на поэзию, чем на серьезную науку» [4]. Отсюда следовало, что знание, прежде чем стать научным, должно пройти определенные ступени формирования и становления.

Необходимый этап становления научного знания о новом обществе — социалистический общественный идеал, под которым революционные демократы понимали образ будущего, вы-

---

[3] См.: Иовчук М. Т. Материалистическое мировоззрение Н. Г. Чернышевского — высшее достижение марксистской философии.— Вестник АН СССР, 1953, № 7, с. 21.

[4] Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1951, т. 3, с. 123.

ступавший высшей целью революционно-преобразовательной практики. При этом эстетический идеал так относится к идеалу социальному, как образ к понятию.

Чернышевский гениально догадывался о том, что коммунизм в своем развитии пройдет определенные стадии, подчеркивая, что «коммунизм... берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма» (*9*, 831).

Построение социализма, отмечал Чернышевский, — чрезвычайно длительный процесс, который потребует изменений не только в области материальной, но и в сфере сознания, воспитания людей. Представления о социализме как бездуховном муравейнике, присущие, в частности, философу-идеалисту В. С. Соловьеву, чужды революционеру-демократу.

Движение истории к социализму Чернышевский представлял как общий закон прогресса, а не в виде достояния какого-либо народа, особо «склонного» к социалистическому устройству общества[5]. Победу социализма в России революционер-демократ связывал с крестьянской революцией, которая должна была, по его мысли, привести страну к социализму, минуя капитализм. Экономической базой социализма Чернышевский считал крестьянскую общину, в чем проявилась известная ограниченность и утопичность его учения о социализме. Но это было обусловлено феодально-крепостнической действительностью того времени.

В «Что делать?» — самом популярном своем творении — Чернышевский предчувствует, предвидит то новое, которое только зарождается и которому принадлежит будущее. «Своеобразие «Что делать?», — сказано в предисловии П. Николаева к изданию романа в «Библиотеке всемирной литературы», — заключается в том, что книга эта органично и естественно сочетает строго продуманную и логичную революционно-философскую систему, стройное учение о социалистическом переустройстве общества, с глубоко личной, местами лирической интонацией рассказа о частных судьбах частных

---

[5] См.: Мезенцев П. А. Великий мыслитель, революционер, писатель.— В кн.: Чернышевский Н. Г. Прекрасное есть жизнь. М., 1978, с. 15-16 (вступ. ст.).

людей; она реализует в неповторимом художественном целом открытый публицистический пафос злободневности, пафос политического воззвания, революционной прокламации и высоту великих общечеловеческих идеалов, непреходящих нравственных ценностей человечества. Это случай необычайный и в истории литературы, и в истории освободительного движения». Один из жанрово-композиционных потоков произведения — сны Веры Павловны, героини романа; в них в аллегорической форме говорится о грядущей революции и социальном переустройстве общества. У Чернышевского сон — аллегория, но не прямая, как, например, у Радищева. Это — смелая фантазия, реальная и поэтическая [6].

При этом следует рассматривать в единстве факты личной жизни героини, отраженные в снах, и социально-философские проблемы, поставленные писателем. В знаменитом «четвертом сне Веры Павловны», главе, наиболее ярко рисующей общественный идеал героев романа, устремление к будущему выражено со всей отчетливостью: совместный общий труд, ликвидация противоположности между городом и деревней, всестороннее развитие физических и духовных сил человека. При этом мы ни на минуту не забываем, что перед нами — высокохудожественное литературное произведение. «Новые люди» — Кирсанов, Лопухов, «особенный человек» Рахметов, — предстают в романе в «отблеске сияния» социалистического идеала. Мастерство писателя проявилось в естественном и художественно убедительном сочетании личного, индивидуального в жизни героев с политическим и философским осмыслением русской действительности и перспектив общественного прогресса. В самом начале описания общества будущего автор знакомит читателя с преобразованной руками человека природой. «Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные... По этим нивам рассеяны группы людей, везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе. Но больше молодых» (*11*, 277—278).

В решении Чернышевским проблемы ликвидации противоположности между городом и деревней прослеживается известное отличие от многих утопистов прошлого, считавших наилучшим местом проживания город (Т. Мор). В обществе будущего, изображенном в романе «Что делать?», «городов осталось меньше прежнего, — почти только для того, чтобы быть

---

[6] См.: Бландова Н. Г. Композиционно-стилистические и языковые особенности «снов Веры Павловны».— Рус. яз. в школе, 1974, № 6, с. 64.

центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней, в других центрах сообщений..., большая часть их жителей беспрестанно сменяется, бывает там для труда, на недолгое время» (*11*, 281). В романе подняты проблемы, которые не потеряли своей актуальности и сегодня; в частности, изложена обширная программа развития личности, ее духовного роста, интеллектуального, физического и эстетического совершенствования. Люди общества будущего имеют «все наше нравственное развитие вместе с физическим развитием крепких наших рабочих людей» (*11*, 283). Они могут периодически разнообразить свою работу, так как приспособлены и к физическому, и к умственному труду. Чернышевский мыслил создание будущей социалистической экономики на базе самой передовой машинной техники, с помощью которой люди могли бы успешно преобразовывать природу, повышать производительность труда, развивать свои способности: «Почти все делают за них машины — и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их — люди почти только ходят, ездят, управляют машинами» (*11*, 278). В этих условиях произойдет всесторонний расцвет личности. Всесторонне развитые люди будут использовать досуг для совершенствования своих талантов, духовно обогащать себя. Как созвучны эти мысли нашему времени, задачам формирования нового человека, поставленным Программой КПСС, Конституцией СССР — документами научного коммунизма!

В отличие от многих социалистов-утопистов, осуществление своей программы Чернышевский связывал с преобразованием общества путем народной, крестьянской революции. Надо заметить, что Чернышевский-художник не формулирует тех идей, которые в его повествовании являются наиболее существенными; основную идеологическую тенденцию романиста читатель должен уловить самостоятельно [7].

Поскольку социалистические идеи связывались с утопическими путями их претворения в жизнь, естественно, что и само понимание социализма не могло быть научным. В романе «Что делать?», где впервые в русской и мировой литературе убедительно показано преимущество социалистического общества, некоторый налет утопизма в изображении будущего связан с романтизацией социалистического идеала. Но это была революционная утопия, ибо она воодушевляла лучших людей того времени на борьбу с отжившим антинародным стро-

---

[7] См.: Руденко Ю. К. Художественный стиль логических понятий в романе «Что делать?» — Рус. лит., 1972, № 3, с. 117.

ем; тесно связанная с революционным демократизмом Чернышевского, она толкала общество вперед. Не следует рассматривать роман «Что делать?» как учебник политэкономии или справочник революционера. Это — художественное произведение и социально-политический трактат одновременно. Поэтому передовые идеи, изложенные в нем, приобретают особую значимость и убедительность. Творчество великого революционера-демократа — высший этап в развитии домарксистской общественной мысли, утопического социализма. Неиссякаемая вера Чернышевского в могучую, неисчерпаемую силу народных масс, его глубокое убеждение, что победа народного дела может быть достигнута только в результате классовой борьбы революционных масс трудящихся, делает его идеи близкими нам сегодня.

Анализ социальных воззрений великого революционера-демократа позволяет по достоинству оценить его вклад в развитие передовой общественной мысли, в борьбу за лучшее будущее своего народа. Идеи Чернышевского зримо воплотились в советском обществе — обществе развитого социализма, высшем достижении социального прогресса.

Поскольку социалистический общественный идеал как образ желаемого будущего — понятие, достаточно широко применяемое ныне для характеристики социальных аспектов учений, предшествовавших научному социализму, — видимо, целесообразно поставить вопрос о применении в научном коммунизме категории «социалистический общественный идеал». Использование указанной категории при изучении утопического социализма позволит создать целостную теоретическую картину исследуемого явления, более четко охарактеризовать классовую направленность и социальный смысл разнообразных течений передовой общественной мысли прошлого, одним из выдающихся представителей которой был Николай Гаврилович Чернышевский.

В. М. Петраченкова

Общественно-политические взгляды Н. Г. Чернышевского в интерпретации современной буржуазной историографии ФРГ

60-е гг. XIX в. в России, знаменовавшие исторический поворот от крепостничества к капиталистическому строю, постоянно привлекают внимание буржуазных авторов. В ФРГ об этом поворотном этапе русской истории пишут Р. Штупперих, Г. фон Раух, П. Шайберт, Й. Вахендорф, В. Кампманн, Г. Хуке, Х. Нейбауер и др.

Общественно-политическая борьба 60-х гг. прошлого столетия, бывшая следствием глубоких экономических причин, выдвинула две исторические силы — революционных демократов во главе с Н. Г. Чернышевским и либералов. Превратно освещая эпоху 60-х гг., искажая смысл и сущность событий того периода, западногерманские историки неизбежно приходят к искажению социально-политических взглядов и роли революционных демократов как идейных выразителей передовых тенденций своего времени. Усилия многих буржуазных историков направлены на то, чтобы стереть существенное различие между либеральной оппозицией и революционными демократами, представить некий «единый поток» национально-освободительного движения, в котором главная роль принадлежала либералам, их теориям, проектам. Нередко западногерманские историки вместо прямых негативных оценок общественно-политических воззрений Чернышевского высказывают суждения, направленные на выхолащивание революционной направленности его взглядов. В связи с этим буржуазные авторы довольно часто спекулируют на фактах личной биографии русского мыслителя, в частности на особенностях его духовного становления.

Известно, что идейное становление Чернышевского совершалось в условиях подъема крестьянского движения в России. Буржуазные революции 1848 г. в Западной Европе вызвали у него интерес к социализму. В период обучения в Петербургском университете у Чернышевского происходил критический пересмотр усвоенных в семье религиозных взглядов. Как видно из его юношеского дневника, этому немало способствовали

революционные события в Европе. Процесс формирования революционно-демократического мировоззрения Чернышевского был сложен и противоречив. Его «Дневник» за 1848—1853 гг. содержит мысли о богословии, христианстве, надклассовом государстве, и все это переплетается с материалистической философией Фейербаха и диалектическим методом Гегеля, утопическим социализмом и резкой критикой самодержавия и крепостничества.

П. Шайберт, опираясь на некоторые дневниковые записи молодого Чернышевского за 1846—49 гг., утверждает, что Чернышевский, читая сочинения западноевропейских писателей, именно тогда пришел к выводу о невозможности существования общества без естественной религии. Пытаясь рассмотреть вместе религию и политику под новым углом зрения, он будто бы решил старую религию заменить новым откровением [1], в котором, по словам Р. Белльмана, на место бога ставится закон природы, а вера вытесняется знанием [2]. Поэтому с Чернышевского якобы наступает «теологический момент русского радикализма» [3]. Европейские события («социальная проблематика», по выражению Шайберта) не затронули его по существу, «они были только моментом его индивидуального религиозного развития» [4].

У молодого Чернышевского действительно встречаются рассуждения о «естественной религии». Но они — не более, чем дань социализму французских утопистов, особенно сен-симонистов, которыми увлекался молодой человек в самый ранний период. Внимательное чтение «Дневника» без препарирования его текста убеждает в антимонархическом, антикрепостническом образе мыслей Чернышевского-юноши. Усвоение социалистических учений, стимулировавшееся революционными событиями на Западе и ростом недовольства низших слоев русского общества, привело не к официально-славянофильскому выводу о том, что «понятия Запада невозможно переносить на русскую почву» [5], а к естественному заключению, что только борьбой народ может достигнуть свободы, что «угнетаемым

---

[1] Scheibert P. Der jünge Černyševskij und sein Tagebuch.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1957, Bd. 5, H. 1-2, SS. 192, 193, 196.

[2] Bellman R. Machtergreifung der Erde.— Zeitschrift für Geopolitik in Gemeinschaft und Politik. Bad Godesberg, 1959, Jg. 30, H. 7-8, S. 49.

[3] Scheibert P. Von Bakunin zu Lenin, Bd. 1, Leiden, 1956, S. 344.

[4] Scheibert P. Der jünge Černyševskij und sein Tagebuch, S. 192.

[5] Там же.

нет надежды ни на правосудие, ни на что, и между угнетателями их нет людей, стоящих за них» (*1*, 356).

Эти мысли двадцатидвухлетнего Чернышевского со временем превратились в твердое убеждение, что непримиримая борьба классов пронизывает всю человеческую историю, что «никогда никакой класс людей не приобретал улучшения своей жизни иначе, как силою собственного стремления к лучшему..., все хорошее настоящее приобретено борьбою и лишениями людей, готовивших его; и лучшее будущее готовится точно так же» (*12*, 73).

Во многих работах Чернышевского отразилась его борьба с либерализмом. Революционер-демократ убедительно вскрывал антинародную сущность либерализма, бессодержательность таких либеральных лозунгов, как «демократия», «свобода», «прогресс», «народное просвещение». В целом ряд статей на экономические темы он подверг критике выдвигавшиеся либералами принципы «невмешательства государства в деятельность частных лиц», «свободы частной инициативы», их претензию выдать себя за выразителей интересов наций, представить буржуазное общество в качестве гармонической системы. Либералы много говорили о том, что общество не должно налагать на экономическую деятельность лица никаких стеснений. Чернышевский подробно рассматривал этот и подобные ему тезисы и приходил к выводу, что в буржуазном обществе эти принципы при последовательном их проведении превращаются и не могут не превращаться в собственную противоположность. «События обнаружили пустоту и решительную бесполезность... либерализма, хлопотавшего только об отвлеченных правах, а не о благе народа, само понятие о котором оставалось ему чуждым, — писал Чернышевский. — У лучших проповедников его это было легкомысленное заблуждение относительно истинных потребностей нации; другие пользовались этим так называемым либерализмом как приманкою для привлечения нации на свою удочку, — а для чего нужно было им привлечь нацию, оказалось потом, когда они успели захватить власть: они искали власти для того, чтобы набить себе карманы» (*3*, 213).

В тот период, когда обострился кризис феодально-крепостнической системы, а либералы, выдавая себя за поборников народных интересов, призывали крестьян к соглашению с царем и крепостниками, Чернышевский разоблачал не только царизм, но и либералов. Это важно подчеркнуть еще и потому, что некоторые западногерманские авторы, противореча собст-

венным выводам, пытаются доказать, что позиция «радикала» Чернышевского в отношении крестьянской реформы вызывает серьезные сомнения в его революционном демократизме. Так, В. Леонтович, ссылаясь на «Современник», пишет: «...планы реформы Александра II приветствовались прежде всего даже крайним представителем радикализма и социализма, как Чернышевский» [6]. X. Нейбауер, обращаясь к «Письмам без адреса», утверждает, что Чернышевский «не считал требования дворян эгоистичными», что он рассматривал дворян как представителей народа [7]. П. Шайберт, касаясь деятельности подпольной группы «Великорусс», к которой принадлежал Чернышевский, прямо говорит о «тактике, направленной на заключение политической сделки с либералами» [8].

Конкретный анализ линии поведения Чернышевского на общественной арене в период подготовки крестьянской реформы показывает, что революционер-демократ приветствовал намерение провести реформу, но не ее планы. Уже во второй статье «О новых условиях сельского быта», опубликованной в 1858 г., он явно обнаруживал свое расхождение с официальной программой. Всем пунктам программы Чернышевский противопоставил революционно-демократические требования. В основании рескриптов лежало положение: «помещикам сохраняется право собственности на всю землю». А вот что писал Чернышевский: «Наш крестьянин считает поле, которое он обрабатывает на себя, своей собственностью, или лучше сказать, собственностью своей общины». И добавляет: «Этот факт мы должны запомнить как можно тверже» (*5*, 75). Даже либерально-монархическая фразеология, к которой в конспиративных целях прибегал в этих статьях Чернышевский, не спасла «Современник» от цензурно-полицейских обвинений в «злонамеренной тенденции возмущать Россию против правительства».

Неспособность либеральной бюрократии серьезно повлиять

---

[6] Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Russland. Erankfurt am Main, 1957, S. 139.

[7] Neubauer H. Die Bauernreform Alexanders II. als Ausgangspunkt adeligen Konstitutionsbestrebungen.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Müünchen, 1956, Bd. 4, H. 2, S. 133.

[8] Seheibert P. Zu einigen sowjetischen Neuerscheinungen über das Narodnicestvo.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1972, Bd. 20, H. 1, s. 102.

на подготовку и проведение реформы обнаружилась очень скоро. С этого времени Чернышевский сосредоточивает все свои усилия на разоблачении грабительского характера подготавливаемой реформы. Правительственная программа, по которой крестьяне должны были платить помещикам за землю огромные выкупы, несла крестьянам вместо ожидаемого улучшения жизни разорение. Чернышевский считал абсурдной саму идею выкупа крестьянами своих земель. Эти мысли он излагал в работах «Критика философских предубеждений против общинного владения» и «Устройство быта помещичьих крестьян». К концу 1859 г. Чернышевский окончательно убеждается в том, что удовлетворительное для крестьян решение крестьянского вопроса возможно лишь революционным путем.

В начале 1862 г. были написаны «Письма без адреса». В них автор вскрывал главную причину неудачи реформы, которая, по его мнению, заключалась в «бюрократическом порядке», в том, что крестьянство было отстранено от ее проведения, в результате чего «освобождение» явилось сделкой царизма с господствующими классами. Ничего другого и нельзя было ожидать от правительства, не заинтересованного в коренном изменении общественного строя, — к такому выводу приходил Чернышевский. «Когда люди дойдут до мысли: «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», — они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел» (*10*, 92), — высказывался русский мыслитель, тем самым давая понять, что следует готовиться к народному восстанию, что народ должен взять власть в свои руки.

Все сказанное мало вяжется с образом Чернышевского как идейного вдохновителя «кружковой интеллигенции», искавшей своего места в обществе, с образом, созданным еще в начале нашего столетия авторами «Вех» и ныне оживляемым в западногерманской литературе.

Особый упор буржуазные историки делают на том, что революционные демократы 60-х гг. якобы не знали нужд и настроений народа, не понимали его интересов и вообще были от него далеки. Вот как, к примеру, это выглядит у Шайберта. Признавая причастность Чернышевского к подпольной группе «Великорусс», в центре внимания которой стоял крестьянский вопрос, этот исследователь делает прямо-таки ошеломляющий по своей ложности вывод: «Бóльшая часть группы придерживалась мнения, что вся земля, в том числе и помещичья,

должна быть передана крестьянам без всякого выкупа, — что не соответствовало мнению крестьян»[9].

Вопреки исторической действительности Шайберт обвиняет Чернышевского в бланкизме. Революционер-демократ не был сторонником бланкизма, как не был он и революционным романтиком. Выступая за народную революцию, он понимал всю сложность встающих перед нею задач, допуская даже возможность поражения на первом этапе. Еще юношей он писал: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго из этого ничего не выйдет хорошего, что может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д...» (*1*, 356—357).

Последующее развитие России показало жизненность общественно-политических идей Чернышевского, видевшего путь к счастью народа в революционной борьбе народных масс с угнетателями, проповедовавшего «идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[10].

Таким образом, для буржуазных исследователей ФРГ характерна тенденция преувеличивать идейное влияние на Чернышевского западноевропейских утопических теорий и смазывать общественные противоречия в России 60-х гг. Проистекает это из более общей, в корне ошибочной методологической установки, которую Е. Розеншток-Хесси сформулировал так: «В России ... людей побуждало к политической деятельности с Запада проникшее образование»[11].

Западноевропейские идеи и события, несомненно, оказывали воздействие на умонастроение русского общества, но их влияние не было определяющим. Теория Чернышевского, его революционная деятельность в первую очередь определялись общественными противоречиями 60-х гг. и являлись выражением протеста угнетенных масс против самодержавия, дворянства, нарождавшейся буржуазии.

Далее буржуазные авторы упускают из виду существенное различие между теориями революционных демократов и западноевропейских утопистов. В результате этого остается в тени тот факт, что Чернышевский, в отличие от Фурье, Сен-Си-

---

[9] Scheibert P. Zu einigen Neuerscheinungen über das Narodničestvo, S. 102.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

[11] Rosenstock-Huessy E. Die europäischen Revolution und der Charakter der Nationen. Stuttgart, 1961, S. 451.

мона, Оуэна, не рассчитывал на переход к социализму без революционной борьбы народных масс.

Когда же западногерманские историки выдают либеральную оппозицию за общественную борьбу с самодержавием, — это уже прямое извращение вопроса, потому что, как указывал В. И. Ленин, русские либералы выражали свое недовольство самодержавием лишь в такой форме, которую самодержавие считало неопасной для себя. Либералы никогда не стремились создать революционную партию для ниспровержения существующего порядка и безучастно смотрели на гибель революционеров под ударами царского правительства [12].

---

[12] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 257—259.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

С. Н. Лиманцева

Н. Г. Чернышевский — историк русской критики. Вопросы методологии

«Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевского — первый обширный труд по истории русской литературной критики[1]. Попытки Белинского обозреть историю критики остались незавершенными. В рецензии на «Речи о критике» А. Никитенко (1842) он рассматривает критические статьи одного Сумарокова. В пятой статье цикла «Сочинения Александра Пушкина» (1843—1846) Белинский приводит периодизацию литературно-критического процесса от Карамзина до 40-х гг. XIX в.: критика сентиментализма, псевдоклассическая, романтическая и современная. Однако подробной их характеристики он не дает. В брошюре Белинского «Николай Алексеевич Полевой» (1846) дан литературный портрет Полевого-журналиста, критика и публициста, издателя «Московского телеграфа» и определено значение Полевого для русской литературы.

Чернышевский более детально, чем Белинский, рассматри-

[1] Некоторые частные вопросы создания Чернышевским истории критики рассматривались в работах: Тойбин И. М. Белинский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевского.— В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949; Мотольская Д. К. Чернышевский — историк русской журналистики конца 20-х — начала 30-х гг. Л., 1966. Основные идеи Чернышевского-критика в их последовательном развитии рассматривает М. Г. Зельдович в своей книге «Чернышевский и проблемы критики» (Харьков, 1968).

вает критику 20—40-х гг. Он выделяет два периода: критика романтизма и критика гоголевского периода (то есть критика Белинского). «Зародышем» последней был журнал «Телескоп», «вторая эпоха ее развития» — «Московский наблюдатель» (1838—1839), «полного своего развития» критика Белинского достигает в «Отечественных записках» (1840—1846) и «Современнике» (1847).

Чернышевский особо останавливается на характеристике критики гоголевского периода 1840—47 гг. Она шла «впереди общественного мнения», постоянно оказывая на него сильное влияние. Чернышевский подчеркивал необходимость изучать «высокие стремления, одушевлявшие критику». Все достоинства критики гоголевского периода «приобретали жизнь, смысл и силу от одной одушевляющей их страсти — от пламенного патриотизма» (*3*, 136). Это было «страстное, беспредельное желание блага Родине». Источник происхождения критики — «чистый патриотизм». «Любовь к благу Родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества» (*3*, 138).

Для изучения историко-критических взглядов Чернышевского необходимо прежде всего понять, как он определяет предмет истории литературной критики. В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский поставил задачу «собрать материалы для истории распространения справедливых литературных идей в массе публики» (*3*, 134); «мы пишем не историю журнальной полемики, а литературных мнений» (*3*, 135). «Важнейшим предметом в истории литературы» он считает вопрос о «системе литературных воззрений в критике гоголевского периода» (*3*, 139).

Итак, система литературных воззрений, литературные идеи, согласно взглядам Чернышевского, составляют предмет истории критики.

Помимо литературных взглядов, Чернышевский указывает и на другие компоненты, составляющие литературную критику. Это прежде всего эстетические понятия. Заслуга их введения в критику отводится Надеждину. Он дал критике эстетические основания, эстетические принципы, разработанные немецкой философией.

Чернышевский выделяет вопрос о факторах, обусловивших развитие критики. Он пишет об «элементах умственной жизни» и «научных понятиях», которые, находясь в постоянном

прогрессивном движении и развитии, определяют литературно-критический процесс; от них «непосредственно зависят характер и содержание критики», они придают жизненность и силу основным ее воззрениям. Чернышевский отмечает, что от «взаимного проникновения» «элементов умственной жизни... слагается критика» (*3*, 178).

Что он имеет в виду под «элементами умственной жизни» и «научными понятиями, служащими основанием критики»? Это — философия, социальные теории, историческая наука. Особенно большое значение Чернышевский придавал философии.

В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» от 25 января 1972 г. отмечалась важность вопроса о философском и эстетическом уровне критических статей, обзоров, рецензий[2]. Именно этот уровень определяет глубину анализа художественных произведений, помогает правильно соотнести явления искусства с жизнью. В свете этого постановления мысли Чернышевского о философских основаниях критики приобретают актуальность и особенный интерес. Обратимся к двум эпизодам из «Очерков гоголевского периода»: характеристике полемики Полевого с Надеждиным и Полевого с Белинским.

Самой важной причиной непонимания Полевым статей Надеждина Чернышевский считает незнание «оснований, на которые опиралась его критика», — немецкой философии. Полемику Надеждина с современными ему журналами Чернышевский характеризует как едва ли не важнейший эпизод в истории всего пушкинского периода литературы. «Вопли негодования» со стороны его противников Чернышевский объясняет их неспособностью возвыситься до понимания новых идей. «Московский телеграф» Полевого потерпел полное поражение. «Н. А. Полевой мог играть только жалкую роль в спорах со своим противником» (*3*, 155), настолько Надеждин стоял выше своих современников как философ и эстетик.

Обращаясь к полемике Полевого и Белинского, Чернышевский отмечает ее истоки: несогласие в философских воззрениях. Это первая и важнейшая причина их борьбы. Философские основания критики Полевого уступали философским основам критики Белинского. Полевой стоял на позициях эклектической философии Кузена, представляющей собой произвольное

---

[2] См.: Коммунист, 1972, № 2, с. 14.

смешение ряда положений из Канта, Шеллинга, отчасти Декарта, Локка и др. и не имеющей научной ценности. Критика же Белинского вырастала на основе гегелевской философии, систему которой Чернышевский определил как «строгую и возвышенную». Чернышевский подчеркивает, что основным пунктом обвинения, предъявленного критике Белинского, и источником ее ошибок Полевой считает гегелевскую философию.

Полевой был последователем французского романтизма Гюго. Его мнение о Гоголе было «основано на эклектической философии и романтической эстетике... Он никогда не мог выйти из круга понятий, разработанных французскими романтиками» (*3*, 28—29). Поэтому он не мог понять и принять Гоголя-реалиста, автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Вопрос об отношении художественного произведения к жизни общества Полевым не ставился. Требования Белинского — верное изображение действительности, простота вымысла, типические характеры — Полевой не признал.

Итак, по Чернышевскому, основу литературно-критических воззрений составляет философско-эстетическая концепция, на позициях которой стоит критик. «Несогласие в эстетических убеждениях было только следствием несогласия в философских основаниях всего образа мыслей» (*3*, 25). Постоянное соотнесение литературно-критических взглядов с философскими системами становится ведущим принципом Чернышевского как историка критики.

Он последовательно проводил идею развития и прогрессивного движения литературной критики в целом. Причем эволюцию критики, считал Чернышевский, необходимо изучать в единстве с движением философских и социальных теорий. Однако он не поднялся до осознания классовой борьбы как источника и движущей силы развития искусства. Чернышевский несколько отвлеченно, абстрактно судит о влиянии философии на литературно-критические концепции. Но изучение этого влияния — огромная его заслуга. Высокий идейно-художественный уровень, которого достигло гоголевское направление, он объясняет прогрессивным развитием философских знаний. Два этапа, «два великих фазиса» выделяет Чернышевский в развитии философии этого периода (от «Телескопа» 1834—1836 гг. до гоголевского периода 1844—1847 гг.). Первый этап характеризуется господством идеализма Шеллинга, Гегеля и его школы; второй ознаменован материалистической философией Фейербаха: «...Философия получила содержание, соответствующее требованиям точных наук» (*3*, 180). «Принципы об-

щей системы воззрений на мир были... найдены ею и приложены к разъяснению нравственных и отчасти исторических вопросов» (*3*, 180). Влияние философии на критику 40-х гг. Чернышевский оценивает как «замечательный исторический факт». В литературе и критике 50-х гг. он отмечает как недостаток отсутствие философских воззрений. «...Литература и критика не выиграли ровно ничего, потеряв очень много» (*3*, 302).

Чернышевский выдвигает еще два фактора, которым обязана критика гоголевского периода. Во-первых, она обогатилась совершенно новым элементом — утопическим социализмом. Во-вторых, успехи исторической науки, новой исторической школы Соловьева и Кавелина помогли правильно осознать «исторический ход развития нашей литературы».

Исследователи не раз отмечали важность суждений Чернышевского о зависимости критики от художественной литературы. «Развитие новых критических убеждений, — писал он, — каждый раз было следствием изменений в господствующем характере литературы» (*3*, 8). Критика «Московского телеграфа» Н. Полевого явилась вслед за Пушкиным, его байроническими поэмами и «Евгением Онегиным», критика Белинского 40-х гг. — вслед за творчеством Гоголя. Белинский поставил вопрос об определяющем характере литературного движения на развитие критики. Чернышевский же по-новому освещает этот вопрос: «Принципы критики в их соотношении с методом художника»[3]. Здесь необходимо разъяснение: никогда Чернышевский не ставил в прямую зависимость принципы критики от художественного метода литературы. Это было бы вульгаризацией взглядов Чернышевского. Он прекрасно понимал, что влияние здесь не прямое, а опосредованное — через систему философских и эстетических воззрений. Не случайно, определяя ведущие факторы в развитии критики 30—40-х гг., Чернышевский на первое место ставит научные понятия: философские и социальные теории, а затем, на второе место, — отечественную литературу. Он понимал, что одна и та же художественная литература давала материал для эстетической критики А. В. Дружинина и П. В. Анненкова, органической критики Ап. Григорьева, реальной критики самого Чернышевского. Одни и те же произведения — «Ревизор» и «Мертвые души» — вызвали столь различную критику Н. Полевого, О. Сенковского, С. Шевырева, Н. Надеждина и В. Белинского.

---

[3] Зельдович М. Г. Указ. соч., с. 43.

В «Очерках гоголевского периода» Чернышевский настойчиво подчеркивал важность изучения закономерностей литературно-критического процесса. В противоположность Дружинину и Григорьеву, противопоставивших Белинского 30-х гг. Белинскому 40-х гг., Чернышевский утверждал закономерность эволюции Белинского, развития его мировоззрения от идеалистической философии и эстетики Гегеля к материалистической философии Фейербаха и эстетике натуральной школы. О закономерности развития критики Белинского писали И. Тойбин, Д. К. Мотольская. М. Г. Зельдович особенно подробно рассматривает этапы эволюции идей критика. Нас интересует эта проблема в ином, методологическом аспекте. Тезис Чернышевского о «развитии содержания русской критики, во всем существенном и важном с необходимостью определявшееся обстоятельствами, созданными историею» (*3*, 183), содержит важнейший методологический принцип Чернышевского.

Чернышевский пишет, что биографические данные о Белинском он приводить не будет: «...в делах, имеющих истинно важное значение, сущность не зависит от воли или характера, или житейских обстоятельств действующего лица; их исполнение не обуславливается даже ничьей личностью. Личность тут является только служительницею времени и исторической необходимости» (*3*, 182). Историческая необходимость обусловила появление критики Белинского. «Личность его была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь он не таков, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себе другого служителя, с другою фамилиею, с другими чертами лица, но не с другим характером» (*3*, 183). Содержание и мысль критики Белинского есть выражение исторической потребности времени. От его личности же зависел лишь выбор формы выражения мысли, оборота речи, слова.

Однако Чернышевский не был последователен в проведении этого принципа. Стоя на позициях антропологического материализма, он обосновал значение личного начала и индивидуальности критика как важного фактора в литературно-критическом процессе. Так, выше мы отмечали, что Чернышевский ставил критику Надеждина выше критики Полевого. Философские убеждения Надеждина представляют собой более строгую и стройную систему, чем те же убеждения у раннего Белинского. Однако Гоголя предугадал Белинский, а не Надеждин. Белинский создает теорию реальной поэзии и затем натуральной школы. Чернышевский объясняет эту особен-

ность личными качествами Белинского-критика, индивидуальной особенностью его таланта — глубоко врожденным интуитивным эстетическим чувством. Чернышевский считает, что именно Белинскому суждено было предугадать Гоголя вследствие глубокого родства их натур.

Говоря о закономерности литературно-критического процесса, Чернышевский утверждает исторический взгляд на критику гоголевского периода: она не имеет абсолютного значения. Автор «Очерков» убежден, что придет время, когда идеи Белинского будут рассматриваться как исторически прошедший этап в развитии критики. «Чем скорее это будет, тем лучше. А пока, — пока он все еще остается незаменим для нашей литературы, и надобно нам слушать, то, что говорил он» (*3*, 283) [4]. Принцип историзма составлял, таким образом, важнейший методологический принцип Чернышевского как историка русской критики.

А. А. Демченко

О воспоминаниях «господина А.» в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского

В шестой главе «Очерков», заключавшей характеристику освоения Белинским гегелевской философии, автор сделал следующее примечание: «...В настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, г. А., и потому ручаемся за совершенную точность фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. А-а со временем сделаются известны нашей публике, и спешим предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не более, как развитием его мыслей. За ту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь

[4] Подробнее см.: Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX в. Л., 1973; Зельдович М. Г. Указ. соч,

искреннейшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А-у» (*3*, 210).

Принято считать, что под «А» подразумевалось имя П. В. Анненкова. В комментариях к «Очеркам» в «Полном собрании сочинений» указано: «Без сомнения, Чернышевский говорит здесь о Павле Васильевиче Анненкове» (*3*, 802). Между тем есть основание усомниться в правильности подобной расшифровки.

В рукописи цитированное выше примечание выглядит так (в квадратных скобках приведены зачеркнутые Чернышевским места): «...В настоящей статье мы пользовались воспоминаниями, которые сообщил нам один из ближайших друзей Белинского, г. А. [Н-а] [Н.] [Н.,] и потому мы уверены в совершенной точности фактов, о которых упоминаем. Мы надеемся, что интересные воспоминания г. [Н-а] А-а со временем сделаются известны нашей публике [и тогда читатели увидят, что настоящая статья представляет только развитие [мнений] [суждений, высказываемых г. Н] слов г. Н-а, которому приносим здесь искреннюю благодарность за ту помощь, которую он оказал — и тогда читатели, оценив их высокое] и спешим предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не более, как развитием его мыслей. [Мы приносим г. Н-у искреннейшую благодарность]. За ту помощь, какую оказали нам его воспоминания при составлении настоящей статьи, мы обязаны принести здесь искреннейшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А-у» [1].

Характер исправлений показывает, что первоначально имя автора воспоминаний было скрыто криптонимом «Н». И только в одном случае (в начале отрывка) Чернышевский поставил «А» не после зачеркнутых «Н», а впереди — вероятно, просто потому, что здесь оказалось больше свободного места.

Итак, Чернышевский колебался в выборе буквенного обозначения имени мемуариста, которое должно было пока остаться неизвестным. Если бы Чернышевский хотел указать на Анненкова, подобное колебание вряд ли имело бы место.

В расчет должны быть приняты и такие соображения. О Белинском Анненков писал в воспоминаниях, известных под названием «Замечательное десятилетие. 1838—1848». Из творческой истории этого текста известно, что вплотную к мемуа-

---

[1] ЦГАЛИ СССР, ф. 1, оп. 1, № 64, л. 104.

рам Анненков приступил примерно в 1875 г. В середине 1850-х гг., в пору работы Чернышевского над «Очерками», его воспоминания представляли собой лишь «разбросанные заметки» [2]. Чернышевский же, насколько можно судить по его примечанию, пользовался не устными рассказами и не отрывочными записями, а вполне законченным текстом воспоминаний, которые «со временем сделаются известны». Не мог Чернышевский иметь в ввиду и книгу Анненкова о Станкевиче: она не являлась воспоминаниями [3].

В шестой главе «Очерков», где речь идет об идейных исканиях Белинского, Чернышевский рассказывает о сотрудничестве критика в «Московском наблюдателе» и его дружеских связях с Н. В. Станкевичем. Анненков, по его же словам, познакомился с Белинским лишь осенью 1839 г., когда тот приехал в Петербург для работы в «Отечественных записках» [4]. В письме к А. Н. Пыпину от 3 июля 1874 г. Анненков сообщал, говоря о московском кружке Станкевича: «Будучи от малых ногтей петербургской косточкой, я только с 1838 г., т. е. с появления Белинского в Петербурге, получил понятие о московском кружке и впоследствии введен был в него, когда его развитие уже кончилось и многие тогда люди хотели позабыть и неохотно приводили себе на память» [5]. В статье К. П. Богаевской «П. В. Анненков о В. Г. Белинским» доказано, что их знакомство состоялось в апреле 1840 г. [6]. Сообщаемые Чернышевским сведения о Белинском 1838—1839 гг. не могли исходить от Анненкова.

Необходимо учитывать также, что личные отношения Чернышевского и Анненкова в 1856 г. не были настолько близкими, чтобы между ними могли возникнуть разговоры о Белинском. Так, по поводу шестой главы «Очерков» Анненков сообщал И. С. Тургеневу в письме от 7/19 ноября 1856 г.: «Я слышал, что вы в восторге от статьи Чернышевского. А мы здесь слегка ее побраниваем. Нам кажется, что уже теперь можно соединить участие и энтузиазм к прошлым деятелям с истиной и дельным обсуждением. Возгласы, вскрики, фрондировка нам не кажутся здесь вещами важными теперь, — а в

[2] Анненков П. В. Литературные воспоминания. Вступ. ст., подг. текста и примеч В. П. Дорофеева. М., 1960, с. 567-568.

[3] См.: Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857.

[4] См.: Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 135.

[5] Лит. наследство. М., 1959, т. 67, с. 547.

[6] Там же, с. 539. См. также: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и деятельности В. Г. Белинского. М., 1958, с. 249.

отдалении они, правда, должны казаться возвышенным голосом <...> — что год тому назад было *поступком*, то теперь отсталая манера»[7]. Под «прошлыми деятелями» подразумевался прежде всего Белинский.

В том же контексте звучали слова Анненкова в его письме А. В. Дружинину от 1 сентября 1856 г.: «Воспоминания, толкования, обсуждения бывших теорий и изложения бывшей жизни, — все это попахивает землей, и после всего этого окна открывать следует»[8]. К сентябрю 1856 г. Анненков уже был знаком с пятой статьей «Очерков» («Современник», 1856, № 7), с которой Чернышевский начал обозрение деятельности Белинского. Было бы нелогично для Анненкова соглашаться на упоминание своего имени в шестой статье «Очерков» («Современник», 1856, № 9) и в то же время скептически отзываться о работе Чернышевского и о приведенных в них «воспоминаниях, толкованиях, обсуждениях».

Сторонники «анненковской версии» выдвигают и такой аргумент: «1 июля 1856 года Анненков в письме к Тургеневу просит его переслать по тяжелой почте «кипу Чернышевского... Кипа эта мне нужна, да и не даром же заставлять работать Чернышевского». Не исключено, — утверждает исследователь, — что под «кипой Чернышевского» Анненков подразумевал свои первоначальные заметки об эпохе 30—40-х годов, использованные Чернышевским»[9].

Приведем, однако, более полную выдержку из указанного исследователем письма: «Перешлите мне по *тяжелой почте* кипу Чернышевского. Это будет безделица по почте. Кипа эта мне нужна, да и недаром же заставлять работать Чернышевского. Ничего нет приятнее для человека, когда труд и одолжение его гуляют в пространстве. Пожалуйста, пришлите»[10]. Из письма явствует, что под «кипой Чернышевского» подразумевались вовсе не «первоначальные заметки об эпохе 30—40-х годов, использованные Чернышевским», а главы «Очерков гоголевского периода», которых к июню 1856 г. набиралась немалая «кипа» — четыре статьи в четырех книжках «Со-

---

[7] Тр. Публ. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1934, вып. 3, с. 59. См. также: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. М. — Л., 1960—1968. Письма, т. 3, с. 467.

[8] Письма к А. В. Дружинину. Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948, с. 26.

[9] Володин А. И. Об одном из возможных источников «Очерков гоголевского периода русской литературы».— Вопр. лит., 1978, № 7, с. 72.

[10] Письмо от 1 июня 1856 г.— Тр. Публ. б-ки СССР им. В. И. Ленина, вып. 3, с. 58.

временника» (1855, № 12; 1856, № 1, 2, 4). Сами выражения «тяжелая почта», «кипа Чернышевского», «не даром же заставлять работать Чернышевского», которому-де будет приятно от того, что его статьи «гуляют в пространстве», полны иронии и выдают критическое отношение Анненкова к работе Чернышевского.

В свою очередь Чернышевский относил Анненкова к числу критиков (как А. В. Дружинина, В. П. Боткина), которые «не сочли бы приятным и не нашли бы удобным» печатать в «Современнике» свои статьи в 1855—1856 гг., если бы «мой голос, — писал Чернышевский, — был тогда значителен в «Современнике» (*10*, 118).

Таким образом, не находится ни одного источника, который мог бы послужить прочной основой для утверждения, что в «Очерках гоголевского периода русской литературы» использованы воспоминания Анненкова.

Общеизвестен факт, что в работе над главами о Белинском Чернышевский опирался на мемуарные страницы «Былого и дум» А. И. Герцена[11]. Саму сноску на таинственного «г. А.» можно было бы посчитать завуалированным указанием на Искандера. Однако слова «сообщил нам» заставляют иначе истолковывать смысл примечания и искать имя мемуариста среди общавшихся в ту пору с Чернышевским литературных деятелей.

Наиболее вероятным представляется следующее предположение: этим, тогда еще не известным публике мемуаристом, одним «из ближайших друзей Белинского», был Иван Иванович Панаев. Автор «Очерков» не мог, по-видимому, открыто назвать его, ввиду близких с ним отношений по журналу.

Можно думать, буква «Н», за которой Чернышевский первоначально хотел скрыть имя автора воспоминаний, слишком прозрачно намекала на Нового Поэта — постоянный псевдоним И. И. Панаева[12]. И Чернышевский сменил букву, оставляя имя мемуариста неузнанным.

Работу над литературными воспоминаниями о Белинском Панаев завершил к 1860 г., впервые они опубликованы в «Со-

[11] В последнее время дополнительная аргументация этого факта дана в указ. ст. А. И. Володина (Вопр. лит., 1978, № 7).

[12] Напрашивающееся предложение, что «Н» — это Некрасов, должно быть сразу отведено: знакомство Некрасова с Белинским произошло позднее описываемых в шестой главе «Очерков» событий, связанных с именем Станкевича, и ни писать, ни рассказывать о них Чернышевскому Некрасов не мог.

временнике» в 1861 г.[13]. Сопоставление текстов Анненкова и Панаева с сообщенными в «Очерках» подробностями убеждает в пользу высказанного предположения о ссылке автора «Очерков» на Панаева. Так, именно Панаев, а не Анненков в своих воспоминаниях и даже в своей книге о Станкевиче обозначил состав кружка Станкевича. Именно Панаев первым дал характеристику участия Белинского в этом кружке, и Чернышевский мог воспользоваться его указаниями. Кроме того, только в параллель с панаевскими высказываниями могут быть поставлены положительные оценки Чернышевским некоторых литературных сотрудников «Московского наблюдателя», например Кудрявцева (Нестроева), Клюшникова.

Разумеется, в работе над «Очерками» Чернышевский вовсе не ограничивался лишь мемуарными свидетельствами. Самостоятельное изучение журнала «Московский наблюдатель» и сочинений Белинского явилось для него основным способом исследования важнейших в биографии великого критика моментов. Но объяснение этого обстоятельства выходит за пределы данного сообщения, целью которого было обратить внимание на мемуары И. И. Панаева как на один из вероятных источников «Очерков гоголевского периода русской литературы».

Н. А. Вердеревская

Сюжетная ситуация «человек на RENDEZ-VOUS» в художественном творчестве Н. Г. Чернышевского

Термин «человек на rendez-vous» (или «герой на rendez-vous») как определяющее понятие для сюжетной ситуации особого типа восходит, как известно, к названию статьи Н. Г. Чернышевского, посвященной анализу повести Тургенева «Ася».

---

[13] См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания /Ред. текста, вступ. ст. и примеч. И. Г. Ямпольского. Л., 1950.

Прежде всего следует уточнить само понятие сюжетной ситуации.

Если «сюжет — это открытая структура связей и соотношений образов и мотивов»[1], то сюжетная ситуация есть некая единица сюжета, определяющая связи и соотношения образов в одном из моментов сюжетного развития действия.

Термин «сюжетная ситуация» применяется в настоящее время неоднозначно. Очень часто для обозначения одного и того же литературоведческого понятия используются разные термины: сюжетная ситуация, проблемная ситуация, конфликт, коллизия. Так, понятиями «проблемная ситуация» и просто «ситуация» оперирует Б. С. Мейлах[2]; термин «конфликт» использует Ю. Манн, в учебнике Ф. М. Головенченко «Введение в литературоведение» говорится: «Сложность ситуаций и отношений в действительности отражается через посредство сюжетных конфликтов, составляющих ядро, вокруг которого развертывается сюжет; в том же значении употребляется слово «коллизия»[3]. В этом последнем случае, как мы видим, понятие «ситуация» отнесено к области человеческих отношений в действительной жизни, а понятие конфликта и коллизии — к сфере литературной.

Нам представляется, что слово «конфликт», употребляемое в значении литературоведческого термина (Ю. Манн), менее точно, чем используемое в том же значении понятие «сюжетная ситуация». Мы относим в дальнейшем первое к области социальных отношений, а второе — к области сюжетостроения.

Сюжетная ситуация есть сюжетное выражение конфликта. Поэтому внешнее сходство сюжетных положений, сходство связей и соотношений образов в один из моментов сюжетного развития действия не всегда свидетельствует о типологической близости избранных автором сюжетных ситуаций (примером могут служить «Шинель» Гоголя и «Смерть чиновника» Чехова). Это не значит, что одна и та же сюжетная ситуация не может наблюдаться в произведениях авторов различных исторических эпох. Ю. М. Лотман, например, совершенно закономерно рассматривает в качестве типологических ситуаций «Жития Ушакова» Радищева и «Пролога» Чернышевского[4].

---

[1] Виноградов В. В. Сюжет и стиль. М., 1963. с. 11.

[2] См.: Мейлах Б. С. О преемственности тем в литературном процессе.— В кн.: Искусство слова. М., 1973.

[3] Головенченко Ф. М. Введение в литературоведение. М., 1964, стр. 124.

[4] См.: Лотман Ю. М. О типологическом изучении литературы.— В кн.: Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.

Бывает и иначе: развитие и модификация сюжетной ситуации ограничиваются определенными хронологическими рамками. Более того: возможно изучение какого-то этапа в развитии литературного направления на уровне типологии конфликтов и сюжетных ситуаций. Ю. В. Манн, исследуя с этих позиций натуральную школу 40-х гг. XIX в., пишет: «В известном смысле можно даже сказать, что история «натуральной школы» есть история определенной системы ее конфликтов» [5]. Типологическая система сюжетных ситуаций — система развивающаяся и изменяющаяся: недаром Ю. Манн говорит о ее движущейся типологии. Выбор ситуации зависит не от жанра и даже не от рода литературы: одна и та же сюжетная ситуация может лежать в основе сюжетной структуры романа и драмы, поэмы и повести даже небольшого стихотворения. Поэтому изучение типологии сюжетной ситуации ведет к изучению межжанровых связей и соответствий на уровне сюжетной структуры.

Но главное — выбор ситуации связан с выбором конфликта и, следовательно, выбором героя. Вот почему так тесно связано изучение сюжетной ситуации с проблемой типологии образа.

Как мы уже сказали, выражение «герой на rendez-vous», употребляемое для обозначения определенной сюжетной ситуации, приобрело характер литературоведческого термина. Следует определить, что́ именно этот термин обозначает. Здесь возможны два значения: более узкое и более широкое.

Ситуация «герой на rendez-vous» является формой сюжетного выражения конфликта, характерного для 30—50-х гг. XIX в.: противоречия между высоким самосознанием дворянина-интеллигента, приобщившегося к достижениям мировой культуры и философской мысли, и его полным бессилием утвердить себя как личность в сфере общественных отношений. Ситуация раскрывает потенциальные возможности общественного человека через его поведение в сфере сугубо интимной: в момент решительного объяснения с любящей женщиной. Объяснению этому присущ элемент кульминационности; оно обладает той или иной степенью неожиданности и должно побуждать героя к решению и действию; однако срабатывают некие внутренние тормоза, обнаруживающие ущербность ге-

---

[5] Манн Ю. О движущейся типологии конфликтов.— Вопр. лит., 1971, № 10, с. 92.

роя: он не способен ни ответить на большое чувство, ни принять решение, подсказанное исключительными обстоятельствами. Ситуация принимает характер саморазоблачения.

Контуры ситуации намечаются у Пушкина как в романтической («Цыганы»), так и в реалистической («Евгений Онегин» и «Пиковая дама») интерпретации. Она входит в композиционную структуру «Героя нашего времени» (Печорин — Бела, Печорин — Мери). Однако широкое использование ее в литературе относится к более позднему периоду, к концу 40-х — началу 50-х гг.: «Противоречия» С.-Щедрина, «Родственники» Панаева, «Боярщина» Писемского. В пародийном освещении она присутствует в «Обыкновенной истории».

И тем не менее мы воспринимаем эту ситуацию преимущественно как тургеневскую. Для этого есть основание: позиция Онегина в объяснении с Татьяной и Печорина с Мери — позиция человека не любящего и сознающего это. Тут речь идет о неспособности героя на чувство: неспособности мучительной, но осознанной, здесь нет самообмана (тем более — обмана), и потому герой скорее выигрывает, чем проигрывает в наших глазах. У Панаева, Писемского, Гончарова, наоборот, ситуация становится средством бескомпромиссного осуждения героя, обнажает его мелочность, эгоизм, тщеславие, трусость («Родственники», «Боярщина») или ставит под сомнение возможность высокой романтической любви вообще («Обыкновенная история»). Только у Тургенева поведение героя — не вина, а беда, только у него возникает конфликт между глубоко искренними субъективными стремлениями героя и его внутренней ущербностью, не позволяющей отдаться чувству и переступить через рубеж, порожденный неуверенностью в себе и непривычкой к решительным действиям [6].

Чернышевский называет три произведения Тургенева, конфликтная ситуация которых, по его мнению, аналогична: «Асю», «Фауста» и «Рудина». Критик посвящает свою статью выявлению закономерности связей между позицией героя в сфере личных отношений и характером русского общественного деятеля: «сцена... — только симптом болезни». «Герой» не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были все отношения и дела, к которым он привык. Это первое: он робеет, он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая

[6] Наиболее «тургеневской» в 40-е гг. является ситуация «противоречий», но ей недостает кульминационности.

решимость и благородный риск, опять-таки потому, что жизнь приучила его к бледной мелочности во всем» (*5*, 168). Нет необходимости говорить о том, насколько точно определяет Чернышевский позицию героя и характер конфликта (во всяком случае для «Аси» и «Рудина»).

Для кого из современников Тургенева и Чернышевского характерно использование той же сюжетной ситуации? В известной степени — для Гончарова: в «Обломове» и особенно в «Обрыве» (Вера и Марк Волохов). Но и только. У самого Тургенева 60—70-х гг. она уже не встречается. Нет ее и в произведениях Чернышевского.

Однако понятие ситуации «герой на rendez-vous» может употребляться — и употребляется — и в более широком значении, в частности, в литературе о Чернышевском. Имеется в виду такой поворот сюжета, при котором жизненная позиция героя, его подлинная человеческая и общественная значимость выявляются в том, как держится герой в кульминационный момент развития личной, «любовной» (или семейной) сюжетной линии.

Здесь речь должна идти прежде всего о так называемом «рахметовском» варианте ситуации — выражение, которое достаточно широко принято в нашем литературоведении[7]. Что он представляет из себя?

Это — положение, при котором герой в решительную минуту объяснения (rendez-vous) сам *отказывается* от близости любящей и любимой женщин, ибо считает, что любовь несовместима с высокой гражданской целью. Речь идет не о реальных препятствиях и даже не о заботе о безопасности любимого человека, но именно о субъективном признании невозможности счастья: любовь «связывает руки», лишает героя внутренней свободы, необходимой ему как общественному деятелю. Нужно прибавить, что рахметовский вариант ситуации предполагает обычно однозначность авторской оценки происходящего: позиция героя трактуется как выражение высшей необходимости, как путь мучительный и трагический и потому недоступный обычному человеку, но оправданный исключительностью положения и характера.

Напомним этот эпизод — как все, относящееся к Рахметову, очень сжатый. «Огненные речи Рахметова, конечно, не о любви, очаровали ее: «я во сне вижу его, окруженного сия-

---

[7] См., напр.: Пинаев М. Т. У истоков литературной школы Н. Г. Чернышевского.— Филол. науки, 1978, № 4.

нием» — говорила она Кирсанову. Он также полюбил ее». И далее — диалог: «Я был с вами откровеннее, чем с другими: вы видите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею». — «Да, это правда, — сказала она — вы не можете жениться. Но пока вам придется бросить меня, до тех пор любите меня». «Нет, и этого я не могу принять, — сказал он, — я должен подавить в себе любовь: любовь к вам связала бы мне руки, они и так нескоро развяжутся у меня — уж связаны. Но развяжу. Я не должен любить» (*11,* 208).

Существуют ли какие-либо литературные истоки и параллели «рахметовской» ситуации?

Если мы внимательно приглядимся к тургеневским романам, то увидим, что в одном из них — «Накануне» — уже существует «рахметовская ситуация» как возможный, но не осуществившийся вариант событий. Это выбор, который сознательно делает Инсаров, его решение уехать из дома Берсенева: «Я болгар, и мне русской любви не нужно». Не нужно, потому что она связывает руки, препятствует достижению избранной высокой цели.

Однако не подлежит сомнению, что перед нами именно параллель, но не истоки: отношение Чернышевского к Тургеневу в момент создания «Что делать?» резко отрицательное. Недаром в романе есть сцены, пародирующие «Накануне» (приход Елены к Инсарову — приход Кати Полозовой к Лопухову-Бьюмонту).

Существует еще одна литературная параллель и возможный литературный источник — роман Жорж Санд «Мельник из Анжибо». Он до сих пор не привлекал внимания исследователей. Как известно, А. П. Скафтымов отмечал, что на сюжетно-фабульную структуру «Что делать?» оказало влияние знакомство Чернышевского с романом Жорж Санд «Жак»[8]; «Мельник из Анжибо» им не упоминается. Между тем, есть большая близость между разбираемой ситуацией в «Что делать?» и началом этого романа. Он начинается сценой свидания (rendez-vous) героя романа Анри Лемора, бедняка, мечтателя и социалиста, и его возлюбленной маркизы де Бланшемон. Молодые люди давно любят друг друга, и овдовевшая женщина сама (как и у Чернышевского) предлагает Лемору стать его женой. Но герой, несмотря на все свое отчаяние,

---

[8] См.: Скафтымов А. Чернышевский и Жорж Санд. — В кн.: Скафтымов А. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.

непреклонен: он пришел, чтобы навсегда проститься, он отказывается от любви и возможности счастья.

Ситуации, таким образом, близки, и близка даже их эмоциональная тональность; но мотивировка отказа героя от любви у Жорж Санд несколько иная. Анри отказывается от возлюбленной, ибо она *богата*; богатство несовместимо с его идеалами. Когда же Марсель де Бланшемон потеряла (в конце романа) все свое состояние, любящие соединяются. Теперь они могут осуществить свой идеал: «жить простой, достаточно независимой жизнью... вырастить сына... иметь маленький опрятный домик под соломенной кровлей, увитый виноградными лозами» [9].

Рахметовская (или инсаровско-рахметовская) ситуация встречается в литературе довольно редко. М. Т. Пинаев перечисляет ряд произведений («Степан Рулев» Н. Ф. Бажина, «Трудное время» В. А. Слепцова, «Старая и юная Россия» Д. К. Гирса, «На жизнь и смерть» В. В. Берви-Флеровского, «Андрей Кожухов» С. М. Степняка-Кравчинского, «Мать» А. М. Горького), однако не учитывает, что ситуация этого типа — не просто жизненная позиция героя, избегающего любви или отказывающегося вообще от любви, она есть момент активного выбора (rendez-vous), и этому моменту свойственно эмоциональное напряжение; она предполагает наличие сильного, направленного чувства — и сознание внутренней невозможности соединиться с любимым и любящим человеком. Этого нет ни в «Трудном времени», ни в «Андрее Кожухове», ни в «Матери» [10].

В произведениях Чернышевского, созданных после романа «Что делать?», с рахметовским вариантом ситуации «герой на rendez-vous» мы больше не встречаемся. Но есть иные модификации той же ситуации, и они у Чернышевского постоянны.

Незаконченная повесть Чернышевского «Алферьев» — произведение, в основе сюжетного развития которого (если иметь в виду написанную часть) тоже лежит ситуация rendez-vous, но в необычном, почти пародийном варианте. Если в ситуации «узкого типа» (Тургенев, Гончаров) в основе поведения героя лежит неспособность к действию, то в повести Чернышевского, наоборот, источником «катастрофы» становится готовность действовать, доведенная до абсурда, и догматичность мышле-

[9] Санд Ж. Собр. соч. в 9-ти т. Л., 1971—1974, 1973, т. 7, с. 316.

[10] «Рахметовская ситуация» встречается в произведениях Э. Л. Войнич «Оливия Летам» и «Овод», написанных не без влияния русской революционно-демократической литературы.

ния героя (целеустремленностью и бескомпромиссностью которого автор тем не менее восхищается). «Алферьевский» вариант ситуации уникален; параллелей ему нет — или, вернее, их можно найти только в антинигилистических произведениях («Зараженное семейство» Л. Толстого).

Из произведений сибирского периода рассматриваемая нами сюжетная ситуация многократно используется в «Прологе» — в различных и весьма сложных модификациях.

«Пролог» (особенно «Пролог пролога») часто называют хроникой 60-х гг., подчеркивая его автобиографичность. Это выражение неточно, а автобиографичность повествования весьма относительна: прототипическая основа образа (Волгин — Чернышевский, Соколовский — Сераковский, Савёлов — Милютин и т. д.) соединена в «Прологе пролога» с вымышленностью сюжетных положений, с вынесением на передний план личных (любовных, семейных) сюжетных линий, например, казалось бы, нейтрального (случайного, необязательного) для политического содержания романа «любовного треугольника»: Савелов, Савелова, Нивельзин.

Но эта случайность, необязательность — кажущиеся.

Дело в том, что в «Прологе» ценность героя, подлинная сущность его общественно-политической позиции и его потенциальные возможности «общественного человека» проверяются, как правило, характером его отношений к любимой женщине (или, если быть точнее, к женщине, с которой герой находится в интимных отношениях).

«Пролог» — своего рода «энциклопедия либерализма 60-х годов». Перед нами галерея либералов: «деятель» Савёлов и не названный по фамилии его начальник Петр Степаныч; вельможа Илатонцев, вышедший в отставку офицер Нивельзин, реформатор Соколовский. Они все — «накануне»: Петербург в ожидании скорой весны еще живет за закрытыми вторыми рамами — ладожский лед еще не прошел. Только Волгин в романе статичен: отсюда — умудренность и ирония (самоирония).

Роман начинается сценой на Невском: Волгина своим неожиданным вмешательством препятствует Савёлову, который в наемной карете следит за женой, чтобы добыть доказательства ее связи с Нивельзиным. Побуждение Волгиной — почти детская непосредственность, желание помочь «милочке Савёловой», с которой она даже незнакома. Непосредственная опасность отвращена. Но Волгина побуждает Савёлову решиться на разрыв с мужем; с известием о том, что Савёлова согласна

ехать за границу, Волгин отправляется к Нивельзину. Возникает ситуация rendez-vous: реакция Нивельзина на решение Савёловой — проверка его человеческой сущности и потенциальной общественной значимости. Сохраняется и один из характерных признаков ситуации — неожиданность, требующая решения немедленного и потому импульсивного. Нивельзин взволнован и бесконечно рад; у него не возникает ни малейшего сомнения в том, как ему поступить: «Она оказывает мне великое доверие, и как возвышает она меня им в моем собственном мнении!» (*13*, 27). Когда же Савёлова изменяет свое решение (ситуация «Дыма») — отчаянию Нивельзина нет предела.

На первых страницах романа Чернышевского политическая позиция Нивельзина еще очень далека от волгинской: он благоговеет перед Рязанцевым, он в восторге от Савёлова — «замечательного человека, которому, к счастью для русского прогресса, открывается такая блистательная карьера» (*13*, 31). Но дальнейший путь Нивельзина — сближение с Волгиным — уже предопределен его поведением в начальной ситуации.

Необходимо отметить, что подлинное лицо Савёлова, этого либеральствующего карьериста, раскрывается не только в момент его выступления на обеде у Илатонцева, но и — главным образом — через его отношение к жене. Сначала — открытое шпионство, затем — шантаж. Пытаясь продать жену отвратительному графу Чаплину, Савёлов действует, как он сам уверен, во имя «торжества дела свободы»; но тем более отвратительно его поведение. В монологе Волгиной (в сцене ее объяснения с Савёловым) прямо проводится параллель между его поведением в отношении жены и его политической позицией: «Вы говорили мне, что вы и мой муж идете по разным дорогам. К чему приведет моего мужа его дорога, все равно: он видит и не пожалеет, что шел ею. К чему приведет вас ваша дорога, вы не видите, я скажу вам: вы погибнете, проклинаемый честными людьми, осмеянный бесчестными. Это потому, что вы хотите быть бесчестен только на-половину; люди, вполне бесчестные, пользуются услугами таких глупцов и потом прогоняют их с заслуженным позором» (*13*, 182).

Более сложно обстоит дело с rendez-vous, на которое выводит Чернышевский третьего героя романа — вельможу Илатонцева. В отличие от Савёлова и Рязанцева, Илатонцев вызывает искреннюю симпатию: это вельможа, владелец громадного состояния и обширных поместий, не только сочувствует преобразованиям, но и многими своими поступками подтвер-

ждает глубину и искренность этого сочувствия. Став владельцем своего состояния, он немедленно дал «вольную» всем дворовым; сейчас, в преддверии реформы, он готов пойти на большие материальные жертвы в пользу своих крепостных. В молодости, во Франции, он был близок к сен-симонистам; воспитание своей дочери он доверил женщине, муж которой погиб на баррикадах. Сейчас он находится под большим влиянием Левицкого, который, формально занимая место гувернера, по существу является другом хозяина дома. И все же основные оценочные ситуации связаны с личной линией: Илатонцев — Мери.

Ситуация «rendez-vous» возникает здесь дважды.

Первый раз она отделена от изображаемого в романе времени шестью годами. Шестнадцатилетняя девочка, полугорничная, полувоспитанница, составляет наивный, полудетский план: стать любовницей своего барина, носить кружева, брильянты, ездить в карете — и в то же время, совсем по-детски, влюбляется в него и вызывает на объяснение. Девочка почти в истерике, она обнимает его, трепещет в его объятиях. «Неужели я обесчещу ее? — подумалось ему, потому что он чувствовал, что мысли начинают путаться» (*13,* 348). Он колеблется, но сознание своих обязанностей перед девочкой, доверенной ему умершими родителями, берет верх. «Он был очень богатый человек. И я говорю вам, совершенно честный. Вот почему и отверг мою любовь», — говорит впоследствии Мери (*13,* 353). Илатонцев проходит проверку на порядочность и твердость характера.

Но вот минуло шесть лет — и перед нами вновь почти та же ситуация. Мы не знаем, *как* теперь происходит объяснение Илатонцева с Мери — оно вынесено за пределы действия. Перед нами лишь результат: 22-летняя женщина, умная, образованная, имеющая немалый жизненный опыт, с состарившимся, как она сама говорит, сердцем, становится его любовницей. Инициатива снова исходит от Мери.

В том, что у Илатонцева есть — и всегда была — любовница, нет еще ничего предосудительного, с точки зрения автора и читателя. Но «всеядность» настораживает и разочаровывает: ведь предшественницей гордой и великодушной Мери была «грязное животное» Дедюхина. А до нее — бесчисленное количество актрис, кокоток, «камелий». Горькое наследие принимает Мери. Удивительно и другое: как двойственно само поведение Илатонцева (несмотря на его искреннее и, по-видимому, глубокое чувство).

С одной стороны, Илатонцев *способен* оценить Мери, ее благородство, ум, характер, любовь к его детям. «Она вовсе не любовница моя, а друг мой», — говорит он Левицкому. Влияние на него Мери огромно именно потому, что он видит в ней человека, внутренне близкого.

С другой стороны, возьмет ли он ее в жены? Мери (и это так унизительно) вынуждена скрывать от Виктора Львовича конечную цель, к которой она стремится. Вот диалог Мери и Левицкого: «— Если я правильно понимаю ваше намерение, которого вы не высказали прямо... — Вы правильно поняли его, и я высказывала его очень ясно: видите, как я полагаюсь на вас, хотя вы уже и не любите меня. Я вверяю вам такую тайну, что одним намеком на нее Виктору Львовичу вы можете погубить меня» (*13,* 323). Что же это за страшная тайна? Это — стремление Мери к «неколебимым отношениям», надежда в будущем стать женой Илатонцева.

Повторяем: Мери некорыстолюбива, благородна, искренне любит детей Илатонцева, любит настолько, что готова пожертвовать для них собственным счастьем. «У меня не будет детей, — не будет... Никогда! Я не должна иметь детей... Никогда! Нет, его дети не будут иметь жалобы против меня, что я отниму у них что-нибудь... Ни любви его, ни даже части наследства после него. Я не имею права, — они могли бы точно справедливо чуждаться меня, — я не хочу этого — они должны любить меня, и пусть они будут мне вместо родных детей» (*13,* 314). И при *таких отношениях* Мери вынуждена скрывать свои намерения: для Виктора Львовича дочь его крепостных, горничная может стать любовницей, содержанкой, но стать женой?

Мы, впрочем, не знаем, как поведет себя Илатонцев на этом последнем, предстоящем rendez-vous. Оно — за пределами романа (или дошедшей до нас части его). Косвенное свидетельство — «Рассказы из Белого зала», где, по свидетельству В. Н. Шаганова, снова фитурирует Илатонцев. «...В темную ночь наступившей реакции одно богатое русское семейство удаляется за границу. Это — семейство того помещика, у которого жил Левицкий. Оно состоит из жены этого помещика, взрослого сына и еще двух-трех девушек, их родственниц». Семейство участвует в революционном движении Европы и верит, что «к ним скоро явятся и люди из России, которые для них, конечно, дороже их иностранных друзей;»[11]. Итак, Мери

[11] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958-1959, т. 2, с. 133.

стала женой Илатонцева и мы видим ее, Илатонцева и выросшего Юриньку в рядах русской революционной эмиграции, в роли ее организаторов.

Еще одна ситуация «герой на rendez-vous» связана в романе с образом Левицкого. Это ситуации *разочарования:* герой *способен* на сильное, глубокое, подлинно человеческое чувство к женщине, способен отдаться страсти и составить счастье другого человека — но встречает трагическое непонимание, воспринимаемое им как катастрофа. В «Дневнике Левицкого» это прежде всего кульминационные моменты двух сюжетных линий: Левицкий — Анюта, Левицкий — Мери (а в пародийном плане и третья: Левицкий — Настя). Рамки статьи не позволяют остановиться на них подробнее.

Итак, сюжетная ситуация, рассматриваемая Чернышевским в статье «Русский человек на rendez-vous» — явление, чрезвычайно характерное для литературы 40—60-х гг. В различных модификациях она многократно встречается у разных писателей этого периода — и наиболее часто у двух: Тургенева и самого Чернышевского. В 70—80-х гг. она исчезает из литературы. Близкие сюжетные положения сохраняют лишь ее внешние признаки, но не оценочную сущность.

И. З. Баскевич

Рахметов и Павел Власов

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» оказал большое воздействие на развитие всей прогрессивной линии русской литературы второй половины XIX в. и начала XX вв.; оно особенно ощутимо в тех произведениях, где воссоздан образ революционного деятеля. «Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»[1], — говорил В. И. Ленин.

[1] В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969, с. 655.

Закономерно, что и первое значительное произведение о *пролетарских* революционерах — роман А. М. Горького «Мать» — во многом опиралось на традиции Чернышевского-романиста, во многом за ними следовало. Это было сразу же отмечено и читателями, и критикой. «...По учительскому типу своему, — писал А. М. Амфитеатров, — «Мать» должна быть причислена к лику таких романов, как... «Что делать?» Чернышевского», указывая далее, что хотя «Мать» написана во многом иначе, с иными задачами и для другого читателя, она, как и произведение Черышевского, также — «роман-программа, роман-пропаганда»[2]. В восприятии наших современников горьковский Павел Власов прочно стоит в одном ряду с Рахметовым Чернышевского как пламенный революционер, как герой, сознательно подчинивший всю свою жизнь борьбе за лучшее будущее человечества. А. И. Овчаренко справедливо заметил, что образы Рахметова и Павла Власова, представляющие революционеров двух различных этапов освободительного движения в России, буржуазно-демократического и пролетарского, роднит «в первую очередь... — непоколебимая вера в спасительную силу революционного преобразования жизни..., героическая способность вложить себя в революционное дело, даже если приходится полностью отказаться от личной жизни... Павел Власов, как и Рахметов, может быть назван живым олицетворением стальной воли, титанической энергии, предельной концентрации умственных сил, повседневного героизма и невиданной настойчивости, направленных к достижению одной цели»[3].

Тем более непонятно и странно, что в своих каприйских лекциях по истории русской литературы А. М. Горький отзывается о романе Чернышевского «Что делать?» и о его герое — Рахметове явно неприязненно, чуть ли не враждебно: «Это существо, сделанное довольно-таки не искусно из той русской слякоти, которая называется «совестью»; к совести примешана наивность и еще христианский аскетизм». А вслед за этим обобщает: «Чернышевский, написав Рахметова, поставил перед Россией нелепейшую выдумку»[4]. Несправедливость сказанного очевидна. И все-таки чем она вызвана?

Объяснить столь трудно постижимый казус пытаются обыкновенно либо ошибочными суждениями Горького об интелли-

---

[2] Амфитеатров А. Собр. соч. СПб., 1911—1916, т. 22, с. 179.

[3] Овчаренко А. И. О положительном герое в творчестве М. Горького. М., 1956, с. 518.

[4] Горький М. История русской литературы. М., 1939, с. 228.

генции, либо своеобразием его теоретико-литературных воззрений в «каприйский период», когда писатель входил в группу «Вперед». В горьковских лекциях, как полагает Б. А. Бялик, «по достоинству оценивается лишь реалистическое направление как способное корректировать идеологию художников и расширять их кругозор; все же остальные направления рассматриваются как субъективистские и — обычно — реакционные»[5]. Между тем в романе «Что делать?» нетрудно обнаружить явно романтическую струю. Однако в своих каприйских лекциях Горький отвергал далеко не всякий романтизм. Он прямо приветствовал тот романтизм, «который возникает на почве сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием»[6]. Автору романа «Что делать?» свойствен именно такой романтизм. Почему же художественная позиция Чернышевского все-таки не устраивала Горького?

Понять это можно лишь в том случае, если мы подойдем к автору романа «Мать» не столько как к теоретику, сколько как к художнику, который осмысливает и оценивает произведения своих предшественников и современников, соотнося их, прежде всего, со своей *творческой* работой, со своими *художественными* исканиями, а потому и не без *писательского* субъективизма.

«История русской литературы» была задумана Горьким вскоре после того, как он завершил свою работу над романом «Мать». И писатель продолжал еще живо переживать те открытия, которые были им сделаны в этом произведении. А в нем, собственно, впервые в мировой литературе художественно освоена среда *сознательных рабочих,* активно воздействовавших на жизнь, изменявших ее и изменявшихся вместе с нею.

Как известно, новый жизненный материал не может быть претворен в художественные образы без опоры на уже имеющийся, ранее накопленный материал искусства (образы, сюжеты, метод, приемы, манеры изобразительности и так далее). Такой опорой для Горького — по всему — не мог не быть роман Чернышевского «Что делать?», в котором на переднем плане изображены люди активного революционного действия.

Однако, изображая иную социальную среду, рисуя новую историческую обстановку, Горький никак не мог ограничиться

---

[5] Бялик Б. А. М. Горький — литературный критик. М., 1960, с. 139

[6] Горький М. Указ соч., с. 70.

тем, что уже было завоевано его предшественниками. Ему было необходимо развить, обновить и пополнить художественную практику, существовавшую ранее.

Как указывал К. Маркс, «всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой»[7]. Соответственно, самым осязательным в художественных исканиях писателю-новатору представляется *отрицание* тех или иных сторон предшествовавшей ему традиции. Так и спортсмену, прыгающему в высоту, кажется, что главное — это оттолкнуться от трамплина как можно сильнее. И лишь по зрелому размышлении он поймет, что нельзя оттолкнуться от трамплина, одновременно не опираясь на него.

В. И. Ленин говорил о серьезном, не зряшном отрицании как о моменте связи, моменте развития «с удержанием положительного»[8]. И потому неминуемо возникает вопрос: что и почему отрицал А. М. Горький в художественном опыте Чернышевского и что — на деле — удержал из этого опыта?

Главный герой романа Чернышевского «Что делать?» Рахметов, несмотря на то, что по своему происхождению он — родовитый дворянин, чертами характера, всем своим отношением к жизни принадлежит к поколению революционеров-демократов, которые стремились помочь страдающему народу, освободить его от политического и социального гнета. Они жертвовали жизнью ради народа. И все-таки, в их представлении, народ был неспособен добиться победы собственными усилиями.

В условиях пролетарского этапа освободительного движения такое представление о возможностях народа оказывалось явно несправедливым. «Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян»[9], — писал В. И. Ленин.

«Буря, это — движение самих масс». Именно поэтому пролетарский писатель А. М. Горький жаждет видеть в качестве героя подлинного представителя этих масс. Между тем Рахметов все же «человек со стороны». Мало того, что он — дворянин, он и род свой ведет от татарского темника. А Горький

---

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 296.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

никак не может принять того, что «все «положительные типы» или герои русской литературы по происхождению — не русские: «Тургенев, для подражания нам, сочиняет хорошего болгарина, Гончаров — немца, Лесков — швейцарца, Рахметов— из татар»[10].

Не может Горький принять и покровительственного отношения к народу, которое было присуще революционным демократам 60-х гг., как и позднейшим народникам, и которое, в той или иной степени, не мог не разделять Рахметов. «О любви к народу, как к силе творческой, лучшей энергии природы, о любви к человеку, как равному мне мыслящему и чувствующему существу, — тут нет речи.

Речь идет лишь о том, чтобы силой людей построить ту или иную форму социального бытия, речь идет о человеке, как строительном материале, который можно употреблять так или иначе — в целях улучшения его бытия, конечно, но, по возможности, без помощи его сознания»[11], — не без полемического заострения утверждал Горький. Очевидно, его никак не могло устроить положение, согласно которому люди, подобные Рахметову, несмотря на свою немногочисленность, — «это двигатели двигателей, это соль земли». В «Матери» последовательно проводится другая мысль: рабочий народ — подлинный демиург истории, в нем и именно в нем «скрыты все возможности, и с ним — все достижимо!»

Горький отрицает тезис, который выдвигал Чернышевский. Однако идея Чернышевского, идея и Рахметова о необходимости *революционного* преобразования действительности — мало сказать — *полностью* сохраняет свое значение у Горького; она наполняется живым, конкретным и практическим смыслом. При этом отнюдь не отвергается существенная роль передовой интеллигенции в историческом процессе как носителя духа (именно она вносит в массы революционное сознание), хотя ее действия не осмысливаются как самостоятельные и решающие. Не случайно в числе положительных героев романа «Мать» не только представители рабочего класса — Павел Власов, Андрей Находка, Пелагея Ниловна и другие, но и интеллигенты — Егор Иванович, Наташа, Сашенька...

Все они — революционеры. Их, в особенности Павла Власова и Егора Ивановича, отличает целеустремленность, способность подчинить все в своей жизни основному, главному. Од-

---

[10] Горький М. Указ. соч., с. 226.
[11] Там же, с. 228.

нако изображая своих героев (как рабочих, так и интеллигентов), автор не видит в них каких-то необыкновенных, особенных людей. И в каприйских лекциях Горький решительно отвергает путь формирования Рахметова как «особенного» человека. «Это не человек, а «нарочно», это существо сделанное...»[12], — весьма категорично заявляет пролетарский писатель. Речь идет не просто о *художественной* недостоверности того процесса превращения обыкновенного молодого человека в сознательного революционера, который изображен Чернышевским, а еще, что особенно важно, — о неприятии такого пути. В самом деле, Рахметов становится революционером не столько в силу жизненных обстоятельств (хотя и они играют свою роль), сколько в силу своей исключительности. «Задатки в прошлой жизни были; но чтобы стать таким особенным человеком, конечно, главное — натура», — разъяснял автор. В самом деле, из той среды, из которой вышел Рахметов, революционерами становились немногие. Рахметов сам воспитал из себя революционера, сам себя сделал. Такое, по своей сути, *романтическое* решение проблемы Чернышевскому подсказывала эпоха, к которой он принадлежал.

Между тем Горький обратился к эпохе *массового* рабочего движения. Павел Власов, как и многие его товарищи, становится на путь борьбы, прежде всего, под давлением жизненных обстоятельств. Сама действительность толкает рабочих на этот путь, вызывая ненависть к общественной несправедливости и стремление устранить ее. О Павле Власове можно говорить как о продукте среды (иными словами, формирование его личности показано *реалистически*). Однако — не только так. «Формула» «человека создает его сопротивление окружающей среде», прозвучавшая в повести «Мои университеты», достаточно зримо осуществляется в образах Павла и других героев «Матери». Но ведь это — «романтическая» формула, поскольку она предполагает сознательное и активное отношение не только к окружающей жизни, но и к самому себе.

Горький — автор каприйских лекций по истории русской литературы — «отрицал» Рахметова. И во время работы над романом «Мать», используя для создания образа Павла Власова материал жизни Петра Заломова, писатель исключал те моменты его биографии, которые связаны с сознательным «опробыванием» самого себя на способность быть революционером. Прежде чем дать согласие на вступление в партию,

---

[12] Там же.

П. А. Заломов проверял, сумеет ли он в случае необходимости выдержать допрос «с пристрастием», с пыткой. «...Как бы нечаянно я разбивал себе при рубке молотком левую руку... Однажды в слесарной мы пришабривали со слесарем шток к большому поршню... Я как бы нечаянно выпрямился преждевременно и теменем ударился о железо»[13]. В романе «Мать» нет и не может быть таких «выигрышных» подробностей. Они противоречили бы общей концепции произведения, в соответствии с которой сама действительность формировала рабочих-революционеров и она же сама проводила суровую «пробу»[14]. И если суровость и аскетизм Рахметова вытекают больше из абстрактного принципа, у Павла Власова они продиктованы, прежде всего, жизненными условиями. Павел не отрицает права революционера на любовь, а лишь высказывает вполне резонное опасение, что с созданием семьи, с появлением детей «жизнь ваша станет жизнью из-за куска хлеба...; для дела — вас больше нет. Обоих нет!» Павел не ригоричен, а реалистичен.

И все же, отталкиваясь от образа Рахметова, Горький явственно опирался на него. Стремление изобразить действительность в ее революционном развитии, идея неодолимости общественного прогресса, сочетание реалистической изобразительности с романтическим пафосом переустройства мира на разумных началах социализма — все то, что характеризовало роман Чернышевского «Что делать?», получило продолжение и развитие в романе Горького «Мать». На примере своих положительных героев Горький решает ту же задачу, которую решал Чернышевский: «каким должен быть революционер?» (но уже — *пролетарский* революционер), «каковы должны быть его правила?» (но уже — в новых исторических условиях), «как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления?» По замыслу Чернышевского роман «Что делать?» должен был явиться своего рода «учебником жизни». Аналогичную задачу — на новом, пролетарском этапе освободительного движения — поставил перед собой Горький. «Учительская» роль его «Матери» была выразительно отмечена В. И. Лениным: «книга нужная, много рабочих участвовало в революционом движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой

---

[13] Семья Заломовых. Л., 1948, с. 15.

[14] Подробнее см.: Баскевич И. З. Павел Власов и Петр Заломов.— В кн.: Из прошлого и настоящего Курского края. Воронеж, 1970.

пользой для себя»[15]. В широком плане Павел Власов выступал как продолжатель дела Рахметова, его борьбы за социалистический идеал.

И по мере того, как непосредственный пафос творческой работы над романом «Мать» все больше отходил в прошлое, идея *отрицания* традиций Чернышевского у Горького все больше сменялась осознанием *связи* с ними. Правда, в дальнейшем Горький снова говорит о своей неудовлетворенности художественностью романа «Что делать?»[16], но вместе с тем прямо указывает на преемственную связь героев пролетарской литературы с героями Чернышевского, предлагает проследить линию «Рахметов до подпольщиков типа Куйбышева»[17]. А в очерке «В. И. Ленин» с образом Рахметова соединяет самого Ильича, поскольку он «в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей революционной интеллигенции, — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей...»[18]. В данном контексте определение «рахметовские» звучит, мало сказать, одобрительно, — восхищенно!

Очевидно не только для читателей и критиков, но и для самого Горького, что герои его «Матери» и других произведений о русских революционерах выступают «как прямые преемники лучших черт характера и энергичные продолжатели революционного, по-новому понятого, дела положительных героев Чернышевского и Некрасова на новом историческом этапе»[19].

---

[15] Горький М. Полн. собр. соч. худож. произв. в 25-ти т. М., 1968—1976, т. 20, с. 9.

[16] См.: М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 290.

[17] Правда, 1936, 8 авг.

[18] Горький М. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39.

[19] Овчаренко А. И. Указ. соч., с. 517.

В. В. Тихомиров

Литературно-критические концепции 1870-х годов (Лавров, Ткачев, Шелгунов) и традиции критики Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова

Развитие русской демократической критики в 1870-е гг. было сложным и противоречивым. И несмотря на то, что исследователями немало сделано для ее изучения, многие вопросы остаются неясными или спорными. Среди них — вопрос об отношении радикальной критики семидесятников к основным принципам реальной критики 60-х гг.

Как отмечает Г. А. Соловьев, принципы критики, названной впоследствии «реальной», впервые были применены Чернышевским в большой статье о «Губернских очерках» Щедрина (1857). Принципы таковы: 1) «правдивость произведения как условие литературно-критического анализа», 2) правильное истолкование «правдивого произведения, представленных в нем фактов и явлений жизни», 3) «определение особенности таланта писателя».

«Все три принципа обращают произведение к читателю, к его общественному сознанию и соотносятся между собой таким образом, что первый служит основанием второму, а третий необходим для правильного определения той сферы действительности, которая привлекла художника»[1], — резюмирует исследователь.

Несколько позже Добролюбов подробнее развил принципы реальной критики, сохранив основные положения критической программы Чернышевского. Именно эти принципы стали объектом пристального внимания критиков демократических журналов с конца 1860-х гг. Было ли это творческим развитием литературно-критических концепций революционных демократов в новых исторических условиях, как часто объясняют по-

[1] Соловьев Г. А. Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974, с. 312, 313.

зицию Писарева, или нарушением основ эстетики и критики шестидесятников?

Нам представляется бесспорной мысль Б. Ф. Егорова о том, что «в народнической критике взгляды Чернышевского и Добролюбова вульгаризировались, искажались, неправомерно говорить здесь о преемственности, о прямом продолжении и т. п.» [2].

Некоторые современные исследователи народнической критики (В. В. Ильин, В. Н. Коновалов) отмечают отход критиков-народников от принципов реальной критики и в то же время считают возможным называть критику семидесятников «реальной» на том основании, что сами критики использовали этот термин.

Такое расширенное применение термина «реальная критика» нельзя признать оправданным, оно неисторично. Действительно, и Лавров, и Ткачев, и Шелгунов, и другие известные критики-демократы 1870-х гг. ратовали за реальную критику, но понимали ее не совсем так, как Добролюбов и Чернышевский.

Имеются прямые свидетельства того, что теоретики литературной критики 1870-х гг. четко представляли себе реформаторскую сущность своей критической программы по отношению к принципам основоположников реальной критики. Так, в обширной статье «О задачах современной критики» (1868) П. Л. Лавров в сущности аргументирует необходимость создания новой критики в изменившейся обстановке конца 1860-х гг.: «Оставляя временно более обширные и полные задачи, как недоступные ее современникам, критика должна себе поставить определительно задачу возможного для требований жизни в данную эпоху» [3].

Лавров подробно доказывает необходимость критики публицистической, руководствующейся требованиями социологии, и совершенно не затрагивает эстетических аспектов критики. Еще полнее его критическая концепция проявилась в письме, адресованном редакции журнала «Библиограф». Автор называет критику «адвокатурой на суде современной мысли», требует от нее прежде всего внимания к философским, политическим и экономическим проблемам [4]. По сути дела Лавров выходит за пределы литературной критики, подменяет

---

[2] Егоров Б. Ф. Перспективы, открытые временем.— Вопр. лит., 1973, № 3, с. 120.

[3] Звенья, 1936, № 6, с. 775, 776.

[4] См.: Библиограф, 1869, № 1, с. 3, 14.

ее публицистикой, поэтому его разработка теоретических аспектов критики оказывается односторонней.

В стремлении ревизовать принципы реальной критики Лавров был не одинок в среде радикальных журналистов конца 1860-х гг. Не случайно его статья «О задачах современной критики» была одобрена публицистами прогрессивных журналов того времени — «Отечественных записок» (Михайловский) и «Дела» (Гайдебуров).

Другой видный народнический публицист и критик П. Н. Ткачев в стремлении утвердить новую критическую программу пошел дальше Лаврова. В нескольких статьях, написанных в 70-е гг., Ткачев формулирует достаточно четкую концепцию литературной критики радикального народничества: «Присвоить литературной критике точные и научные методы естествознания» [5].

Ткачев отводит критике большое место в литературно-общественной жизни, считает ее важнейшим средством «содействия общественному прогрессу», но его явно не устраивает публицистическая критика Добролюбова и Писарева. В настоящее время, считает Ткачев, «немногие... решаются быть настолько глупыми, чтобы устранять по принципу из своей критики анализ влияния социальной среды как на талант художника, так и на характеры изображаемых им лиц» [6].

Публицистичность критики, по Ткачеву, зависит от внешних, привходящих обстоятельств и от личности критика и может быть присуща как прогрессивным, так и консервативным программам. Между тем сам Ткачев стремится превратить критику в науку, подвести под нее прочную философскую базу. Современная критика не удовлетворяет его и тем, что она соприкасается с эстетикой, в оценке явлений искусства все еще признает принцип личного вкуса, не пытается проникнуть в тайны самого акта творчества и продолжает трактовать творческий процесс как бессознательное, «таинственное ясновидение», «сомнамбулизм», галлюцинацию» [7]. Добролюбов и Писарев, по мнению Ткачева, подорвали авторитет эстетической критики, но они оценивали каждое произведение с точки зрения идеала, следовательно, их метод оставался идеалистическим. «Правда, их идеалы — не те идеалы, с которыми носятся эстетики. Но сущность приема от этого не изменяется,

---

[5] Козьмин Б. П. Ткачев как литературный критик.— В кн.: Ткачев П. Н. Избранные литературно-критические статьи. М.— Л., 1928, с. 23.

[6] Там же, с. 28, 31.

[7] Там же, с. 39—40.

изменяется только задача, цель критика, она уже всецело обуславливается содержанием идеала»[8]. Необходим принципиально иной метод литературной критики, другая исходная точка ее.

И Ткачев предлагает такой метод — метод естествоиспытателя, «простой и естественный способ отношения к изучаемому предмету», когда к каждому явлению искусства подходят с вопросом: «что оно есть?»

Современная реальная критика неудовлетворительна, по Ткачеву, еще и потому, что теряется ее «литературный характер, то есть она перестает быть критикою явлений литературы и становится критикою действительной жизни». Такая задача реальной критики, основанной Добролюбовым, уместна лишь в «известные моменты» общественной жизни, она превращает литературное произведение в побочный предмет анализа»[9].

Позитивная литературно-критическая программа Ткачева включает в себя новое важное положение — требование уяснить законы психологии творчества, знание которых, по его мнению, и сделает критику научной.

Стремление переосмыслить традиции критики 1860-х гг. характерно и для известного демократического публициста Н. В. Шелгунова. Например, в статье «Глухая пора» (1870) он подчеркивает, что в настоящее время необходима «критика факта», так как ушло время для широких обобщений, для критики «по поводу». «Я чувствую глубочайшее уважение к Добролюбову и Писареву, — пишет критик, — я их читаю и теперь, но пережитое уже пережито и не повторяется; не воскресить того, что умерло...»[10].

Критическая практика Шелгунова свидетельствует о том, что он ставит критику выше литературы («беллетристы только собирают да подкладывают дрова в машину жизни, а машинистом является критик-публицист»). В дальнейшем Шелгунов решительно высказался в пользу «реальной теории» Золя, найдя в ней новый синтез литературы и науки[11]. Этот вывод публициста вполне соответствовал его определению сущности и значения литературной критики.

Мы упомянули лишь отдельные факты переоценки тради-

---

[8] Там же, с. 46.

[9] Там же, с. 47, 49.

[10] Шелгунов Н. Глухая пора.— Дело, 1870, № 4, с. 2, 3 третьей пагинации.

[11] См.: Шелгунов Н. Недоразумения нашего художественного творчества (по поводу реальной теории Золя). — Дело, 1879, № 9, с. 335.

ций реальной критики шестидесятников в последующую эпоху. Примеры можно было бы продолжить[12]. Но и сказанное достаточно убедительно показывает, насколько сложны и противоречивы были пути развития демократической критики на рубеже 1860—1870 гг.

О существенных изменениях программы демократической критики в конце 1860-х и в 1870-х гг. можно судить не только по соответствующим манифестам и теоретическим высказываниям критиков но и — с еще большей убедительностью — по конкретным характеристикам творчества ряда писателей. Особый интерес в этом отношении представляют критические оценки сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Известно, что, в отличие от Чернышевского и Добролюбова, критика журналов «Русское слово» и «Дело» Г. Е. Благосветлова отрицательно относилась к сатирику. Начало было положено статьей Д. И. Писарева «Цветы невинного юмора» (1864) — одной из первых в нашумевшей полемике между «Современником» и «Русским словом». Статья эта обычно трактуется как ошибочная, написанная с явной полемической целью. Между тем Писарев был не одинок в неприятии сатиры Щедрина. Его мысли были поддержаны критиками журнала «Дело» Н. В. Шелгуновым («Горький смех — не легкий смех», 1876) и П. Н. Ткачевым («Безобидная сатира», 1878).

Через несколько лет, в 1880-е гг., Шелгунов пересмотрел свое отношение к творчеству Щедрина, но лишь позднейшему. Относительно же творчества сатирика в 60—70-е гг. критик по-прежнему придерживался мнения, что «у сатиры Щедрина не было еще точных границ, он раскидывал свои стрелы направо и налево, ...как бы желая только удовлетворить своему сатирическому складу ума»[13].

Шелгунов отмечает, что его не устраивал отвлеченный характер («безразличность») сатиры Щедрина. По сути дела, недовольство радикальной критики объяснялось отсутствием в его сатире откровенной положительной программы. Неслучайно Шелгунов противопоставил сатире Щедрина сатиру Добролюбова: он находит у Добролюбова ясность, определенность, «положительную сущность», «направление и тенден-

---

[12] Подробнее об этом см.: Тихомиров В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин и становление русской литературной критики на рубеже 1860—70-х годов.— В кн.: Писатель и литературный процесс. Науч. тр. Курск. пед. ин-та, 1976, т. 68.

[13] Шелгунов Н. В. Избранные литературно-критические статьи. М.— Л., 1928, с. 28.

цию», то есть то, чего, по его мнению, не хватало Щедрину [14].

Ткачев тоже, отмечая «замечательное остроумие», «неистощимую фантазию», «редкую отзывчивость» по отношению к жизни, «художественное чутье» и способность «к глубокому и всестороннему психологическому анализу» Щедрина, не видит целенаправленности в его сатире, утверждает, что «этот юмор и это остроумие является у него каким-то обоюдоострым оружием, которым он, без достаточной разборчивости, побивает и друзей и врагов».

Однако Ткачев не ограничивается констатацией нечеткости миросозерцания сатирика. В настроениях Щедрина и его сторонников критик видит логическое завершение барского «хныканья» по поводу безобразий, характерных для поколения 40-х гг. У этого поколения, утверждает Ткачев, «недовольство, пройдя через стадию мировой скорби, ... привело... к нравственному ожесточению» — «наиболее подходящею формою обнаружения последнего является... хохот — бесшабашный, веселонравный хохот» [15].

Итак отсутствие узко-назидательной, догматической идеи в сатире Салтыкова-Щедрина определило отрицательное отношение к нему со стороны критиков «Дела», руководствовавшихся в своих оценках своеобразным нравственным императивом, требованием непосредственных позитивных решений.

Шелгунов и Ткачев в своем неприятии сатиры Щедрина апеллируют к Добролюбову-сатирику, но в то же время в своих суждениях руководствуются критериями, весьма далекими от реальной критики последнего, нарушая принцип объективной оценки литературного творчества, требуя от писателя того, чего у него нет и не может быть в силу специфики его таланта.

Субъективизм и нетерпимость журнала «Дело» по отношению к Щедрину особенно явственно видны на фоне известных критических статей Чернышевского и Добролюбова, посвященных «Губернским очеркам». Они находят в очерках Щедрина основное, важное для них содержание и обсуждают его, постоянно предпринимая выходы в действительную жизнь. Так, Чернышевский главный смысл первого сатирического цикла Щедрина увидел в изображении того, как пагубные общественные обстоятельства искажают натуру человека. В соответствии со своими антропологическими взглядами критик считает щедринских персонажей испорченными, но всегда сохра-

---

[14] См.: Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л., 1974, с. 31.
[15] Ткачев П. Н. Избр. соч. М., 1932, т. 4, с. 178.

няющими какую-то способность стать лучше в других условиях. Иными словами, Чернышевский заметил в «Губернских очерках» важную для революционера-демократа мысль о необходимости социальных преобразований для создания условий формирования естественной человеческой личности.

Добролюбов продолжает эту линию анализа очерков, но основное внимание уделяет характеристике самих персонажей («талантливых натур»), показывая их духовное уродство, бесполезность и неспособность к делу, то есть больше говорит именно об обличительном характере книги.

Писарев же, начавший переоценку щедринского творчества в прогрессивной критике, не нашел в юморе Щедрина никакого смысла, потому что у него, в отличие от Писемского и других сатириков, нет изображения ужасов и трагических ситуаций, а есть лишь нелепости, достойные смеха, — и ничего положительного. Такое вопиющее непонимание сатирической остроты Салтыкова-Щедрина могло быть у Писарева и его последователей лишь следствием ограниченности методологии критики, игнорирования специфики художественного видения жизни великим сатириком, игнорирования эстетических аспектов литературной критики вообще.

Следовательно, ревизия основных принципов реальной критики и вообще эстетических идей революционной демократии была начата еще Д. И. Писаревым. Вряд ли правильно считать критику 1870—1880-х гг. переходной между революционно-демократической реальной критикой шестидесятников и марксистской критикой. Это совершенно особое явление в истории русской критики, обусловленное исторической обстановкой и популярностью среди публицистов и критиков того времени философии позитивизма, упрощенно трактующей эстетические проблемы развития искусства.

В. Н. Коновалов

Н. Г. Чернышевский и народническая критика

Данная проблема является частью более широкой проблемы «Народничество и революционная демократия 60-х гг. 19 в.», которая возникла давно, одновременно с формированием народничества, объявившего себя хранителем наследства шестидесятников. В 80—90-е гг. она приобрела особую остро-

ту и стала одной из важнейших в полемике марксистов с народниками. В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, другие русские марксисты раскрыли несостоятельность претензий либерального народничества на наследство шестидесятников и показали, что революционеры-демократы были непосредственными предшественниками марксизма в России. В работах В. И. Ленина «Что делать?», «От какого наследства мы отказываемся», «К характеристике экономического романтизма» и других разработаны методологические принципы оценки народничества, дана конкретная его характеристика.

Но, как известно, диалектический подход к сложным общественным явлениям еще в недавнем прошлом подменялся иногда, по выражению А. С. Бушмина, «априорно-идеологическим», поэтому народничество, в частности литературное, рассматривалось преимущественно в негативном плане, отрывалось от революционно-демократических традиций. В 60—70-е гг. в отношении к народникам произошел решительный поворот. В работах историков (В. Антонова, Г. Вульфсона, Б. Итенберга, Ш. Левина, В. Твардовской), философов (В. Богатова, В. Малинина, А. Казакова, В. Лукина, В. Хороса), литературоведов (М. Зиновьевой, П. Николаева, М. Осьмакова, М. Пинаева, Н. Пруцкова, В. Смирнова, Н. Соколова, В. Щербины) народничество исследуется с конкретно-исторических позиций, что дает возможность объективной характеристики различных его аспектов, и теперь практически никто из исследователей не противопоставляет народников революционерам-демократам. Как пишет В. Р. Щербина, «ленинская концепция развития русской общественной мысли прошлого столетия свидетельствует о неправомерности тенденциозного противопоставления Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других революционеров-демократов народникам»[1].

Это общее положение справедливо и по отношению к литературному народничеству. В большинстве работ последних лет связь литературы и критики народников с традициями шестидесятников рассматривается с позиций историзма, без поверхностных аналогий и неоправданных крайностей. По словам П. А. Николаева, «представители народнической мысли... вопервых, субъективно не были противниками реализма, а, вовторых, сумели, несмотря на свои общие ошибочные доктрины, помочь его развитию»[2].

---

[1] Щербина В. Р. Ленин и вопросы литературы. М., 1967, с. 356.

[2] Николаев П. Теория реализма в России второй половины века.— В кн.: Развитие реализма в русской литературе. М., 1973, т. 2, кн. 2, с. 481.

Но признание того, что народническая критика 70—80-х гг. не была лишь «искажением», «вульгаризацией» эстетических идей революционеров-демократов, ставит ряд новых историко-литературных и теоретико-методологических проблем. Во-первых, как отмечает Н. И. Соколов, «раскрытие и освещение этого вопроса требует обращения к конкретным материалам развития литературы»[3]. Во-вторых, конкретизация должна дополняться типологическим обобщением, что даст возможность привести многочисленные, нередко противоречивые факты в систему и рассмотреть отношение народничества к революционной демократии 60-х гг. с выделением различных уровней их идеологических систем. Это тем более важно, что довольно распространенной до сих пор ошибкой является отсутствие такой дифференциации и перенос системы понятий одного уровня на другой, например, перенос критики общинных теорий народников на изображение общинных порядков в их художественных произведениях, хотя, как известно, теоретическая идеализация общины не мешала художникам и публицистам народничества видеть и с глубоким реализмом воспроизводить истинное положение деревни.

Нужно учитывать также, что система понятий даже одного уровня требует диалектического подхода, так как в различных конкретных условиях функциональное назначение элементов этого уровня может быть неоднозначным. Нельзя не согласиться с В. Б. Смирновым, который пишет о Михайловском: «Защита субъективного метода в социологии приводит Михайловского к твердому и настойчивому отстаиванию тенденциозности в искусстве, способствующей социологическому исследованию действительности»[4]. И если народническая система воззрений, черты которой названы В. И. Лениным в статье «От какого наследства мы отказываемся?», означала, по ленинскому выражению, «теоретическое *принижение* 70-ков сравнительно с людьми 40-х и 60-х годов»[5], «шаг назад» от «цельного философского материализма Н. Г. Чернышевского», то «ложный в формально-экономическом смысле, народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле... *истина*... своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс...»[6]. Ленинская характеристика народниче-

---

[3] Соколов Н. И. Русская литература и народничество. Л., 1968, с. 13.

[4] Смирнов В. Б. Литературная история «Отечественных записок» Пермь, 1974, с. 56.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 402.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 120.

ства в «широком смысле» и дает основание для установления преемственности демократических традиций во всех сферах передовой русской мысли, в том числе в критике, где народники не только отстаивали традиции критики 60-х гг., но, опираясь на них, выдвинули ряд новых проблем, внеся значительный вклад в развитие теории реализма, что признается однако еще не всеми исследователями.

Комплекс вопросов, связанных с проблемой «революционеры-демократы и народники», удобнее всего рассматривать на конкретном материале: «Чернышевский и народничество 70-х гг.» Проблема эта многогранна, по отдельным ее аспектам имеются интересные исследования[7]. В этой статье литературная критика Чернышевского соотносится с литературной критикой народников через анализ их критического метода, который рассматривается как взаимосвязь методологических принципов, идейно-эстетических установок и приемов анализа, обусловленная предметом, спецификой и историческим функционированием критики, при этом понятие «народническая критика» берется в типологическом аспекте как идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России[8].

Прежде всего нужно отметить, что народники считали Чернышевского своим учителем и, как свидетельствуют многочисленные мемуары (например, П. Кропоткина, Н. Михайловского, В. Фигнер, Н. Чарушина, А. Скабичевского и других), непосредственно связывали формирование своего мировоззрения с влиянием идей Чернышевского и руководимого им журнала «Современник». В 70—80-е гг., когда под запретом были не только произведения, но и имя Чернышевского, народники очень много сделали для пропаганды его идей, для ознакомления русского и зарубежного читателя с его произведениями[9]. Неоспоримо воздействие идей Чернышевского на идеологию, социологию, художественное творчество и литературную

---

[7] См.: Водолазов Г. От Чернышевского к Плеханову. М., 1969; Ильин В. В. Русская реальная критика переходного периода. Смоленск, 1975; Смирнов В. Б. Н. Г. Чернышевский и крестьянские очерки Гл. Успенского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4. Он же. Н. Г. Чернышевский и литературное народничество. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1968, вып. 5. Он же. Общинная теория Чернышевского и публицистика «Отечественных записок».— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1971, вып. 6.

[8] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 304.

[9] Интересные в этом плане новые факты содержатся в кн.: Травушкин Н. С. Н. Г. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978.

критику народников, которые отстаивали основные принципы демократической эстетики 60-х гг. (народность, идейность, действенность искусства) и привлекали тот же круг проблем (изображение народной жизни, новый тип положительного героя, передовое мировоззрение, борьба с концепциями «чистого искусства»). «То обстоятельство, что материалистическая эстетика революционеров-демократов была наиболее разработанной частью их философских воззрений, явилось решающим моментом в формировании эстетических взглядов народников»[10]. Преуменьшать значения указанных фактов нельзя, так как они свидетельствуют о том, что в период общественного подъема 70-х гг. и особенно в мрачные 80-е гг. народническая критика утверждала важность наследия шестидесятников, способствовала распространению их произведений и идей, что само по себе было проявлением преемственности демократических традиций.

Однако такого понимания преемственности недостаточно. Необходимо выяснить, что именно брали народники у Чернышевского, как интерпретировали, в каком направлении развивали наследие. Немаловажным является и то, что эстетические принципы Чернышевского народники не просто повторяли, а разрабатывали в иных исторических условиях, применительно к новым явлениям литературного процесса, в соответствии со своими методологическими установками. При этом неизбежны были изменения акцентов, несовпадение конкретных оценок. Например, Ткачев, в отличие от Чернышевского, резко отрицательно отнесся к крестьянским очеркам Ник. Успенского, который, по его мнению, потешается над глупостью и грубостью мужиков. Сдержанно отозвались о творчестве Ник. Успенского и другие народники. В то же время все они, вслед за Щедриным, очень высоко оценили суровую правду повестей Решетникова и вообще, в духе статьи Чернышевского «Не начало ли перемены?», выступали против сентиментальной идеализации мужика («Разбитые иллюзии», «Мужик в салонах русской беллетристики» П. Ткачева; «Гл. Успенский как писатель и человек» Н. Михайловского; «Чего нужно добиваться реальному поэту» А. Скабичевского). Изменение конкретной оценки при сохранении верности общему направлению было вызвано в немалой степени изменением позиций Ник. Ус-

[10] Горланова Т. Эстетические взгляды народников в свете ленинских оценок.— В кн.: В. И. Ленин и некоторые вопросы истории и теории эстетики. М., 1969, с. 77.

пенского, не нашедшего после закрытия «Современника» своего места в демократической журналистике, и не может поэтому рассматриваться, как это иногда делается, в качестве примера отступления народников от традиций Чернышевского. В то же время, опираясь на некоторые суждения и оценки Чернышевского, следуя их букве, критики-народники фактически отступали от их духа. Так, например, принимая в целом материалистическую концепцию искусства в «Эстетических отношениях искусства к действительности», они, особенно Ткачев, абсолютизировали элементы рационализма и утилитаризма, имеющиеся в диссертации и не определяющие ее методологии. Вообще следует сказать, что путь прямолинейных аналогий в изучении проблемы «Чернышевский и народническая критика» бесперспективен, он является источником поверхностных суждений об этом сложном явлении.

Так, например, народники, вслед за Чернышевским, Добролюбовым, Щедриным, очень остро и конкретно ставили вопрос о позиции писателя, о роли передового мировоззрения. Однако их не удовлетворяло интуитивное чувство правды, свойственное истинному таланту. «Жизненная правда» (П. Ткачев) произведения прямо связывалась ими с отношением художника к важнейшим проблемам времени. С точки зрения насущных задач эпохи, такая позиция была прогрессивна, но народники отошли от свойственного «реальной критике» 60-х гг. диалектического понимания взаимосвязи мировоззрения и творчества, суть которого хорошо была выражена Добролюбовым: «Собственный же взгляд его (художника. — *В. К.*) на мир, служащий ключом к характеристике его таланта, надо искать в живых образах, создаваемых им»[11]. Этот отход стал одной из причин упрощенных оценок творчества Толстого, Тургенева, Достоевского.

То же самое можно сказать о стремлении поставить критику и эстетику на научную основу. Идея выработки объективных критериев эстетических суждений была очень актуальна для эстетики 60-х гг., она доминирует в диссертации Чернышевского, в принципах «реальной критики» Добролюбова. Народническая эстетика делает попытку использовать для обоснования своих выводов и суждений данные психологии («Тенденциозный роман», «Принципы и задачи реальной критики», «Ликвидация эстетической критики» П. Ткачева), социологии

---

[11] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6-ти т. М., 1934—1951, т. 2, с. 47.

и истории («Задачи понимания истории», «Опыт истории мысли нового времени» П. Лаврова), даже математики («Три беседы о современном значении философии», «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» П. Лаврова). П. Ткачев («Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики») и П. Лавров («Задачи понимания истории») связывают развитие литературы с экономическим базисом и делают попытку использовать экономическую теорию К. Маркса для анализа литературных явлений. Попытки комплексного, научного исследования литературного процесса тоже могут быть записаны в актив народнической критики, тем более что они предпринимались в ответ на стремление использовать достижения науки для обоснования концепций «чистого искусства». Но, поставив в связи с этим ряд новых, исторических перспективных проблем, народническая критика и здесь сделала «шаг назад» от Чернышевского (а некоторые критики, например А. Скабичевский, пытавшийся заменить «научной» теорией «рефлектирования впечатлений» «метафизическую» теорию верности искусства действительности, отодвинулись назад еще дальше). Дело в том, что в отличие от диалектического мышления Чернышевского (пусть и ограниченного исторически) мышление народников, их методология носили метафизический характер, что проявляется не только в их социологии, но и в других сферах деятельности. Г. В. Плеханов, говоря об отношении народников к Чернышевскому, отмечал, что «строго держась каждой буквы его писаний, они утратили всякое понятие об их духе», «последователи Чернышевского не могли усвоить себе приемы его диалектического мышления, а сосредотачивали свое внимание лишь на результатах его исследований»[12]. Применительно к критике это высказывание Плеханова звучит слишком сурово: народническая критика не топталась на месте, она способствовала развитию теории реализма. Однако констатация Плехановым отхода народников от диалектического мышления важна для понимания их критического метода: именно в этом пункте проявилось их теоретическое и методологическое «принижение» по сравнению с критикой и эстетикой Чернышевского. При этом следует подчеркнуть, что «принижение» нельзя понимать только как количественное «уменьшение», и ухудшение: как раз в «количественном» отношении у народников было и движение вперед, так как они по-своему с

[12] Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. в 5-ти т., т. 1, с. 172—173.

демократических, реалистических позиций откликались на новые явления литературного процесса. Это «принижение» было качественным. Если в основе мировоззрения Чернышевского лежал «дух объективного, конкретно-исторического, материалистического анализа»[13], который В. И. Ленин называл «трезвым», «социологическим реализмом», то народники исходили из «абстрактной идеи», «ни один не считал нужным ставить критерием своих теорий именно данное развитие общественно-хозяйственных отношений (а в применении этого критерия и состоит основное отличие научной критики)»[14]. В качестве конкретного примера, подтверждающего отличие революционно-демократического от народнического типа мышления, можно сослаться на суровые отзывы Чернышевского 80-х гг. о Гл. Успенском. В творчестве писателя Чернышевский отвергает его народнические иллюзии.

Таким образом, тип мышления — это категория, позволяющая выделить системообразующий принцип, проявляющийся и в социологии, и в философии, и в эстетике. Опираясь на него, можно обобщить многочисленные, нередко противоречивые факты, что необходимо для изображения «процесса *в целом*», для учета «всех тенденций и определения их равнодействующей или их суммы, их результата»[15].

Но эти «тенденции», являясь частью системы, подчиняясь общей закономерности, обладают в определенном контексте относительной самостоятельностью, и поэтому в разных сферах народнической деятельности проявляются неоднозначно. Если, например, утопические элементы наиболее заметны в их «убеждениях», то «наблюдения» народников, как писал В. И. Ленин о «Письмах из деревни» Энгельгардта, отличает замечательная трезвость взглядов, «простая и прямая характеристика действительности»[16]. Эти сильные стороны народнической позиции доминируют прежде всего в их беллетристике и литературной критике. Что касается критики, то это вызвано следующими причинами[17]:

1) Оперативностью литературной критики, ее непосредственной связью с животрепещущими проблемами литературной и общественной жизни, тем более, что ведущие критики «ге-

---

[13] Водолазов Г. Указ. соч., с. 81.
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 247.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 195—196.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 252.
[17] Подробнее об этом см.: Коновалов В. Н. Литературная критика народничества. Казань, 1978.

роического периода» (В. И. Ленин) были или активными участниками революционного движения (Ткачев, Лавров), или видными сотрудниками демократических журналов (Михайловский, Скабичевский). Михайловский имел основание с гордостью заявить, что все, о чем он писал, «связывалось единством пульса жизни, который у меня бился в такт с моими читателями»[18].

2) Влиянием русской реалистической, особенно демократической, литературы 60—80-х гг., результатом чего было усиление в статьях народников той трезвости суждений и взглядов, которые В. И. Ленин высоко ценил у Энгельгардта. Не случайно критики-народники выступили против тех писателей, которые «замалчивают, — как отмечал Михайловский, — горькие факты народной жизни»[19].

3) Журнальным контекстом, воздействием атмосферы демократических журналов «Отечественные записки» и «Дело», которая благоприятствовала формированию демократического мировоззрения, о чем писали Михайловский, Лавров, Скабичевский. Следует также учесть, что критики-народники принимали, как правило, деятельное участие в подпольной и эмигрантской революционной печати.

4) Воздействием традиций революционно-демократической эстетики 60-х гг. и Салтыкова-Щедрина. Как писал В. И. Ленин, «у главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция»[20].

Этими факторами можно объяснить то, что литературная критика народников была по своему пафосу и направленности ближе к традициям Чернышевского, чем их экономические или социологические теории.

---

[18] Михайловский Н. К. Соч. в 6-ти т. СПб., 1896—1897, т. 6, с. 461.
[19] Михайловский Н. К. Соч. в 6-ти т., т. 4, с. 523.
[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 24.

Л. Ф. Федосова, Л. П. Федосов

Роль Н. Г. Чернышевского в развитии общественной мысли и литературы на Украине во второй половине XIX века

Велики и непреходящи заслуги Н. Г. Чернышевского перед народами нашей страны в деле борьбы за социальное и национальное освобождение. Историческое прошлое Украины, современная ему политическая борьба, жизнь и быт украинских крестьян привлекали особое внимание великого русского революционера-демократа. «Если есть племена, — писал он в 1861 г. в статье «Национальная бестактность», — могущие к себе привлекать симпатию больше, чем другие племена, то именно малороссы — одно из племен наиболее симпатичных... Нельзя не сочувствовать им» (7, 775).

Не только сочувствие к рабскому положению украинского народа, но прежде всего желание помочь ему освободиться от угнетателей сблизило Чернышевского с украинским поэтом Т. Шевченко. В годы революционной ситуации они сообща выступали против крепостнической реформы, за крестьянскую революцию. В статьях, напечатанных в «Современнике» («Труден ли выкуп земли?», «Материалы для решения крестьянского вопроса» и др.), Чернышевский в трудных условиях цензурного террора обличал грабительский характер готовящегося «освобождения крестьян». Благодаря дружбе с Чернышевским, Шевченко окончательно утверждается на позициях революционной демократии. Украинский поэт, как Герцен и Чернышевский, убеждает читателей в том, что от царизма нельзя ждать «желанной воли», что

«... надо поскорее
Всем миром закалить обух
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить».

Идеей насильственного свержения царизма проникнуто не только стихотворение «Я, чтоб не сглазить, не хвораю....», откуда взяты приведенные строки, но и многие другие.

В годы дружбы с Чернышевским в поэзии Шевченко особенно сильно зазвучала тема будущей счастливой жизни тру-

дового народа, жизни, которая утвердится после победы революции. Он говорит о том, что в новом обществе будут царить равенство и братство, освобожденный труд преобразит природу и человека. Эти идеи Шевченко распространял среди крепостных крестьян во время поездки по Украине в 1859 г., за что был схвачен жандармами и препровожден в Петербург.

Великий русский мыслитель не оставил нам работ, в которых анализировалось бы творчество отдельных украинских писателей. Однако в его наследии есть несколько проблемных статей, где с позиций революционной демократии, с позиций материалистической эстетики поставлен и решен ряд вопросов, имевших определяющее значение для развития общественной мысли и прогрессивной литературы на Украине вплоть до Великого Октября. В статье «Новые периодические издания» Чернышевский рассматривает некоторые значительные факты литературной жизни Украины.

В течение полувека со времени выхода из печати поэмы «Энеида» И. Котляревского, в среде умеренных украинских литераторов (да и не только украинских!) время от времени возникали дискуссии о возможности создания полноценных художественных произведений на украинском языке. Представители реакционных кругов (Н. Катков, В. Безобразов) вообще отрицали право украинского народа иметь литературу на родном языке. Русский революционер-демократ убедительно доказал полнейшую несостоятельность подобных утверждений. «Спрашивают иногда, — задает вопрос Чернышевский, — способен ли малорусский язык достичь высшего литературного развития?.. Да разве следует иметь тут какое-нибудь сомнение? Да разве есть на свете какой-нибудь язык или какое-нибудь наречие, которое не получит высшего литературного развития, когда племя, говорящее им, будет нуждаться по своему развитию в литературе?» (*7*, 937).

Этой статьей Чернышевского был дан чувствительный удар по русским шовинистам и украинским литераторам либерально-буржуазного толка, не признававшим за украинским языком и литературой будущего, считавшим украинский язык пригодным лишь для «домашнего употребления». После появления этой статьи печатные нападки на украинскую культуру почти прекратились. Печальным исключением был только пресловутый правительственный указ 1863 г., подписанный ярым шовинистом Валуевым, где говорилось, что «никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может».

Подобно тому, как в украинской нации Чернышевский видел два антагонистических класса — господ и крестьян, угнетателей и угнетенных, так и в украинской литературе он видел выразителей интересов обоих этих классов. Великий русский мыслитель первый указал на два идейных направления в украинской литературе — либерально-буржуазное и демократическое. Прослеживая развитие украинской литературы, Чернышевский указывает на реакционную направленность некоторых произведений Г. Квитки-Основьяненко, Н. Костомарова, П. Кулиша, идеализировавших самодержавно-крепостническую систему, насаждавших религию и проповедовавших национальную рознь. «Это были люди патриархальные, — пишет Чернышевский, — не умевшие различать в своем родном быте дурных сторон от хороших и возводившие в идеал многие такие вещи, от которых уже отворачивался сам малорусский народ» (7, 934).

В работах, созданных передовыми украинскими писателями в последующие годы (Панас Мирный, И. Франко), проводится идея классовости литературы. И наоборот: Н. Костомаров, П. Кулиш, А. Конисский проповедуют идею «единого потока», утверждая, что между Шевченко и Квиткой-Основьяненко не было существенной разницы, что они изображали жизнь с «общенациональных» позиций.

После смерти Шевченко революционно-демократические идеи на Украине пропагандировал Панас Мирный. Еще в юности проштудировав диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», он записывает в дневник: «Чернышевский. Красота искусства в эстетическом отношении ниже красоты действительности. Содержание искусства не исчерпывается красотой и моментами красоты, т. к. все интересно, все красиво в жизни». Руководствуясь этим краеугольным положением материалистической эстетики, Панас Мирный создает свои лучшие произведения.

Особенно сильное влияние на писателя оказал роман Чернышевского «Что делать?» В повести «Товарищи» украинский реалист впервые в украинской прозе создал образы революционеров-разночинцев. В финале романа «Уличная» Панас Мирный дает сцену предсмертного сна героини, перекликающуюся с четвертым сном Веры Павловны.

Для распространения революционных идей Чернышевского среди украинских трудящихся особенно много сделал Иван Франко. О революционизирующем влиянии произведений Чернышевского на развитие общественной мысли в Га-

лиции Франко писал позднее в одном из «Тюремных сонетов»:

Давным-давно, в одном почтенном доме,
В дни юности, в дни светлого расцвета,
Читали мы «Что делать?» — и беседы
Шли о грядущих днях, о переломе.

Он перевел на украинский язык отрывки из романа «Что делать?» и напечатал их во львовском журнале «Друг» в 1876 г. Этот перевод романа на украинский язык был осуществлен в то время, когда его автор находился в ссылке.

Идеи русской революционной демократии И. Франко популяризирует во многих публицистических и литературно-критических работах, написанных на украинском, польском и немецком языках. Он продолжает разоблачать украинских буржуазных националистов, объединившихся в партии «народовцев», продолжает борьбу, начатую Чернышевским в статье «Национальная бестактность». Основные положения материалистической эстетики Чернышевского нашли отражение в тезисах Франко о тенденциозности литературы, о верности ее жизненной правде. Обращаясь к своим оппонентам из буржуазного лагеря, проповедовавшим лозунг безыдейности искусства, Франко в программной статье «Литература, ее назначение и важнейшие черты» писал: «Литература, стоящая над партиями, — это только ваш сон, это ваша фантазия, а на деле такой литературы не было никогда... У нас единственный эстетический кодекс — жизнь»[1].

В 80—90-е гг. XIX в. в украинской общественной мысли особенно резко выделяется две противоположные позиции в отношении к идейному наследию Чернышевского. Если демократические деятели пропагандировали его революционное учение и претворяли в жизнь выработанные им эстетические принципы, то деятели либерального толка пытались изобразить Чернышевского сторонником «мирного и умеренного» пути общественного развития. Либералу М. Драгоманову, например, претила революционность великого русского мыслителя, и в статьях, публиковавшихся в зарубежной периодике, всю деятельность Чернышевского он ограничивал борьбой за либеральную конституцию. Драгоманов сознательно искажал идейную направленность романов «Что делать?» и «Пролог».

Страстной отповедью этой фальсификации стала статья

[1] Франко И. Соч. в 10-ти т. М., 1956—1959, т. 9, с. 59.

«Н. Г. Чернышевский», напечатанная во львовском журнале «Жизнь и слово» за 1895 г. Ее автором был украинский поэт П. Грабовский, отбывавший ссылку в Вилюйске, где незадолго перед ним томился Чернышевский. «Человек — достойный удивления, пример — достойный подражания!» — так заканчивается эта статья. До конца своей короткой жизни Грабовский оставался верным своим убеждениям. Как и Чернышевский, он не стал просить помилования у царя.

Усвоив революционно-демократические взгляды Чернышевского, Грабовский стал преемником его эстетической теории. Еще обучаясь в Харьковской духовной семинарии, он через революционных народников приобщился к чтению «Современника». Позднее Грабовский вспоминал: «Что делать?» — загремел среди хора искренних проповедников могучий голос молодого, спорого и талантливого человека, — вокруг него сплотилось все, что было только живого, совестливого, разумного; ключом забила горячая работа, униженные и обездоленные поднимали головы, проникались решительностью и надеждами... То был светлый, святой час человеческого пробуждения, который никогда не забудется».

Идеалом общественного деятеля и писателя для Грабовского были сам Чернышевский и созданный им образ Рахметова. Один из сподвижников Грабовского по революционной работе в Харькове вспоминал: «Мы составили клятвенный триумвират идти по стопам Рахметова».

Прекрасным в жизни человека Грабовский считал радость борьбы и труда на пользу социального прогресса, а идеалом писателя-патриота — того, кто кровно связал себя с судьбой Отчизны, кто активно борется за свободу народа. В «Письме к молодежи украинской» читаем: «Во имя насущных потребностей современности и лучшего будущего обращаюсь к вам: будем трудиться! Проникнитесь высшими идеалами времени и несите их человечеству, осветите его разум, поднимите его благосостояние, стремитесь к идеалам свободы» [2]. Идейным содержанием, призывными интонациями эти слова очень близки к словам Чернышевского: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...»

Вслед за Чернышевским Грабовский утверждает основное положение материалистической эстетики о примате объ-

[2] Грабовский П. Избр. произв. в 3-х т. М., 1964, т. 3, с. 52.

ективной действительности в искусстве: «Жизнь одна дает реальное содержание и истинно современные мотивы произведения» (*3*,184). Грабовский рассматривает искусство как историческое явление, справедливо считая, что изменения социально - экономических условий жизни порождают новое содержание и новые художественные формы. Особое внимание украинский революционер-демократ уделял категории прекрасного в эстетике. Подлинно прекрасным Грабовский считал лишь то произведение искусства, которое полезно народу и в котором правдиво раскрывается действительность. Наивысший расцвет искусства и литературы он связывал с обществом будущего.

Творчество И. Франко и П. Грабовского, их выступления по вопросам литературы и искусства занимали видное место в идеологической борьбе, которую революционные демократы вели против буржуазной теории «чистого искусства». Грабовский, например, в статье «Кое-что о творчестве поэтическом» дал меткую характеристику антинародному декадентскому искусству, которое, по его словам, «всегда прикрывало собой самые тенденциозные мысли, проповедывало самую грубую тенденциозность в литературе»[3]. Эти высказывания перекликаются с характеристикой проповедников чистого искусства, которую дал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Они заботятся вовсе не о чистом искусстве, независимом от жизни, а, напротив, хотят подчинить литературу исключительно служению одной тенденции, имеющей чисто житейское значение» (*3*, 299—300).

Открытое провозглашение Франко и Грабовским (вслед за Белинским и Чернышевским) принципа служения искусства общественным целям содействовало утверждению эстетических идеалов революционной демократии в украинской литературе XIX в.

---

[3] Там же, с. 75.

Н. П. Фокеева

Н. Г. Чернышевский в истории дореволюционной школы

Деятельность Н. Г. Чернышевского как учителя словесности привлекала внимание исследователей в дореволюционные годы[1]. Среди мемуарных свидетельств наиболее подробное представление о Чернышевском-учителе дают очерк Ф. В. Духовникова[2], а также воспоминания учеников Чернышевского Г. Шапошникова и братьев Михаила и Ивана Вороновых[3]. Как отмечает А. П. Медведев в предисловии ко второму разделу сборника «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», эти материалы помимо документальной точности в описании фактов представляют также интерес как убедительный документ, свидетельствующий о силе идейного влияния Чернышевского на молодежь. Обращает на себя внимание и справедливое замечание А. П. Медведева о том, что педагогическая деятельность Чернышевского — это не только факт его личной биографии. Чернышевский был педагогом нового типа. Содержание уроков, методы преподавания, взаимоотношения с учениками — все подчинялось задачам, продиктованным его революционно-демократическими убеждениями[4].

Ф. В. Духовников приводит воспоминания В. И. Дурасова, бывшего учеником Чернышевского в течение всего времени его преподавания. Эти мемуары подтверждают то «огромное и благотворное влияние, которое оказывал Чернышевский на умственное и нравственное развитие своих учеников»[5]. Вороновы, а также Г. Шапошников подчеркивали способность Чернышевского пробуждать благородные чувства и стремления в учениках: тягу к знанию, полезной деятельности, гражданскому служению своему народу.

---

[1] См.: Ляцкий Е. А. Чернышевский — учитель.— Современный мир, 1912, кн. 6.

[2] См.: Духовников Ф. В. Н. Г. Чернышевский.— Русская старина, 1911, № 1.

[3] См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958, т. 1, с. 146—153.

[4] См.: там же, с. 113—114.

[5] Там же, с. 127.

Все эти свидетельства помогают яснее представить те качества великого революционера-демократа, которые привлекали сердца учеников и оказывали наиболее сильное воздействие на их личности: ум и обширные знания, мастерское чтение литературных произведений, удивительное умение раскрыть подросткам идею произведения, а также сердечность, гуманность, необыкновенная простота и доступность Чернышевского. Именно это привлекало в Чернышевском его учеников и связывало их сердца с любящим сердцем молодого педагога[6]. Г. Шапошников вспоминал, что «почти у каждого ученика Чернышевского загорелось настойчивое желание учиться и учиться, чтобы со временем послужить ближнему»[7].

Педагогическая деятельность Чернышевского-учителя словесности, его роль в формировании революционного мировоззрения учащейся молодежи освещаются не только в воспоминаниях его учеников. Этот вопрос специально исследовался советскими учеными С. Н. Черновым, Ш. И. Ганелиным, Н. М. Чернышевской, Е. Г. Павловским, Я. А. Ротковичем, Е. Г. Бушканцем, а также нашел отражение в работах А. П. Скафтымова и Е. И. Покусаева.

Характеризуя деятельность Чернышевского как учителя, Е. Г. Павловский отмечал, что она проходила под знаком борьбы с рутиной, схоластикой, затхлой атмосферой, царившими в то время в гимназии. Чернышевский внес существенные изменения в методы преподавания: заучивание учебника было заменено живым рассказом учителя, увлекательной беседой на основе прочитанных художественных текстов и сочинений учащихся[8].

Я. А. Роткович расценивал преподавательскую деятельность Чернышевского как «важную главу в истории преподавания литературы». Он писал: «Применяемая им система широкого ознакомления учащихся как с историей, так и с теорией литературы, его методика бесед и письменных работ, его необыкновенное умение развивать самодеятельность учащихся и, главное, воспитывать прочные, сознательные революционные и патриотические убеждения — все эти особенности методического стиля Чернышевского заслуживают самого внима-

---

[6] См.: там же, с. 153.

[7] Там же, с. 152.

[8] См.: Павловский Е. Г. Чернышевский — учитель словесности.— Учен. зап. Сарат. пед. ин-та, 1940, вып. 5, с. 174.

тельного изучения в наши дни»[9]. О влиянии Чернышевского на нравственное развитие учащихся писала и Н. М. Чернышевская[10].

На конкретных примерах анализа стихотворений М. Ю. Лермонтова, произведений Гоголя, приведенных Чернышевским в его «Грамматике», можно увидеть особенности манеры преподавания Чернышевского, его умение приобщить ученика к прекрасному, формируя его взгляды и нравственность. Так, в истолковании Чернышевского стихотворение Лермонтова «Три пальмы» прекрасно не только потому, что очень хорошо написано, но еще более потому, что смысл его благороден и трогателен. Гибель пальм расценивается Чернышевским как «смерть для пользы людей», и такую смерть он считает «прекрасной минутой всей их жизни»; «хороша жизнь, но самое лучшее не пожалеть, если понадобится, и самой жизни для блага людей» (*16*, 303—307). В том же направлении толкуется описание Киевской бурсы из повести Гоголя «Вий»: «ведь от сострадания о людях уже недалеко до желания помочь им, насколько это в наших силах» (там же).

Известны факты и официального обращения школы в первой половине 60-х гг.XIX в. к диссертации Чернышевского и роману «Что делать?» В этом нельзя не видеть проявления общих особенностей, наблюдаемых в преподавании литературы этих лет. А. П. Скафтымов отмечает, что в 40—60-е гг. XIX в. «рушились старые программы и учебники — заново ставился вопрос о материале и целях изучения, вводились новые запретные разделы. Революционно-демократическая струя проникала в школу как в подборе материала, так и особенно в его освещении, открыто проникала на урок живая современность, не исключая статей Чернышевского, Добролюбова, Писарева»[11].

Анализ учебных книг тех лет позволяет установить, что в некоторые хрестоматии начала 60-х гг. включались отрывки из литературно-критических статей Чернышевского и его диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности». Так, в третьем томе «Русской хрестоматии с примечаниями для высших классов средних учебных заведений», составленной А. Филоновым (СПб.,1863), в разделе «Что такое

---

[9] Роткович Я. А. Н. Г. Чернышевский как учитель-словесник.— Лит. в школе, 1949, № 6, с. 25.

[10] См.: Чернышевская Н. М. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1952, с. 103.

[11] Скафтымов А. П. Преподавание литературы в дореволюционной школе (40—60-е годы).— Учен. зап. Сарат. пед. ин-та, 1938, вып. 3, с. 217.

трагедия?», наряду с определением трагического, данным Белинским, приводится обширный отрывок из диссертации Чернышевского, начинающийся словами: «Трагическое обыкновенно признают высшим, глубочайшим родом возвышенного».

Установлены также факты, свидетельствующие, что знакомство с романом «Что делать?» происходило иногда на школьном уроке. Разбор романа в классе признан А. А. Арцимовичем в циркуляре по Одесскому учебному округу 1863 г. «крайне неуместным». Годом раньше М. Погодин предостерегал гимназии «от критики Белинского, хрестоматий Галахова и диссертаций Чернышевского» [12]. Тем не менее не только у А. Филонова, но и в других учебных пособиях вплоть до 1864 г. были представлены высказывания автора «Что делать?» [13]

В последующие годы распространение произведений Чернышевского шло нелегальными путями. Как свидетельствуют материалы и различные циркуляры, запрещенный писатель продолжает жить в «преступном чтении», тайных кружках и ученических библиотеках многих гимназий. Упоминания о «тайных чтениях» романа «Что делать?» встречаются в мемуарах современников Чернышевского. Так, Н. Ф. Скориков, вспоминая студенческие годы, пишет: «Помню то благоговение, с которым мы прочитывали его утопический роман«Что делать?»... и тот страх, с которым мы, как лиходеи, шныряли по закоулкам Казани, укрываясь от зоркого постороннего взгляда и собираясь в тесный товарищеский кружок для таких «преступных» чтений...» [14]. Известны случаи исключения из гимназии за чтение романа Чернышевского [15].

Об авторитете Чернышевского как «властителя дум» молодого поколения свидетельствует также интерес молодежи к к его нелегальным портретам. Собрание этих портретов хранится в архиве Дома-музея Н. Г. Чернышевского. На некоторых из них есть интересные надписи. Приводим одну из них: «Этот портрет рисован горным инженером Глушаковым в 1880 гг. в г. Пинеге Арханг.губ., куда он был административно сослан. В 1881—1884 годах 6 декабря каждого года в Киеве студенты и почитатели Н. Г. Чернышевского, уроженцы Сара-

---

[12] Там же.

[13] См.: Роткович Я. А. Вопросы преподавания литературы. Историко-методические очерки. М., 1959.

[14] Скориков Н. Ф. Н. Г. Чернышевский в Астрахани.— Истор. вестник, 1905, № 5, с. 477.

[15] См.: Роткович Я. А. Вопросы преподавания литературы, с. 81.

товской губ., украшали этот портрет цветами и праздновали день именин своего знаменитого земляка» [16].

Таким образом, можно считать, что идейное влияние Чернышевского на русскую школу осуществлялось различными путями и было действенным и постоянным. 40—60-е гг., подчеркивал А. П. Скафтымов, положили начало той революционно-демократической традиции в преподавании литературы, которая неизменно продолжалась до Великой Октябрьской социалистической революции [17]. У ее истоков стоял Чернышевский—учитель Саратовской гимназии.

Продолжение этой традиции можно увидеть в педагогической деятельности крупнейших словесников 60—80 гг. XIX в., которая носила следы влияния эстетической теории и педагогических воззрений Чернышевского и может быть в какой-то мере рассмотрена как один из источников отраженного воздействия Чернышевского на школу, преломленного в их методических воззрениях и практическом опыте.

Факт благотворного влияния идей революционно-демократической эстетики и педагогики на деятельность прогрессивных методистов установлен педагогической наукой. Так, Я. А. Роткович неоднократно подчеркивал, что критикам-демократам обязаны лучшими сторонами своей деятельности методисты-словесники 60-х гг. [18]. В работе В. И. Водовозова «Словесность в образцах и разборах» [19] можно обнаружить влияние эстетической теории Чернышевского. Точно так же в принципе подхода к изучению литературы, получившем отражение в методической системе В. Я. Стоюнина и В. П. Острогорского, нельзя не чувствовать влияния революционно-демократической критики. Оно проявляется во взглядах прогрессивных методистов на литературу как на источник общественного воспитания, идейного, умственного, нравственного, эстетического влияния на общество. Смысл изучения художественного произведения В. Я. Стоюнин видел в «объяснении человеку его самого», в развитии его умственно, нравственно и эстетически [20]. Для В. П. Острогорского литература и литера-

[16] Демченко А. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Саратов, 1973, с. 86—87.

[17] См.: Скафтымов А. П. Указ. ст.— Учен. зап. Сарат. пед. ин-та, 1938, вып. 3, с. 216.

[18] См.: Роткович Я. А. Вопросы преподавания литературы, с. 77.

[19] См.: Водовозов В. И. Словесность в образцах и разборах. СПб., 1868.

[20] См.: Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы. СПб., 1864.

турное образование — одно из самых могущественных средств, при помощи которых юноши приобретают связь с Родиной и человечеством [21].

Нам представляется, что следует специально говорить об отношении В. П. Острогорского к Н. Г. Чернышевскому. Известно, что еще в студенческие годы Острогорский знакомится со статьями Чернышевского о Лессинге и «Очерками гоголевского периода русской литературы». Глубокое впечатление производит на него определение Чернышевским патриотизма, врезавшееся ему в память «на всю жизнь» [22].

В записной книжке Острогорского начала 80-х гг. сохранился подробный конспект 4—7-й глав «Очерков» с комментариями к отдельным высказываниям Чернышевского. Судя по некоторым замечаниям в тексте конспекта, Острогорский полностью переносил в свои школьные лекции суждения Чернышевского о Гоголе и Белинском [23]. Он высоко ценил книгу Чернышевского о Пушкине [24].

Однако один из аспектов этих отношений — чувство глубокого уважения Острогорского к писателю-демократу, стремление познакомить с его жизнью и деятельностью учащуюся молодежь — не исследован в педагогической науке.

Работа Н. М. Чернышевской «Младший сын Н. Г. Чернышевского» [25] и некоторые материалы архива Дома-музея Н. Г. Чернышевского дают основание поставить вопрос о более детальном исследовании отношений В. П. Острогорского к Н. Г. Чернышевскому.

Усилиями прогрессивных учителей и талантливых педагогов-методистов идеи Чернышевского, его произведения продолжают оказывать влияние на формирование нравственного сознания молодежи и после 1866 г. И в этом определенная роль принадлежала В. П. Острогорскому, который в тяжелые

---

[21] См.: Острогорский В. П. Беседы о преподавании словесности. СПб., 1885.

[22] См.: Острогорский В. П. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851—1864). СПб., 1895.

[23] См.: Роткович Я. А. Вопросы преподавания литературы, с. 201.

[24] В то же время следует учесть и замечание Я. А. Ротковича, который отмечал, что, заимствуя у критиков-революционеров отдельные характеристики писателей и высказывания о литературе, Острогорский не понимал и не принимал главного в их педагогических и эстетических воззрениях — их революционного гуманизма.

[25] См.: Чернышевская Н. М. Младший сын Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962, вып. 3.

годы реакции в Петербургской Ларинской гимназии знакомил учащихся с деятельностью поставленного вне закона писателя.

Н. М. Чернышевская подчеркивает, что благодаря деятельности В. П. Острогорского и его кружка заживо похороненный в снегах Вилюйска «государственный преступник» Н. Г. Чернышевский жил в сознании нового поколения 70—80 х гг.

Следует обратить внимание на другое суждение Н. М. Чернышевской, представляющееся нам значительным и проливающее свет на черты личности Острогорского. Н. М. Чернышевская замечает, что в Ларинской гимназии в страшные годы реакции Острогорский воспитывал младшего сына Чернышевского, «разъясняя ему значение деятельности отца». Этот факт рассматривается ею как выражение большого гражданского мужества Острогорского.

Так же может быть расценена история дружеских отношений В. П. Острогорского с М. Н. Чернышевским. Последний всегда оставался для Острогорского любимым учеником. Об этом могут свидетельствовать автографы В. П. Острогорского на книгах, присланных им М. Н. Чернышевскому, хранящихся в архивах Дома-музея.

Первый — дарственная надпись на оттиске статьи В. П. Острогорского «Художник русской песни (по поводу исполнения пятидесятилетия со дня смерти А. В. Кольцова)», помещенной в журнале «Мир божий» (1892, № 10): «Милому моему ученику, Михаилу Николаевичу Чернышевскому. Любящий его В. Острогорский, 1892, октября 15».

Второй автограф В. П. Острогорского — на присланной им М. Н. Чернышевскому книге «Из истории моего учительства» (СПб., 1895): «Дорогому моему ученику Михаилу Николаевичу Чернышевскому на добрую память. Автор. 1895, ноябрь 11»[26].

Символично, что дарственный автограф Острогорского обнаружен на книге, в которой автор говорит о своем отношении к Н. Г. Чернышевскому, о том, как глубоко запало ему в душу определение Чернышевским патриотизма.

О глубоком уважении В. П. Острогорского к Н. Г. Чернышевскому говорит и тот факт, что в его кабинете долгое время висел один из портретов Чернышевского, тайно распространявшихся в период его ссылки, о чем свидетельствует

---

[26] Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского, ф. 371, № 67.

фотография кабинета Острогорского, сделанная в свое время М. Н. Чернышевским. Это — один из нелегальных портретов писателя, разновидность переснимка с портрета 1859 г. (фото Л. Барклай, СПб.). Принадлежность данной фотографии Острогорскому подтверждает надпись, сделанная на обороте: «Много лет висела на стене в кабинете В. П. Острогорского, пока я не заменил ее настоящим портретом. Михаил Чернышевский»[27].

Приведенные выше материалы дают основание рассматривать идейно-нравственное воздействие Чернышевского на формирование духовного облика учащейся молодежи, начиная с дореволюционной школы, а также позволяют установить, что его труды, литературно-критические статьи, диссертация, роман «Что делать?» являлись достоянием русской школы и в определенные периоды официально представлялись в учебных пособиях. Это дает основание не согласиться с утвердившимся мнением, высказанным в отдельных работах по методике изучения Чернышевского в школе, что Чернышевский в дореволюционной школе не изучался.

---

[27] Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского, ф. 1026, № 2.

ХРОНИКА ЮБИЛЕЙНЫХ СОБЫТИЙ

Г. И. Щербакова

Юбилей Н. Г. Чернышевского в Саратовском университете

План юбилейных мероприятий по проведению 150-летнего юбилея Н. Г. Чернышевского был подготовлен в университете по заданию обкома и горкома КПСС в 1976 г. В состав Всесоюзной юбилейной комиссии вошли секретарь Саратовского обкома КПСС канд. ист. наук В. А. Родионов, д-р филос. наук Я. Ф. Аскин и д-р филол. наук Е. И. Покусаев, в состав областной комиссии — ректор СГУ д-р техн. наук А. М. Богомолов и зав. кафедрой СГУ д-р филос. наук Я. Ф. Аскин. Была сформирована университетская комиссия, среди ее членов были проф. Н. А. Троицкий, П. А. Бугаенко, Е. П. Никитина. И. В. Порох, доц. А. А. Демченко. План юбилейных мероприятий в университете был осуществлен с перевыполнением в 1976—1978 гг.

Уже в 1975 г. вышел в свет ряд научных работ, которые подготовили ученые СГУ. В 1975 г. в восьмом томе Краткой литературной энциклопедии были напечатаны статьи Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский» и А. А. Демченко «О. С. Чернышевская», «М. Н. Чернышевский», «Дом-музей Чернышевского». В 1976 г. в Москве пятым изданием вышла книга Е. И. Покусаева «Чернышевский», в том же году опубликован указатель литературы «Н. Г. Чернышевский. 1960—1970 гг.», составленный сотрудниками Научной библиотеки П. А. Супоницкой, А. Я. Ильиной при участии студентов спецсеминара и просеминара по творчеству Н. Г. Чернышевского (рук. доц. Б. И. Лазерсон, ред. В. В. Прозоров). В 1978 г. учеными университета подготовлены следующие сборники и монографии: «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», вып. 8; «Освободительное движение в России», вып. 9; «Чернышевский о русских писателях»; Демченко А. А. «Научная биография Н. Г. Чернышевского. Часть первая»; Троицкий Н. А. «Безумство храбрых»; Фокеева Н. П., Демченко А. А. «Изучение Чернышевского в школе»; а также более 40 статей.

Ниже дается перечень юбилейных мероприятий, проведенных университетом в 1978 г.

28 января. Опубликована статья секретаря обкома КПСС В. А. Родионова «Великий сын нашей Родины», в которой дана широкая программа проведения юбилея Чернышевского на Саратовской земле, поставлены конкретные задачи по подготовке к торжествам перед партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями, культурными и научными учреждениями, вузами.

Январь. Напечатана тематика лекций о Чернышевском в помощь пропагандистам, составленная кафедрой русской литературы СГУ и Саратовским отделением общества «Знание» («Полит. агитация», № 1).

12 февраля. Опубликована редакционная статья «Волжский Прометей», в которой рассказывается об экспедиции 1977 г. по местам каторги и ссылки Чернышевского, подготовленной и осуществленной университетскими учеными и студентами («Сов. Россия»).

14 февраля. Состоялось пленарное заседание отчетной научной конференции и Ученого совета филологического факультета, на котором был заслушан доклад доц. Г. Н. Антоновой «А. П. Скафтымов как исследователь Чернышевского». (Отчет о заседании опубликован в университетской газете «Ленинский путь» 24 февраля).

Февраль. В университетской газете «Ленинский путь» введена специальная рубрика «Его имя носит наш университет».

30 марта. Проведен литературный вечер «Читаем, изучаем Чернышевского», подготовленный кафедрой русской литературы и Научной библиотекой СГУ. Студенты филологического факультета (В. Курьяков. Н. Ильина, Т. Масленникова, А. Тарасов, Т. Жучкова, Т. Носкова, О. Ильин, В. Шеболдина, О. Шаламберидзе, К. Левиновский) под руководством доц. Г. В. Макаровской подготовили литературную композицю «Гражданский подвиг Чернышевского», в основу которой легли архивные документы, опубликованные в сб. «Дело Чернышевского» (Подг. текста, ввод. ст. и коммент. И. В. Пороха. Саратов, 1968). С сообщениями об экспедиции по местам каторги и ссылки Чернышевского выступили руководитель экспедиции доц. А. А. Демченко и сотрудник Дома-музея Чернышевского В. В. Смирнова. В заключение был показан любительский короткометражный цветной фильм «Двадцать дней жизни Чернышевского», снятый студентом А. Фишманом в экспедиции. Фильм стал победителем областного смотра любительских фильмов. (Отчет о литературном вечере был опубликован в газ. «Коммунист», 18 апреля, «Заря молодежи» 8 апреля, «Ленинский путь» 7 апреля).

20 апреля. Напечатана статья доц. Демченко «Той же округи, села Чернышева», в которой содержатся новые данные о родословной Чернышевского (газ. «Коммунист»).

20 апреля. Состоялся литературно-художественный вечер «Чернышевский и театр», подготовленный театроведческим кружком кафедры русской литературы (рук. — доц. Т. В. Ошарова) и Научной библиотекой СГУ. Члены кружка (Н. Извекова, Е. Савельева, О. Ускова, Н. Савельева, О. Спиридонова, И. Панина) выступили с коллективным сообщением «Чернышевский и театр». Режиссер ТЮЗа В. З. Федосеев рассказал участникам вечера о работе над спектаклем «Что делать?», о его художественных принципах, отметив при этом помощь кружковцев, которые подготовили для актеров обширный исторический комментарий к образам романа. В заключение вечера были показаны фрагменты из спектакля с участием нар. арт. РСФСР З. Спириной, засл. арт. РСФСР В. Краснова, арт. С. Сосновского, В. Грибанова и др. (Статья «Театр и мы», рассказывающая о литературном вечере, опубликована в «Ленинском пути» 3 мая).

18—21 апреля. Проведена студенческая научная конференция филологического факультета СГУ, посвященная 150-летию со дня рождения Чернышевского.

Дипломами 1-й степени конференция отметила доклады студентов университета Т. Трубниковой «Художественные особенности романа Чернышевского «Пролог», Н. Жолобовой и И. Гуревича «Изучение Чернышевского в школе», а также коллективные исследования «Гражданский подвиг Чернышевского» и «Чернышевский и театр».

3 мая. Напечатан отрывок из неопубликованной книги Н. М. Чернышевской «Семья Н. Г. Чернышевского». Книга содержит сведения о юбилейных торжествах, посвященных Чернышевскому, которые прошли в Саратовском университете в первые годы Советской власти (газ. «Ленинский путь»).

12 мая. Опубликована статья директора Научной библиотеки СГУ В. А. Артисевич «Библиотека — юбилею писателя». В ней говорится о работе сотрудников библиотеки по составлению картотеки и библиографических указателей литературы о Н. Г. Чернышевском, по подготовке следующих выставок: «Чернышевский и Саратов», «Университетские ученые о Чернышевском», «Редкие издания Чернышевского» и др. (газ. «Ленинский путь»).

18 мая. Проведено торжественное заседание Ученого совета университета, посвященное 150-летию со дня рождения Чернышевского. Члены Ученого совета прослушали доклад зав. кафедрой философии проф. Я. Ф. Аскина «Философское наследие Чернышевского и современность» и сообщение зав. кафедрой русской литературы проф. Е. П. Никитиной о работе по созданию первой экспозиции кабинета Чернышевского.

18 мая. Состоялось торжественное открытие научно-методического кабинета по изучению творческого наследия Н. Г. Чернышевского при кафедре русской литературы СГУ. Члены Ученого совета во главе с ректором СГУ А. М. Богомоловым и проректором И. С. Кашкиным познакомились с первой экспозицией «Саратовский государственый университет и Н. Г. Чернышевский».

«На стендах и книжных витринах представлены материалы местной печати за 70 лет, отражающие события университетской жизни, связанные с Чернышевским»,— пишет газ. «Ленинский путь» от 26 мая 1978 г. Репортаж об открытии кабинета также был опубликован в «Заре молодежи» от 25 мая.

20 мая. Проведена встреча студентов и преподавателей исторического факультета СГУ с режиссером-постановщиком спектакля «Человек, который знал, что делать» в театре им. К. Маркса К. М. Дубининым.

22 мая. Состоялось объединенное торжественное собрание коллективов, носящих имя Чернышевского,— Саратовского университета и Саратовского государственного театра оперы и балета. Вечер открыл проректор СГУ И. С. Кашкин. С докладом «Чернышевский и Саратовский университет» выступил доц. А. А. Демченко. Был принят договор о творческом содружестве между коллективами театра и университета. В заключение показана литературно-музыкальная композиция «Человек будущего», в которой приняли участие артисты оперного театра, ТЮЗа и филармонии. Сценарий композиции составлен преподавателями кафедры русской литературы доц. А. А. Жук, асс. Ю. Н. Борисовым, асп. Е. Г. Елиной.

25—26 мая. Университетские ученые приняли участие в работе Всесоюзной научной конференции в Ленинграде, посвященной 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. С докладом выступили секретарь Саратовского обкома КПСС канд. ист. наук В. А. Родионов, проф. Н. А. Троицкий, проф. Я. Ф. Аскин, доц. А. А. Демченко. (Отчет о конференции напечатан в газ. «Коммунист» 9 июня).

28 мая. Состоялся первый выпуск семинара университетского ФОПа, на котором были подготовлены студенты-общественные экскурсоводы по Дому-музею Н. Г. Чернышевского (Рассказ о результатах их работы опубликован в газ. «Коммунист» 10 апреля 1979 г.).

29 мая. Открылась новая мемориально-бытовая экспозиция Дома-музея Н. Г. Чернышевского. На торжественной церемонии выступили с приветственным словом секретарь горкома КПСС Н. Б. Еремин, Герой Социалистического Труда токарь П. А. Листопадов, поэт В. С. Гришин, студентка пединститута О. Ноздренкова. Был зас-

лушан рассказ директора Дома-музея Г. П. Мурениной о создании экспозиции и выступление проф. Е. П. Никитиной «Дом-музей Чернышевского и Саратовский университет».

Июнь. Ученые университета принимали участие в городских и районных чтениях, посвященных юбилею Чернышевского, вели консультационную работу для радио и телевидения (доц. В. В. Прозоров, д-р ист. наук И. В. Порох), Нижне-Волжской киностудии по созданию фильма «Особенный человек» (доц. А. А. Демченко, Е. К. Максимов), а также в академическом театре им. К. Маркса. Спектакль «Человек, который знал, что делать» был подготовлен в тесном содружестве театра с Домом-музеем Чернышевского и кафедрой русской литературы СГУ — отметил в своем интервью газ. «Коммунист» от 8 июня директор театра В. Т. Токарев. На общественном просмотре спектакля выступили профессора Т. М. Акимова, М. Б. Борисова, Е. П. Никитина. Сотрудники университета А. Н. Березнева и Ю. Н. Борисов опубликовали рецензию на спектакль в газ. «Заря молодежи» (8 июня), «Коммунист» (14 октября), «Ленинский путь» (6 октября).

23 июня. Вышел специальный номер университетской газеты «Ленинский путь», посвященный юбилею Чернышевского. Здесь напечатаны статьи А. А. Демченко «Чернышевский и Саратовский университет», Я. Ф. Аскина «Философское наследие Чернышевского и современность», отчеты Н. А. Троицкого о Всесоюзной юбилейной конференции, Е. П. Никитиной о новой экспозиции Дома-музея Чернышевского, Г. И. Щербаковой об открытии научно-методического кабинета по изучению творческого наследия Чернышевского, а также сведения о защитах дипломных работ, посвященных Чернышевскому, о лекторской работе студентов, прочитавших свыше 200 лекций о великом демократе в городе и районах области.

4 июля. В газете «Правда» опубликована статья ректора университета им. Н. Г. Чернышевского А. М. Богомолова «Глубокий мыслитель».

4 июля. Во Всесоюзном торжественном заседании в Большом театре Союза ССР приняли участие первый секретарь Саратовского обкома КПСС В. К. Гусев, секретарь обкома КПСС В. А. Родионов, ректор СГУ А. М. Богомолов, проф. Я. Ф. Аскин, директор Дома-музея Чернышевского Г. П. Муренина, правнучка писателя-революционера В. С. Чернышевская.

21 июля. Открылась юбилейная литературная выставка в Доме-музее «Чернышевский — революционный демократ, писатель, ученый», на которой выступил проректор СГУ И. С. Кашкин.

15 июля. Состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию Н. Г. Чернышевского, в помещении театра оперы и балета, носящего имя великого земляка. С докладами выступили секретарь обкома В. А. Родионов, писатель Г. И. Коновалов, режиссер ТЮЗа Ю. П. Киселев, студентка СГУ Т. Жучкова.

23 июля. Вышел в свет юбилейный номер газ. «Коммунист» со статьями о Чернышевском первого секретаря обкома В. К. Гусева «Наша слава и гордость» и ректора СГУ А. М. Богомолова «Назван его именем».

24 июля. Состоялся праздник, посвященный 150-летию со дня рождения великого демократа, в Доме-музее Чернышевского. С докладом о творческих связях университета и Дома-музея выступил доц. А. А. Демченко.

Июль. Вышел в свет юбилейный номер журнала «Волга» со статьями секретаря обкома В. А. Родионова «Наш Чернышевский», проф. Е. И. Покусаева «Расплата» (публикация А. С. Вознесенской) и доц. А. А. Демченко «Родной мой край».

12—14 октября. Проведена научно-теоретическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Чернышевского, на торжественном открытии которой выступил ректор СГУ А. М. Богомолов. Во вступительном слове он отметил, что наука о Чернышевском — живая память о верном сыне Родины и дальнейшее развитие его идейно-теоретического наследия. «В нашей конференции,— сказал далее проф. А. М. Богомолов,— как и на предыдущей юбилейной конференции 1958 г., проходившей в Саратове, присутствуют ученые разных городов страны, многих вузов. Мы рады убедиться в том, что жизнь и деятельность Чернышевского, его теоретическое наследие продолжают оставаться в поле зрения современной науки, вызывают столь активный интерес».

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.
ИСТОРИЯ.
ФИЛОСОФИЯ.
ЛИТЕРАТУРА.

ИБ 1527

Редактор *Л. Л. Прозоровская*
Технический редактор *Н. И. Добровольская*
Корректоры *Г. В. Лопатина, С. Н. Мелешина*

Сдано в набор 5.02.82. Подписано к печати 19.11.82. НГ 25470. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. печ. л. 14,88(16). Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 1500 экз. Заказ 4754. Цена 1 р. 50 к.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42
Типография издательства «Коммунист», 410002, Саратов, Волжская, 28.

1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1982